

Произведения поэтов и писателей разных стран для детей 6-7 лет

Поэзия

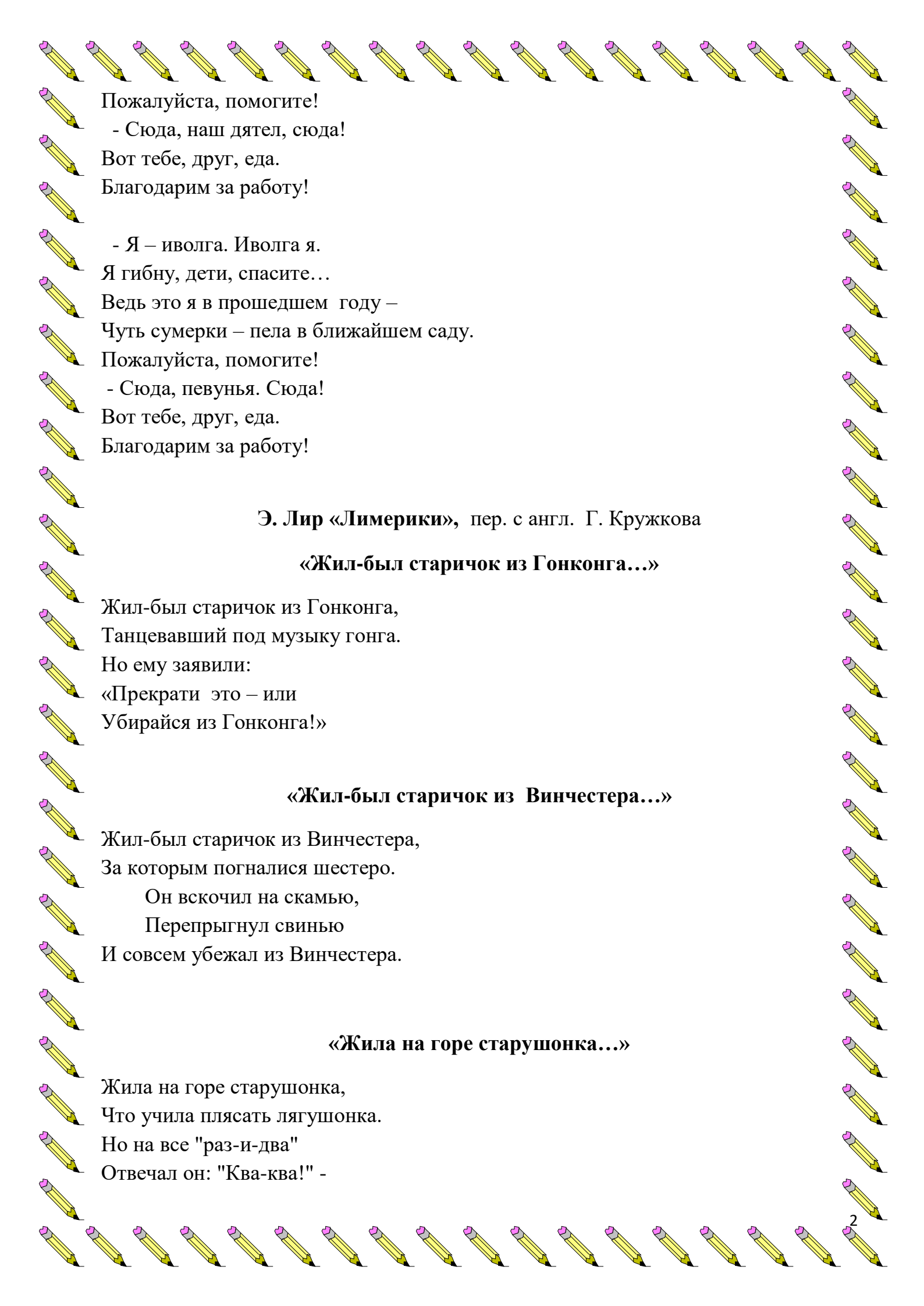
Л. Станчев «Осенняя гамма», (пер. с болг. И. Токмаковой)

Пусто чижики гнездо.
До.
День осенний на дворе.
Ре.
Воет ветер за дверьми.
До. Ре. Ми.
Светлых дней пуста графа.
Фа.
Побелела вся земля.
Ля.
Лёд на лужах, словно соль.
Соль.
Шапку тёплую носи.
Си.
До. Ре. Ми. Фа. Соль. Ля. Си. До.
Дождь. Дождь. Дождь. Дождь.
Снег!

Б. Брехт «Зимний разговор через форточку», пер. с нем. К. Орешина

- Я – маленький воробей.
Я гибну, дети, спасите...
Я летом всегда подавал сигнал,
Чтоб сторож ворон с огорода гнал.
Пожалуйста, помогите!
- Сюда, воробей, сюда!
Вот тебе, друг, еда.
Благодарим за работу!

- Я – дятел, пестрый такой.
Я гибну, дети, спасите...
Всё лето я клювом стволы долбил,
Тьму вредных букашек поистребил.

Пожалуйста, помогите!

- Сюда, наш дятел, сюда!

Вот тебе, друг, еда.

Благодарим за работу!

- Я – иволга. Иволга я.

Я гибну, дети, спасите...

Ведь это я в прошедшем году –

Чуть сумерки – пела в ближайшем саду.

Пожалуйста, помогите!

- Сюда, певунья. Сюда!

Вот тебе, друг, еда.

Благодарим за работу!

Э. Лир «Лимерики», пер. с англ. Г. Кружкова

«Жил-был старичок из Гонконга...»

Жил-был старичок из Гонконга,

Танцевавший под музыку гонга.

Но ему заявили:

«Прекрати это – или

Убирайся из Гонконга!»

«Жил-был старичок из Винчестера...»

Жил-был старичок из Винчестера,

За которым погнались шестеро.

Он вскочил на скамью,

Перепрыгнул свинью

И совсем убежал из Винчестера.

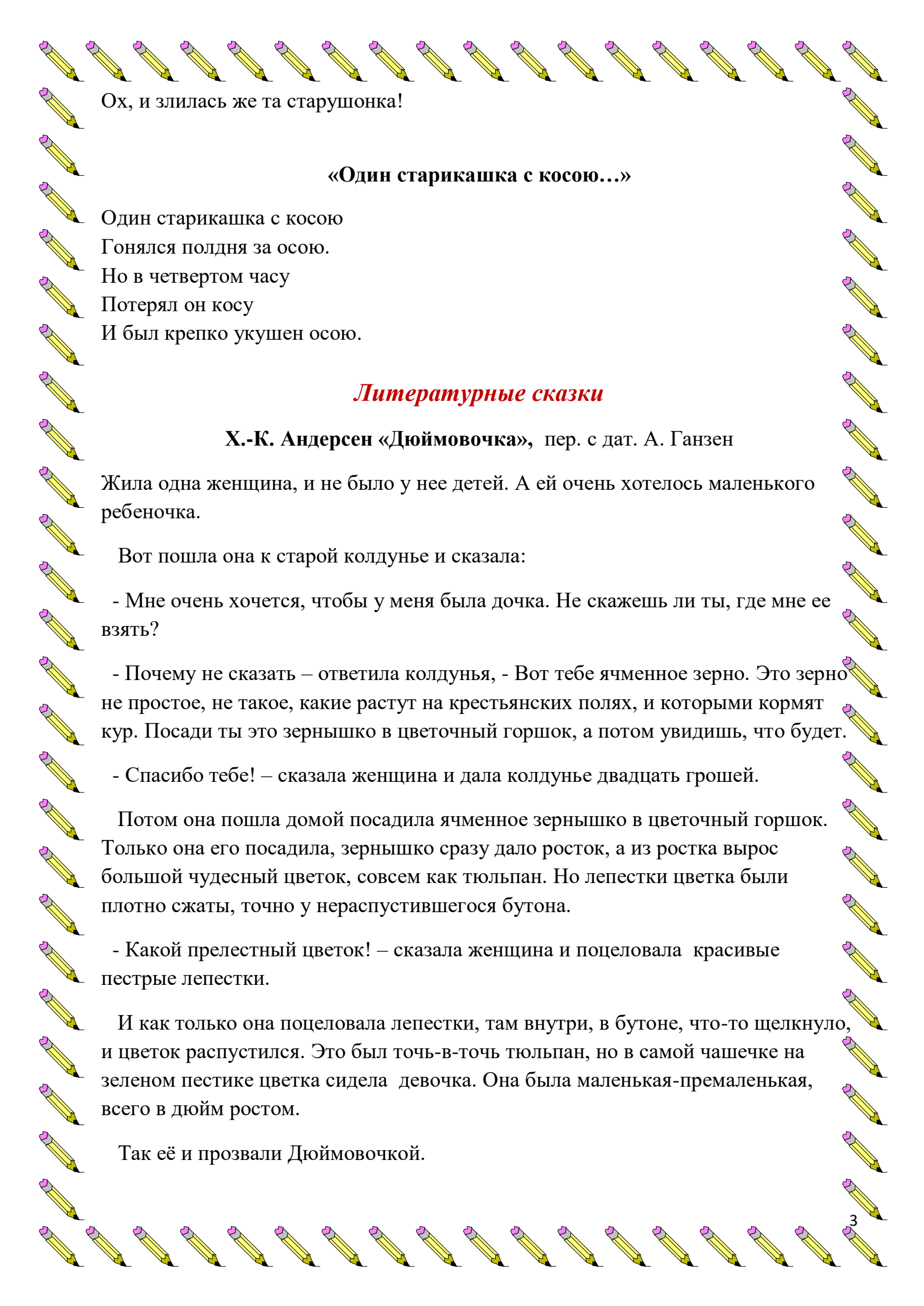
«Жила на горе старушонка...»

Жила на горе старушонка,

Что учила плясать лягушонка.

Но на все "раз-и-два"

Отвечал он: "Ква-ква!" -

Ох, и злилась же та старушонка!

«Один старикашка с косою...»

Один старикашка с косою
Гонялся полдня за осою.
Но в четвертом часу
Потерял он косу
И был крепко укушен осою.

Литературные сказки

Х.-К. Андерсен «Дюймовочка», пер. с дат. А. Ганзен

Жила одна женщина, и не было у нее детей. А ей очень хотелось маленького ребеночка.

Вот пошла она к старой колдунье и сказала:

- Мне очень хочется, чтобы у меня была дочка. Не скажешь ли ты, где мне ее взять?

- Почему не сказать – ответила колдунья, - Вот тебе ячменное зерно. Это зерно не простое, не такое, какие растут на крестьянских полях, и которыми кормят кур. Посади ты это зернышко в цветочный горшок, а потом увидишь, что будет.

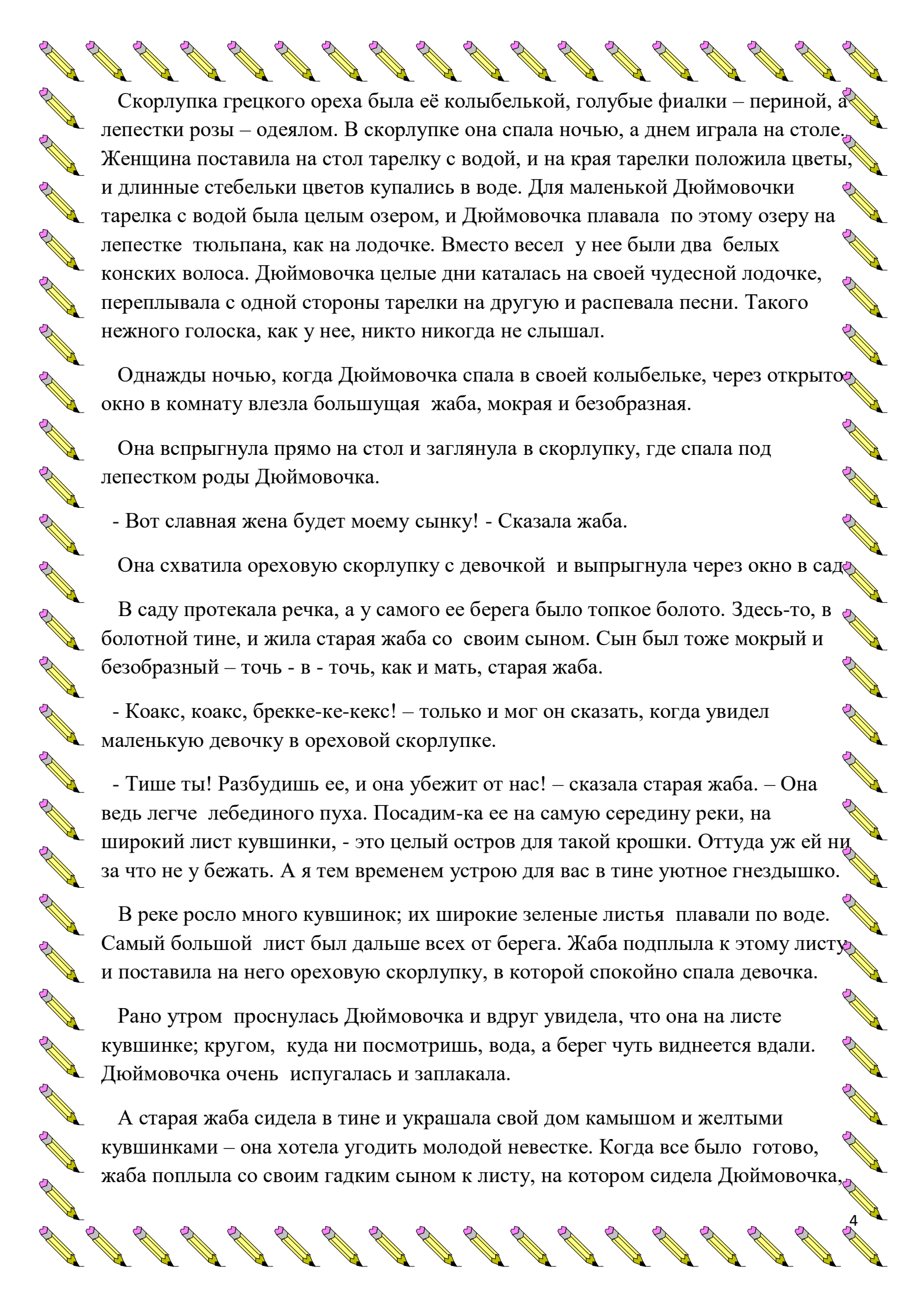
- Спасибо тебе! – сказала женщина и дала колдунье двадцать грошей.

Потом она пошла домой посадила ячменное зернышко в цветочный горшок. Только она его посадила, зернышко сразу дало росток, а из ростка вырос большой чудесный цветок, совсем как тюльпан. Но лепестки цветка были плотно сжаты, точно у нераспустившегося бутона.

- Какой прелестный цветок! – сказала женщина и поцеловала красивые пестрые лепестки.

И как только она поцеловала лепестки, там внутри, в бутоне, что-то щелкнуло, и цветок распустился. Это был точь-в-точь тюльпан, но в самой чашечке на зеленом пестике цветка сидела девочка. Она была маленькая-премаленькая, всего в дюйм ростом.

Так её и прозвали Дюймовочкой.

Скорлупка грецкого ореха была её колыбелькой, голубые фиалки – периной, а лепестки розы – одеялом. В скорлупке она спала ночью, а днем играла на столе. Женщина поставила на стол тарелку с водой, и на края тарелки положила цветы, и длинные стебельки цветов купались в воде. Для маленькой Дюймовочки тарелка с водой была целым озером, и Дюймовочка плавала по этому озеру на лепестке тюльпана, как на лодочке. Вместо весел у нее были два белых конских волоса. Дюймовочка целые дни каталась на своей чудесной лодочке, переплывала с одной стороны тарелки на другую и распевала песни. Такого нежного голоса, как у нее, никто никогда не слышал.

Однажды ночью, когда Дюймовочка спала в своей колыбельке, через открытое окно в комнату влезла большущая жаба, мокрая и безобразная.

Она вспрыгнула прямо на стол и заглянула в скорлупку, где спала под лепестком роды Дюймовочка.

- Вот славная жена будет моему сынку! - Сказала жаба.

Она схватила ореховую скорлупку с девочкой и выпрыгнула через окно в сад.

В саду протекала речка, а у самого ее берега было топкое болото. Здесь-то, в болотной тине, и жила старая жаба со своим сыном. Сын был тоже мокрый и безобразный – точь - в - точь, как и мать, старая жаба.

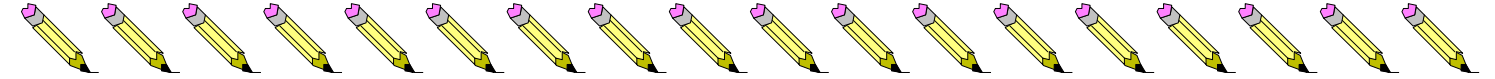
- Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! – только и мог он сказать, когда увидел маленькую девочку в ореховой скорлупке.

- Тише ты! Разбудишь ее, и она убежит от нас! – сказала старая жаба. – Она ведь легче лебединого пуха. Посадим-ка ее на самую середину реки, на широкий лист кувшинки, - это целый остров для такой крошки. Оттуда уж ей ни за что не убежать. А я тем временем устрою для вас в тине уютное гнездышко.

В реке росло много кувшинок; их широкие зеленые листья плавали по воде. Самый большой лист был дальше всех от берега. Жаба подплыла к этому листу и поставила на него ореховую скорлупку, в которой спокойно спала девочка.

Рано утром проснулась Дюймовочка и вдруг увидела, что она на листе кувшинки; кругом, куда ни посмотришь, вода, а берег чуть виднеется вдали. Дюймовочка очень испугалась и заплакала.

А старая жаба сидела в тине и украшала свой дом камышом и желтыми кувшинками – она хотела угодить молодой невестке. Когда все было готово, жаба поплыла со своим гадким сыном к листу, на котором сидела Дюймовочка,

чтобы взять ее кроватку и поставить в спальне. Старая жаба низко присела в воде перед девочкой и сказала:

- Вот мой сынок! Он будет твоим мужем. Вы славно заживете с ним у нас в тине.

- Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! – только и мог сказать сынок.

Жабы взяли скорлупку и уплыли с ней, а Дюймовочка осталась одна на зеленом листе и горько-горько плакала: ей вовсе не хотелось жить у гадкой жабы и выходить замуж за ее противного сына.

Маленькие рыбки, которые плавали под водой, видели жабу и ее сына и слышали, что она говорила Дюймовочке.

Они высунули из воды свои головы, чтобы поглядеть на крошку-невесту. Как только рыбки увидели Дюймовочку, им стало ужасно жалко, что такой прелестной девочке придётся жить с жабами. Не бывать же этому! Рыбки со всей речки подплыли к листу кувшинки, на котором сидела Дюймовочка, и перегрызли стебелек листа.

И вот лист кувшинки поплыл по течению. Течение было сильное, лист с девочкой плыл очень быстро. Теперь жаба никак не могла бы догнать Дюймовочку.

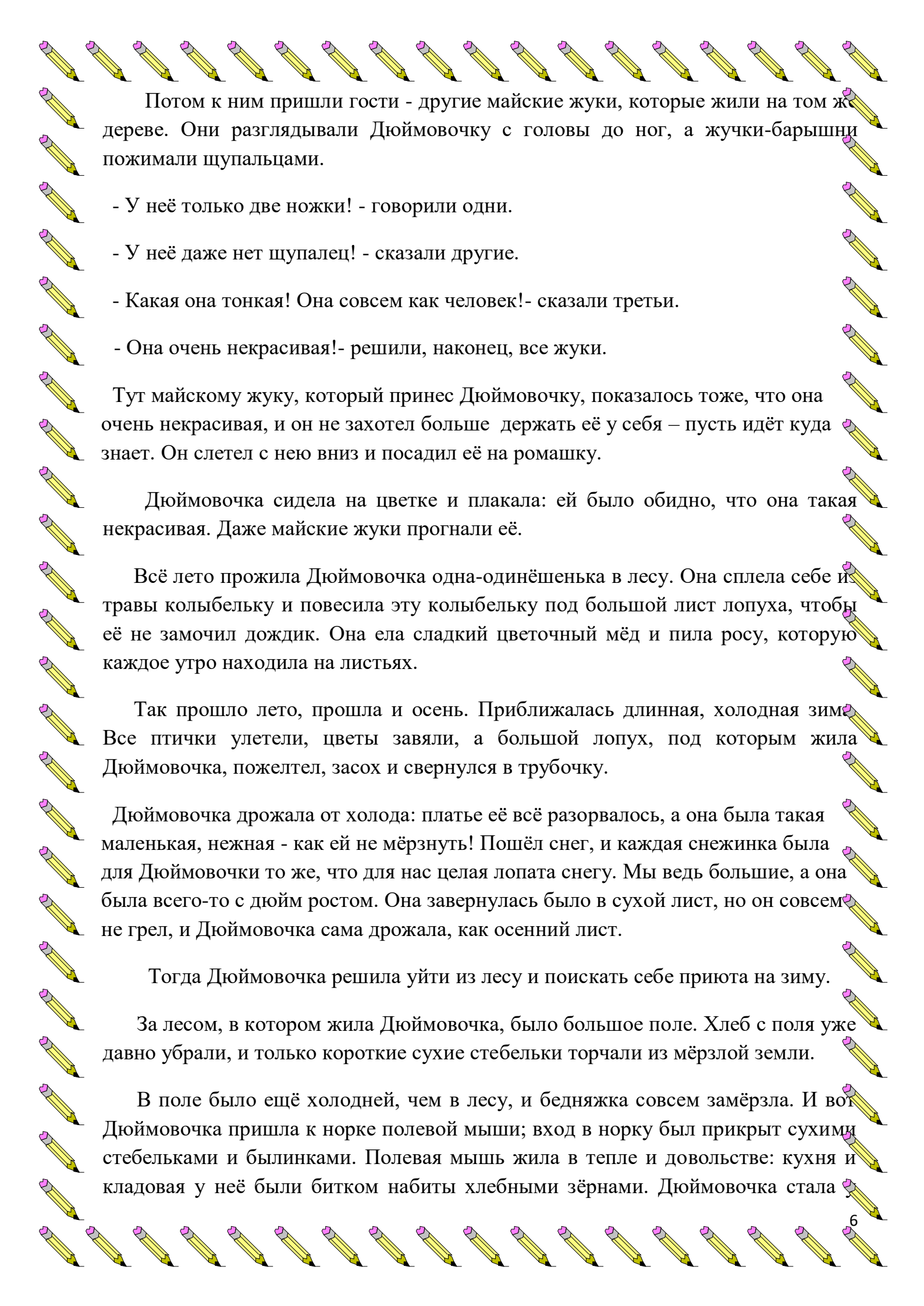
А Дюймовочка плыла всё дальше, и маленькие птички, которые сидели в кустах, смотрели на неё и пели:

- Какая хорошенькая маленькая девочка!

Красивый белый мотылёк всё время порхал вокруг Дюймовочки и наконец, опустился на лист: уж очень ему понравилась маленькая девочка. Тогда Дюймовочка сняла с себя пояс, один конец набросила на мотылька, а другой привязала к своему листу, и лист поплыл ещё быстрее.

Вдруг мимо пролетел майский жук. Он увидел Дюймовочку, схватил её и унёс на дерево, а зелёный лист кувшинки поплыл дальше, и с ним мотылёк – он ведь был привязан и не мог освободиться.

Бедная Дюймовочка очень испугалась, когда жук схватил её и полетел с ней на дерево. Но майскому жуку и горя было мало. Он уселся высоко на дереве, покормил Дюймовочку сладким цветочным соком и сказал ей, что она ему очень нравится, хотя она и совсем не похожа на майского жука

Потом к ним пришли гости - другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они разглядывали Дюймовочку с головы до ног, а жучки-барышни пожимали щупальцами.

- У неё только две ножки! - говорили одни.

- У неё даже нет щупалец! - сказали другие.

- Какая она тонкая! Она совсем как человек! - сказали третьи.

- Она очень некрасивая! - решили, наконец, все жуки.

Тут майскому жуку, который принес Дюймовочку, показалось тоже, что она очень некрасивая, и он не захотел больше держать её у себя – пусть идёт куда знает. Он слетел с нею вниз и посадил её на ромашку.

Дюймовочка сидела на цветке и плакала: ей было обидно, что она такая некрасивая. Даже майские жуки прогнали её.

Всё лето прожила Дюймовочка одна-одинёшенька в лесу. Она сплела себе из травы колыбельку и повесила эту колыбельку под большой лист лопуха, чтобы её не замочил дождик. Она ела сладкий цветочный мёд и пила росу, которую каждое утро находила на листьях.

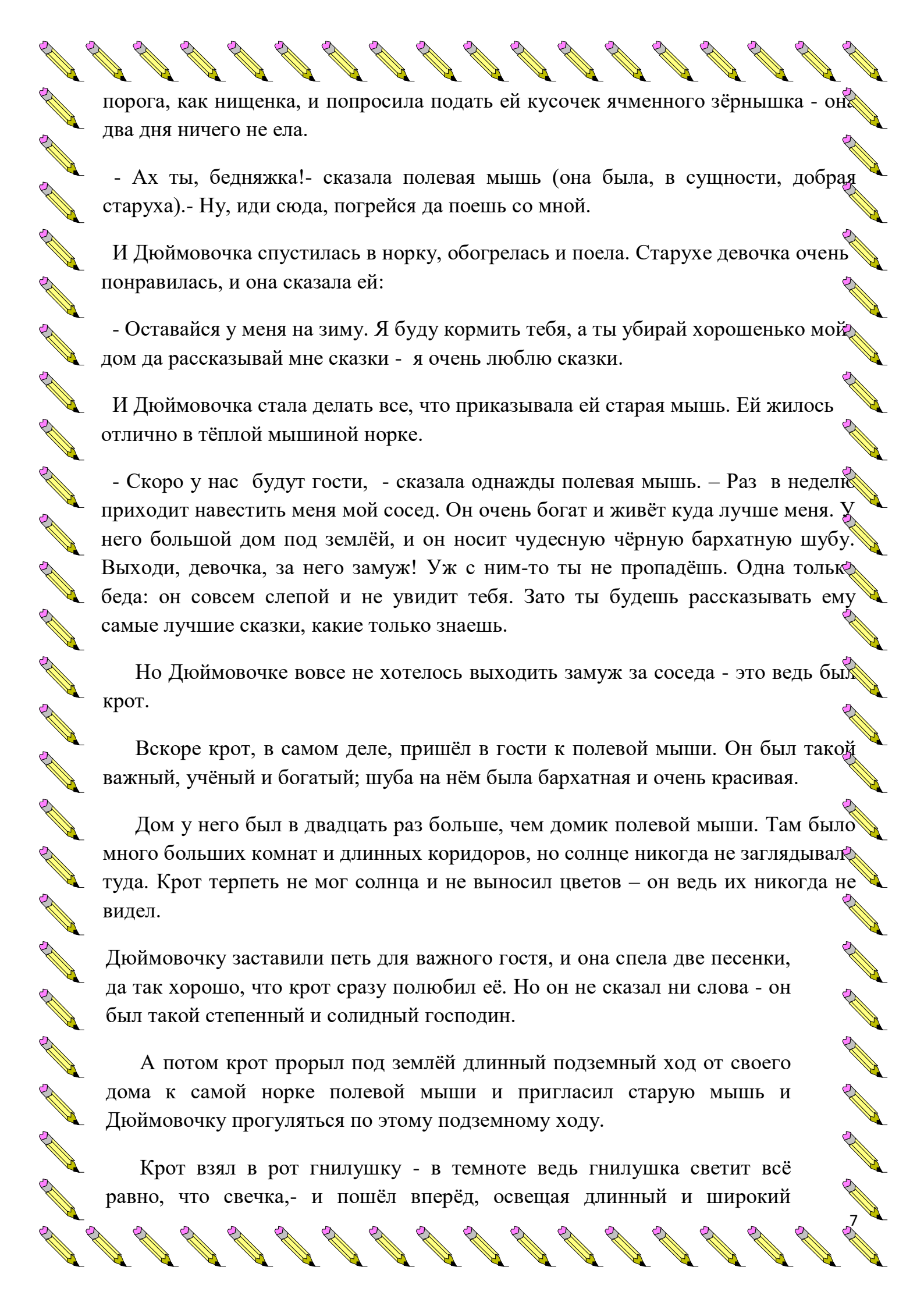
Так прошло лето, прошла и осень. Приближалась длинная, холодная зима. Все птички улетели, цветы завяли, а большой лопух, под которым жила Дюймовочка, пожелтел, засох и свернулся в трубочку.

Дюймовочка дрожала от холода: платье её всё разорвалось, а она была такая маленькая, нежная - как ей не мёрзнуть! Пошёл снег, и каждая снежинка была для Дюймовочки то же, что для нас целая лопата снегу. Мы ведь большие, а она была всего-то с дюйм ростом. Она завернулась было в сухой лист, но он совсем не грел, и Дюймовочка сама дрожала, как осенний лист.

Тогда Дюймовочка решила уйти из лесу и поискать себе приюта на зиму.

За лесом, в котором жила Дюймовочка, было большое поле. Хлеб с поля уже давно убрали, и только короткие сухие стебельки торчали из мёрзлой земли.

В поле было ещё холодней, чем в лесу, и бедняжка совсем замёрзла. И вот Дюймовочка пришла к норке полевой мыши; вход в норку был прикрыт сухими стебельками и былинками. Полевая мышь жила в тепле и довольстве: кухня и кладовая у неё были битком набиты хлебными зёрнами. Дюймовочка стала

порога, как нищенка, и попросила подать ей кусочек ячменного зёрнышка - она два дня ничего не ела.

- Ах ты, бедняжка!- сказала полевая мышь (она была, в сущности, добрая старуха).- Ну, иди сюда, погрейся да поешь со мной.

И Дюймовочка спустилась в норку, обогрелась и поела. Старухе девочка очень понравилась, и она сказала ей:

- Оставайся у меня на зиму. Я буду кормить тебя, а ты убирай хорошенько мой дом да рассказывай мне сказки - я очень люблю сказки.

И Дюймовочка стала делать все, что приказывала ей старая мышь. Ей жилось отлично в тёплой мышьиной норке.

- Скоро у нас будут гости, - сказала однажды полевая мышь. – Раз в неделю приходит навестить меня мой сосед. Он очень богат и живёт куда лучше меня. У него большой дом под землёй, и он носит чудесную чёрную бархатную шубу. Выходи, девочка, за него замуж! Уж с ним-то ты не пропадёшь. Одна только беда: он совсем слепой и не увидит тебя. Зато ты будешь рассказывать ему самые лучшие сказки, какие только знаешь.

Но Дюймовочке вовсе не хотелось выходить замуж за соседа - это ведь был крот.

Вскоре крот, в самом деле, пришёл в гости к полевой мыши. Он был такой важный, учёный и богатый; шуба на нём была бархатная и очень красивая.

Дом у него был в двадцать раз больше, чем домик полевой мыши. Там было много больших комнат и длинных коридоров, но солнце никогда не заглядывало туда. Крот терпеть не мог солнца и не выносил цветов – он ведь их никогда не видел.

Дюймовочку заставили петь для важного гостя, и она спела две песенки, да так хорошо, что крот сразу полюбил её. Но он не сказал ни слова - он был такой степенный и солидный господин.

А потом крот прорыл под землёй длинный подземный ход от своего дома к самой норке полевой мыши и пригласил старую мышь и Дюймовочку прогуляться по этому подземному ходу.

Крот взял в рот гнилушку - в темноте ведь гнилушка светит всё равно, что свечка,- и пошёл вперёд, освещая длинный и широкий

коридор. На полпути крот остановился и сказал:

- Здесь лежит какая-то птица. Но вам её нечего бояться - она мёртвая.

И крот протолкнул своим широким носом дырку в потолке. Дневной свет проник в подземный ход, и Дюймовочка увидела мёртвую ласточку. Это была настоящая птица, с перьями и с клювом; она, должно быть, умерла недавно, в начале зимы, и упала в норку крота.

Крылышки мёртвой птички были крепко прижаты к телу, ножки и голова спрятаны в пёрышки. Бедная ласточка, наверное, умерла от холода. Дюймовочке стало очень жалко её, она так любила птичек — ведь они целое лето пели ей свои чудесные песенки. Но крот толкнул ласточку своими короткими лапами и сказал:

-Теперь уже не посвистишь! Да, не хотел бы я родиться вот такой пичужкой! Она только и умеет чирикать да щебетать, а придёт зима — что ей делать! Помирай с голоду и холоду. Вот уж моим детям зимы не придётся бояться.

- Да, да! - сказала полевая мышь. – Какой прок от этого чириканья? Песнями сыт не будешь, чириканьем зимой не согреешься!

А Дюймовочка молчала. Но когда крот и мышь повернулись к птице спиной, Дюймовочка нагнулась к ласточке, раздвинула пёрышки и поцеловала её прямо в закрытые глаза.

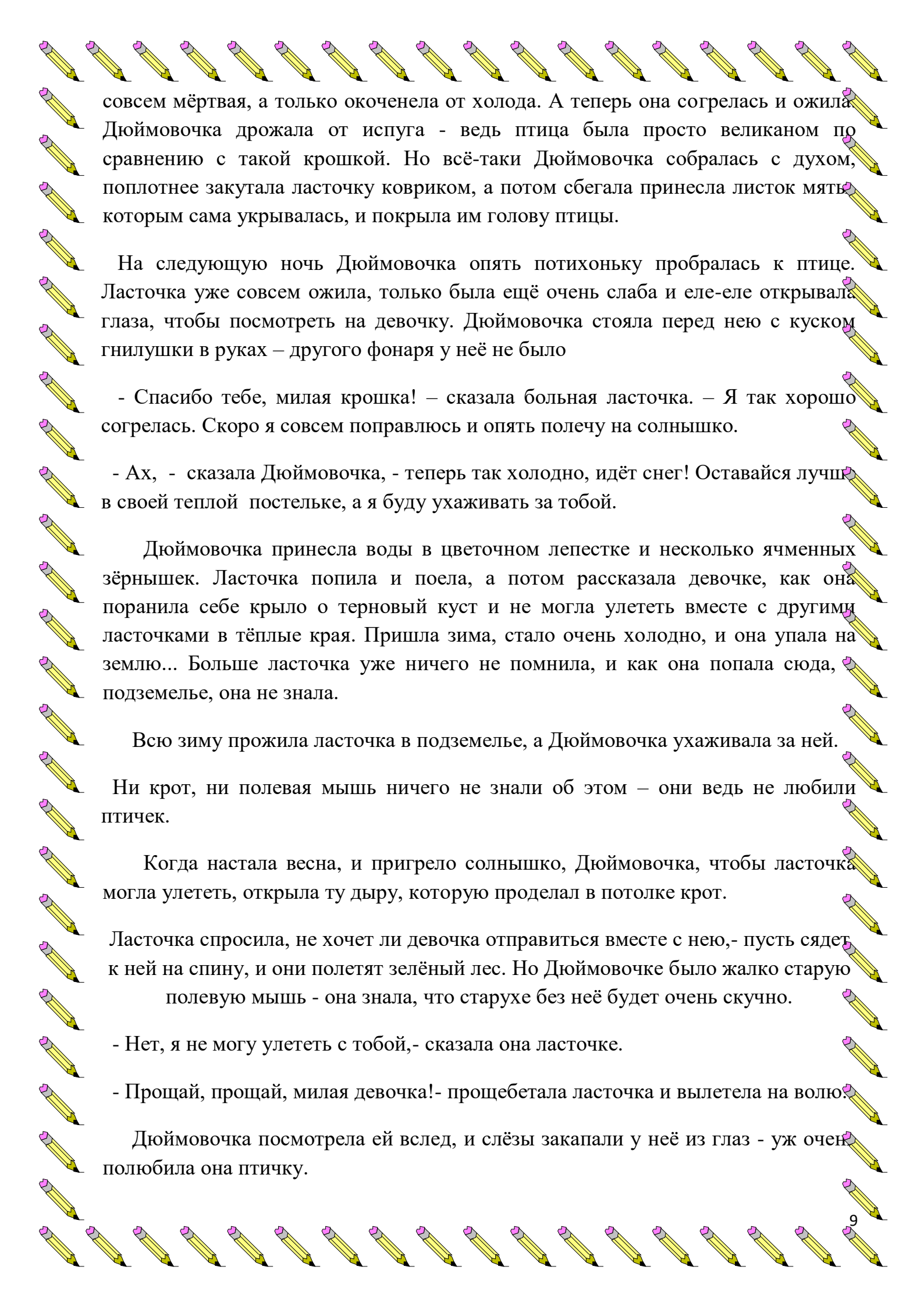
«Может быть, это та самая ласточка, которая так чудесно распевала летом, - подумала девочка.- Сколько радости доставила ты мне, милая птичка!»

Потом крот заткнул дыру в потолке и проводил старуху мышь Дюймовочку домой.

Ночью Дюймовочке не спалось. Она встала с постельки, сплела из сухих былинки большой ковёр, пошла в подземный ход и прикрыла ковром мёртвую птичку. Потом Дюймовочка принесла из мышиной норки пушистый, мягкий мох и устроила из него постельку, чтобы мёртвой птичке было удобнее лежать.

- Прощай, милая ласточка! - сказала Дюймовочка.- Прощай! Спасибо тебе за то, что ты так чудесно пела мне летом, когда деревья были ещё зелёные, солнышко так славно грело!

И она склонила головку на грудь птички и вдруг испугалась: она услышала, как в груди ласточки что-то стучит. Это забило сердце птички — она была не

совсем мёртвая, а только окоченела от холода. А теперь она согрелась и ожила. Дюймовочка дрожала от испуга - ведь птица была просто великаном по сравнению с такой крошкой. Но всё-таки Дюймовочка собралась с духом, поплотнее закутала ласточку ковриком, а потом сбегала принесла листок мяты, которым сама укрывалась, и покрыла им голову птицы.

На следующую ночь Дюймовочка опять потихоньку пробралась к птице. Ласточка уже совсем ожила, только была ещё очень слаба и еле-еле открывала глаза, чтобы посмотреть на девочку. Дюймовочка стояла перед нею с куском гнилушки в руках – другого фонаря у неё не было

- Спасибо тебе, милая крошка! – сказала больная ласточка. – Я так хорошо согрелась. Скоро я совсем поправлюсь и опять полечу на солнышко.

- Ах, - сказала Дюймовочка, - теперь так холодно, идёт снег! Оставайся лучше в своей теплой постельке, а я буду ухаживать за тобой.

Дюймовочка принесла воды в цветочном лепестке и несколько ячменных зёрнышек. Ласточка попила и поела, а потом рассказала девочке, как она поранила себе крыло о терновый куст и не могла улететь вместе с другими ласточками в тёплые края. Пришла зима, стало очень холодно, и она упала на землю... Больше ласточка уже ничего не помнила, и как она попала сюда, под земелье, она не знала.

Всю зиму прожила ласточка в подземелье, а Дюймовочка ухаживала за ней.

Ни крот, ни полевая мышь ничего не знали об этом – они ведь не любили птичек.

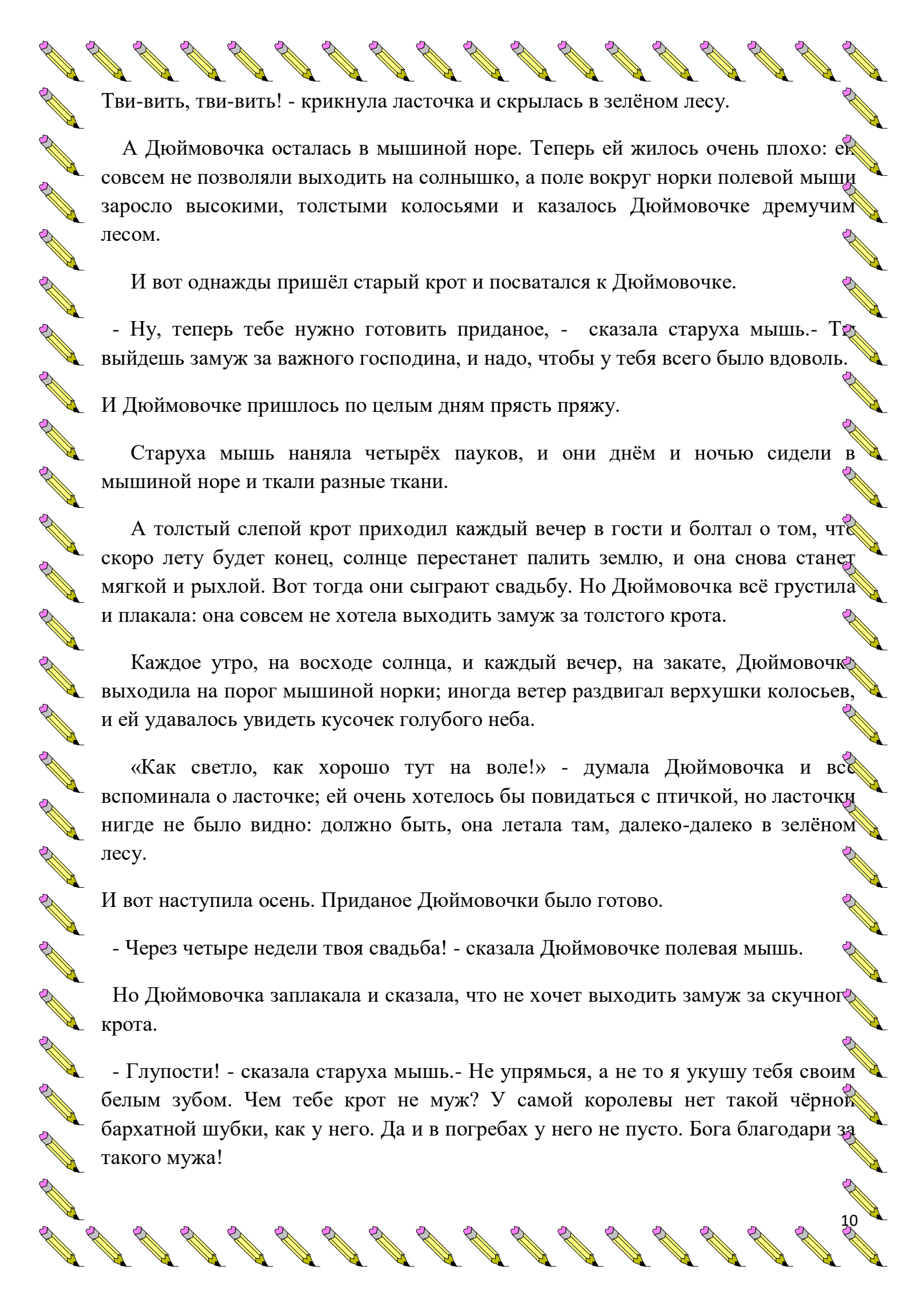
Когда настала весна, и пригрело солнышко, Дюймовочка, чтобы ласточка могла улететь, открыла ту дыру, которую проделал в потолке крот.

Ласточка спросила, не хочет ли девочка отправиться вместе с нею, - пусть сядет к ней на спину, и они полетят зелёный лес. Но Дюймовочке было жалко старую полевую мышь - она знала, что старухе без неё будет очень скучно.

- Нет, я не могу улететь с тобой, - сказала она ласточке.

- Прощай, прощай, милая девочка! - прощобетала ласточка и вылетела на волю.

Дюймовочка посмотрела ей вслед, и слёзы закапали у неё из глаз - уж очень полюбила она птичку.

Тви-вить, тви-вить! - крикнула ласточка и скрылась в зелёном лесу.

А Дюймовочка осталась в мышиной норе. Теперь ей жилось очень плохо: ей совсем не позволяли выходить на солнышко, а поле вокруг норки полевой мышью заросло высокими, толстыми колосьями и казалось Дюймовочке дремучим лесом.

И вот однажды пришёл старый крот и посватался к Дюймовочке.

- Ну, теперь тебе нужно готовить приданое, - сказала старуха мышь.- Ты выйдешь замуж за важного господина, и надо, чтобы у тебя всего было вдоволь.

И Дюймовочке пришлось по целым дням прясть пряжу.

Старуха мышь наняла четырёх пауков, и они днём и ночью сидели в мышиной норе и ткали разные ткани.

А толстый слепой крот приходил каждый вечер в гости и болтал о том, что скоро лету будет конец, солнце перестанет палить землю, и она снова станет мягкой и рыхлой. Вот тогда они сыграют свадьбу. Но Дюймовочка всё грустила и плакала: она совсем не хотела выходить замуж за толстого крота.

Каждое утро, на восходе солнца, и каждый вечер, на закате, Дюймовочка выходила на порог мышиной норки; иногда ветер раздвигал верхушки колосьев, и ей удавалось увидеть кусочек голубого неба.

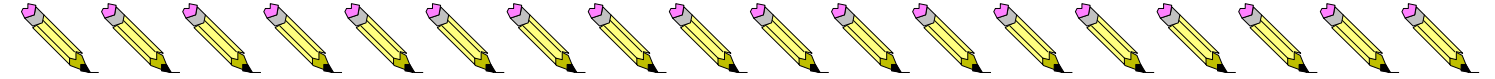
«Как светло, как хорошо тут на воле!» - думала Дюймовочка и всё вспоминала о ласточке; ей очень хотелось бы повидаться с птичкой, но ласточки нигде не было видно: должно быть, она летала там, далеко-далеко в зелёном лесу.

И вот наступила осень. Приданое Дюймовочки было готово.

- Через четыре недели твоя свадьба! - сказала Дюймовочке полевая мышь.

Но Дюймовочка заплакала и сказала, что не хочет выходить замуж за скучного крота.

- Глупости! - сказала старуха мышь.- Не упрямясь, а не то я укушу тебя своим белым зубом. Чем тебе крот не муж? У самой королевы нет такой чёрной бархатной шубки, как у него. Да и в погребах у него не пусто. Бога благодари за такого мужа!

Наконец настал день свадьбы, и крот пришёл за невестой. Теперь Дюймовочке придётся переселиться в кротовую нору, жить глубоко под землёй, и никогда она не увидит солнце - крот ни за что не позволит ей выходить из норы.

А бедной Дюймовочке было так тяжело навсегда распрощаться с ясным солнышком! И Дюймовочка вышла взглянуть на солнышко в последний раз.

Хлеб был уже убран с поля, и из земли опять торчали одни голые, засохшие стебли. Девочка отошла от мышиной норки подальше и протянула к солнцу руки:

- Прощай, солнышко, прощай!

Потом она увидела маленький красный цветочек, обняла его и сказала:

- Поклонись, цветочек, от меня милой ласточке, если увидишь её.

- Тви-вить, тви-вить! - вдруг раздалось над её головой.

Дюймовочка подняла глаза и увидела ласточку, которая пролетала мимо. Ласточка тоже увидела девочку и очень обрадовалась, а Дюймовочка заплакала и рассказала ласточке, как ей не хочется выходить замуж за толстого крота и жить с ним глубоко под землёй, куда никогда не заглядывает солнышко.

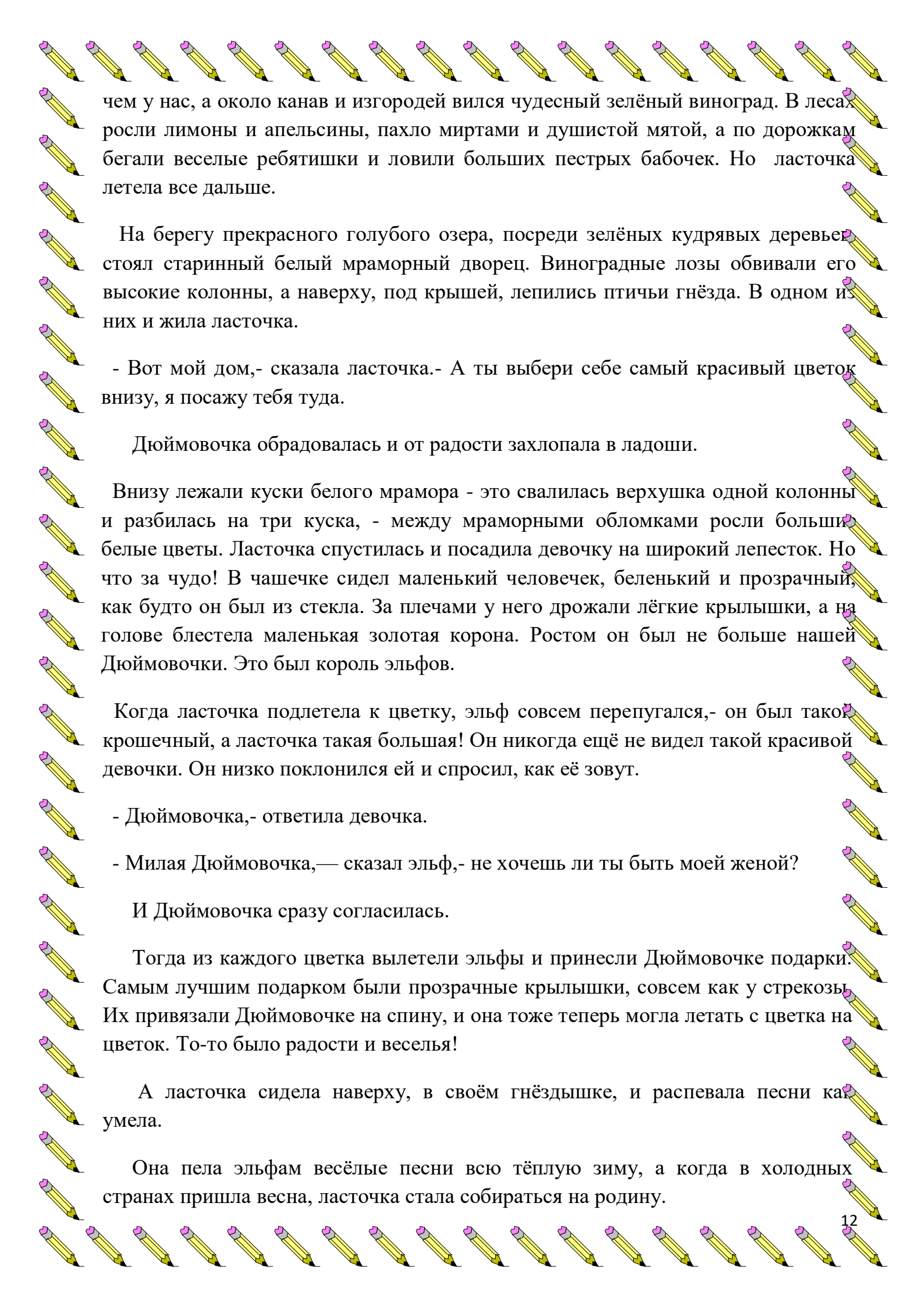
- Уже наступает холодная зима,- сказала ласточка,- и я улетаю далеко-далеко, в тёплые края. Хочешь лететь со мной? Садись ко мне на спину, только привяжи себя покрепче поясом, и мы улетим с тобой от гадкого крота, улетим далеко, за синее море, где солнышко светит ярче, где всегда лето и цветут чудесные цветы. Полетим со мной, милая крошка! Ты ведь спасла мне жизнь, когда я замерзала в темной, холодной яме.

- Да, да, я полечу с тобой! – сказала Дюймовочка.

Она села ласточке на спину и крепко привязала себя поясом к самому большому пёрышку.

Ласточка взвилась стрелой и полетела над тёмными лесами, над синими морями и высокими горами, покрытыми снегом. Тут было очень холодно, и Дюймовочка вся зарылась в тёплые перья ласточки и высунула только голову, чтобы любоваться прекрасными местами, над которыми они пролетали.

Но вот и тёплые края! Тут солнце сияло гораздо ярче, небо было вдвое выше

чем у нас, а около канав и изгородей вился чудесный зелёный виноград. В лесах росли лимоны и апельсины, пахло миртами и душистой мятой, а по дорожкам бегали веселые ребятишки и ловили больших пестрых бабочек. Но ласточка летела все дальше.

На берегу прекрасного голубого озера, посреди зелёных кудрявых деревьев стоял старинный белый мраморный дворец. Виноградные лозы обвивали его высокие колонны, а наверху, под крышей, лепились птичьи гнёзда. В одном из них и жила ласточка.

- Вот мой дом,- сказала ласточка.- А ты выбери себе самый красивый цветок внизу, я посажу тебя туда.

Дюймовочка обрадовалась и от радости захлопала в ладоши.

Внизу лежали куски белого мрамора - это свалилась верхушка одной колонны и разбилась на три куска, - между мраморными обломками росли большие белые цветы. Ласточка спустилась и посадила девочку на широкий лепесток. Но что за чудо! В чашечке сидел маленький человечек, беленький и прозрачный, как будто он был из стекла. За плечами у него дрожали лёгкие крылышки, а на голове блестела маленькая золотая корона. Ростом он был не больше нашей Дюймовочки. Это был король эльфов.

Когда ласточка подлетела к цветку, эльф совсем перепугался,- он был такой крошечный, а ласточка такая большая! Он никогда ещё не видел такой красивой девочки. Он низко поклонился ей и спросил, как её зовут.

- Дюймовочка,- ответила девочка.

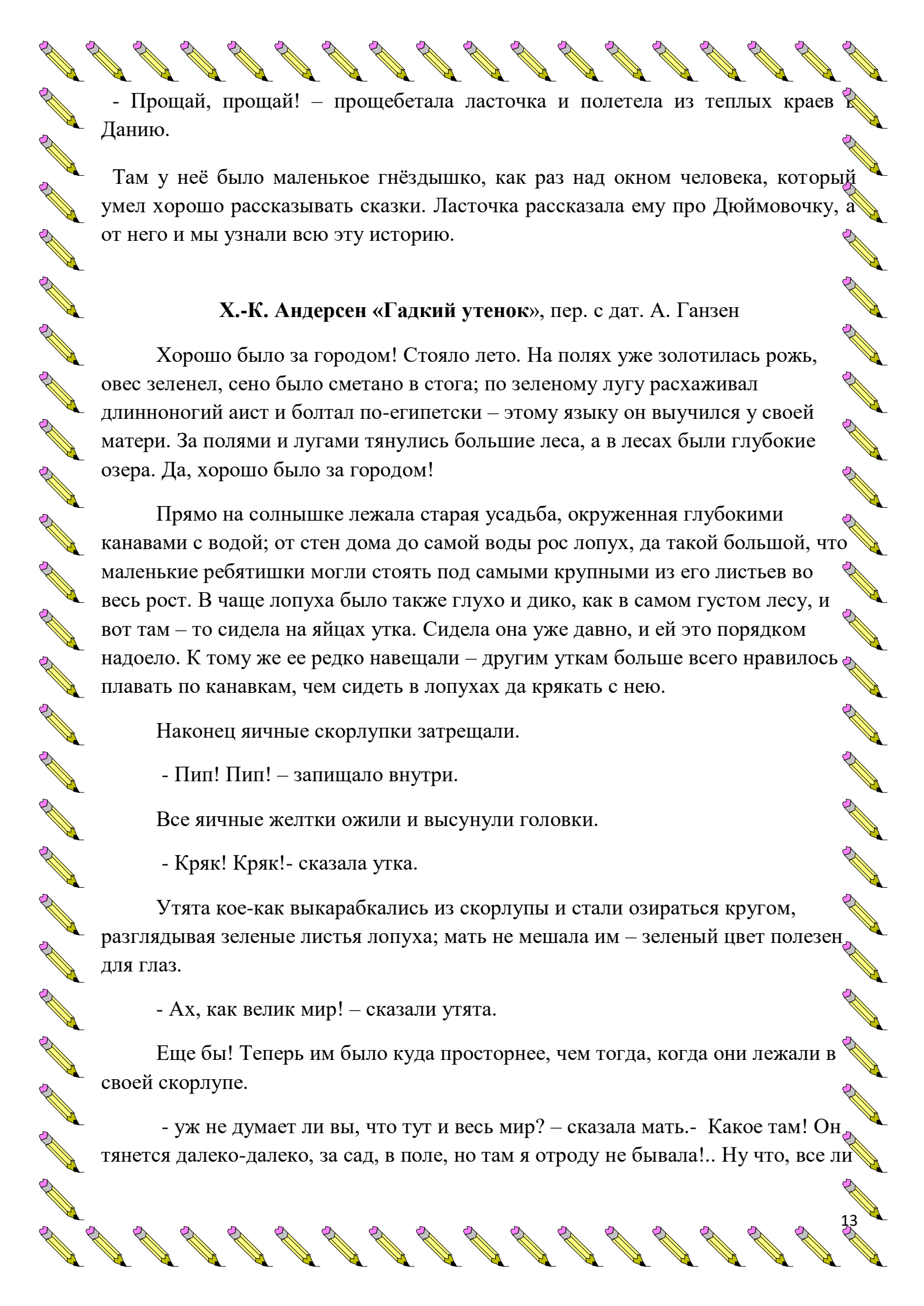
- Милая Дюймовочка,— сказал эльф,- не хочешь ли ты быть моей женой?

И Дюймовочка сразу согласилась.

Тогда из каждого цветка вылетели эльфы и принесли Дюймовочке подарки. Самым лучшим подарком были прозрачные крылышки, совсем как у стрекозы. Их привязали Дюймовочке на спину, и она тоже теперь могла летать с цветка на цветок. То-то было радости и веселья!

А ласточка сидела наверху, в своём гнёздышке, и распевала песни как умела.

Она пела эльфам весёлые песни всю тёплую зиму, а когда в холодных странах пришла весна, ласточка стала собираться на родину.

- Прощай, прощай! – прощбетала ласточка и полетела из теплых краев Данию.

Там у неё было маленькое гнёздышко, как раз над окном человека, который умел хорошо рассказывать сказки. Ласточка рассказала ему про Дюймовочку, а от него и мы узнали всю эту историю.

Х.-К. Андерсен «Гадкий утенок», пер. с дат. А. Ганзен

Хорошо было за городом! Стояло лето. На полях уже золотилась рожь, овес зеленел, сено было сметано в стога; по зеленому лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски – этому языку он выучился у своей матери. За полями и лугами тянулись большие леса, а в лесах были глубокие озера. Да, хорошо было за городом!

Прямо на солнышке лежала старая усадьба, окруженная глубокими канавами с водой; от стен дома до самой воды рос лопух, да такой большой, что маленькие ребятишки могли стоять под самыми крупными из его листьев во весь рост. В чаще лопуха было также глухо и дико, как в самом густом лесу, и вот там – то сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей это порядком надоело. К тому же ее редко навещали – другим уткам больше всего нравилось плавать по канавкам, чем сидеть в лопухах да крякать с нею.

Наконец яичные скорлупки затрещали.

- Пип! Пип! – запищало внутри.

Все яичные желтки ожили и высунули головки.

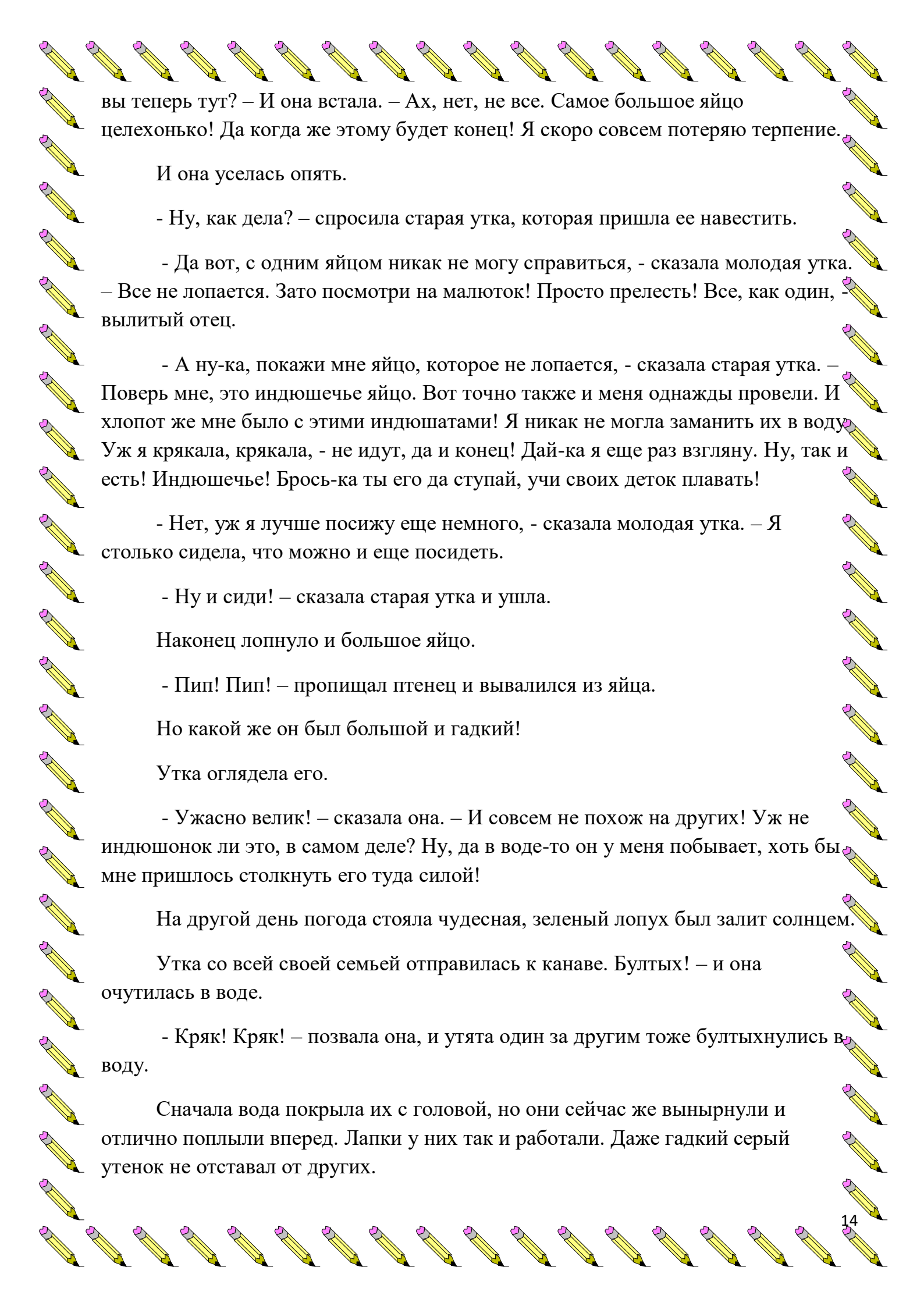
- Кряк! Кряк!- сказала утка.

Утята кое-как выкарабкались из скорлупы и стали озиаться кругом, разглядывая зеленые листья лопуха; мать не мешала им – зеленый цвет полезен для глаз.

- Ах, как велик мир! – сказали утята.

Еще бы! Теперь им было куда просторнее, чем тогда, когда они лежали в своей скорлупе.

- уж не думает ли вы, что тут и весь мир? – сказала мать.- Какое там! Он тянется далеко-далеко, за сад, в поле, но там я отроду не бывала!.. Ну что, все ли

вы теперь тут? – И она встала. – Ах, нет, не все. Самое большое яйцо целехонько! Да когда же этому будет конец! Я скоро совсем потеряю терпение.

И она уселась опять.

- Ну, как дела? – спросила старая утка, которая пришла ее навестить.

- Да вот, с одним яйцом никак не могу справиться, - сказала молодая утка. – Все не лопается. Зато посмотри на малюток! Просто прелесть! Все, как один, вылитый отец.

- А ну-ка, покажи мне яйцо, которое не лопается, - сказала старая утка. – Поверь мне, это индюшечье яйцо. Вот точно также и меня однажды провели. И хлопот же мне было с этими индюшатами! Я никак не могла заманить их в воду. Уж я крикала, крикала, - не идут, да и конец! Дай-ка я еще раз взгляну. Ну, так и есть! Индюшечье! Брось-ка ты его да ступай, учи своих деток плавать!

- Нет, уж я лучше посижу еще немного, - сказала молодая утка. – Я столько сидела, что можно и еще посидеть.

- Ну и сиди! – сказала старая утка и ушла.

Наконец лопнуло и большое яйцо.

- Пип! Пип! – пропищал птенец и вывалился из яйца.

Но какой же он был большой и гадкий!

Утка оглядела его.

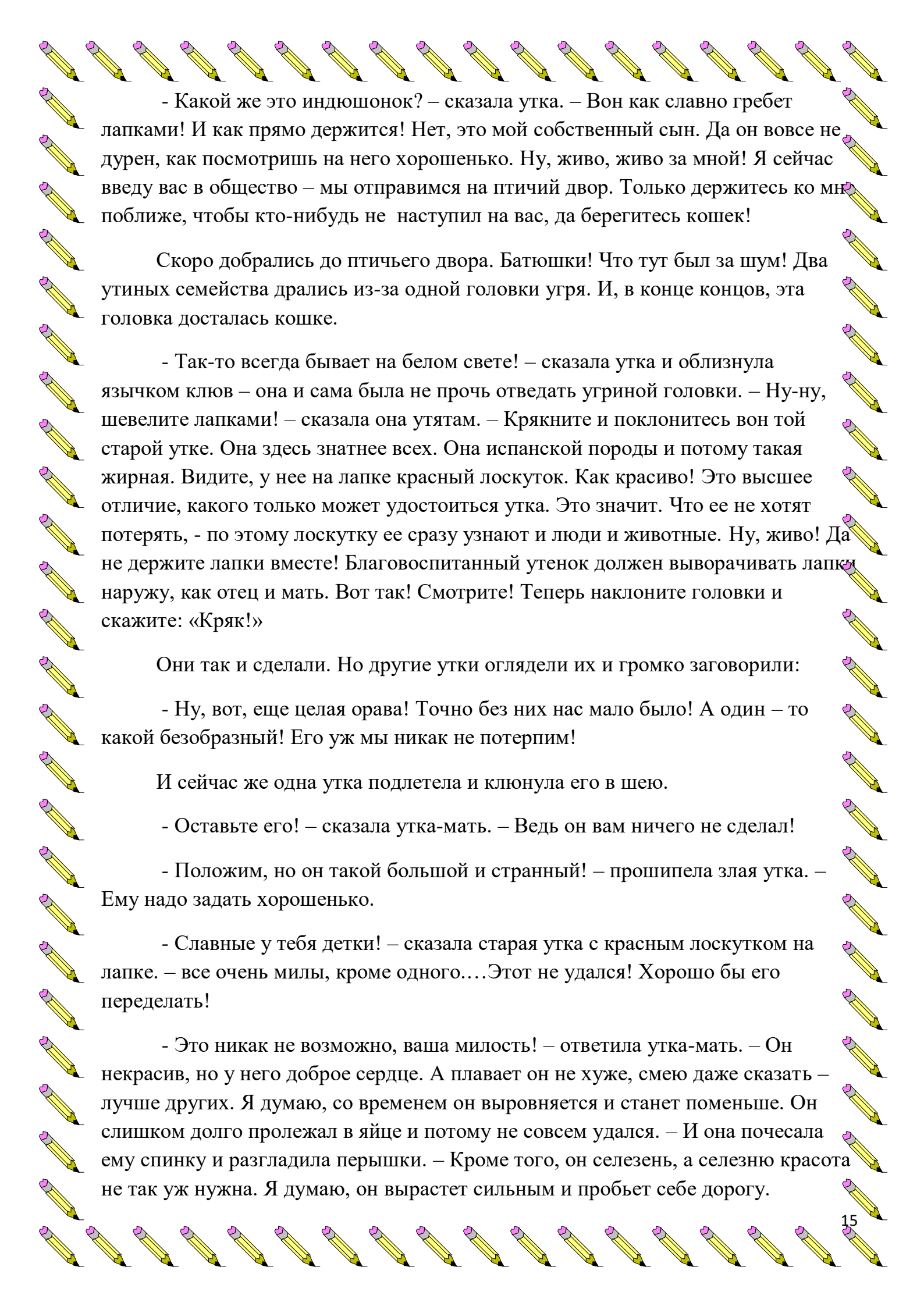
- Ужасно велик! – сказала она. – И совсем не похож на других! Уж не индюшонок ли это, в самом деле? Ну, да в воде-то он у меня побывает, хоть бы мне пришлось столкнуть его туда силой!

На другой день погода стояла чудесная, зеленый лопух был залит солнцем.

Утка со всей своей семьей отправилась к канаве. Бултых! – и она очутилась в воде.

- Кряк! Кряк! – позвала она, и утята один за другим тоже бултыхнулись в воду.

Сначала вода покрыла их с головой, но они сейчас же вынырнули и отлично поплыли вперед. Лапки у них так и работали. Даже гадкий серый утенок не отставал от других.

- Какой же это индюшонок? – сказала утка. – Вон как славно гребет лапками! И как прямо держится! Нет, это мой собственный сын. Да он вовсе не дурен, как посмотришь на него хорошенько. Ну, живо, живо за мной! Я сейчас введу вас в общество – мы отправимся на птичий двор. Только держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь не наступил на вас, да берегитесь кошек!

Скоро добрались до птичьего двора. Батюшки! Что тут был за шум! Два утиных семейства дрались из-за одной головки угря. И, в конце концов, эта головка досталась кошке.

- Так-то всегда бывает на белом свете! – сказала утка и облизнула язычком клюв – она и сама была не прочь отведать угриной головки. – Ну-ну, шевелите лапками! – сказала она утятам. – Крякните и поклонитесь вон той старой утке. Она здесь знатнее всех. Она испанской породы и потому такая жирная. Видите, у нее на лапке красный лоскуток. Как красиво! Это высшее отличие, какого только может удостоиться утка. Это значит. Что ее не хотят потерять, - по этому лоскутку ее сразу узнают и люди и животные. Ну, живо! Да не держите лапки вместе! Благовоспитанный утенок должен выворачивать лапки наружу, как отец и мать. Вот так! Смотрите! Теперь наклоните головки и скажите: «Кряк!»

Они так и сделали. Но другие утки оглядели их и громко заговорили:

- Ну, вот, еще целая орава! Точно без них нас мало было! А один – то какой безобразный! Его уж мы никак не потерпим!

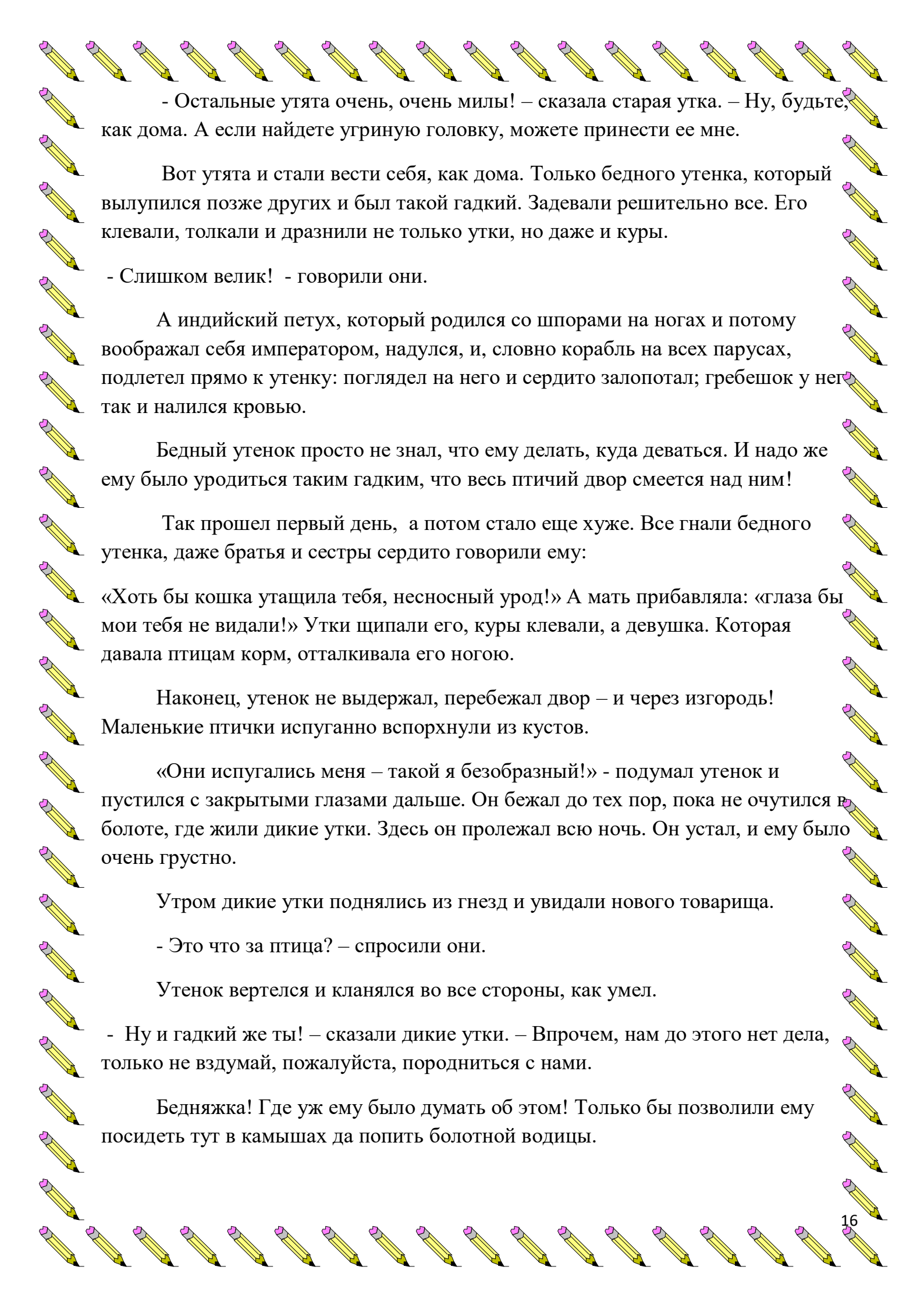
И сейчас же одна утка подлетела и клюнула его в шею.

- Оставьте его! – сказала утка-мать. – Ведь он вам ничего не сделал!

- Положим, но он такой большой и странный! – прошипела злая утка. – Ему надо задать хорошенько.

- Славные у тебя детки! – сказала старая утка с красным лоскутком на лапке. – все очень милы, кроме одного....Этот не удался! Хорошо бы его переделать!

- Это никак не возможно, ваша милость! – ответила утка-мать. – Он некрасив, но у него доброе сердце. А плавает он не хуже, смею даже сказать – лучше других. Я думаю, со временем он выровняется и станет поменьше. Он слишком долго пролежал в яйце и потому не совсем удался. – И она почесала ему спинку и разгладила перышки. – Кроме того, он селезень, а селезню красота не так уж нужна. Я думаю, он вырастет сильным и пробьет себе дорогу.

- Остальные утята очень, очень милы! – сказала старая утка. – Ну, будьте, как дома. А если найдете угрюмую головку, можете принести ее мне.

Вот утята и стали вести себя, как дома. Только бедного утенка, который вылупился позже других и был такой гадкий. Задевали решительно все. Его клевали, толкали и дразнили не только утки, но даже и куры.

- Слишком велик! - говорили они.

А индийский петух, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя императором, надулся, и, словно корабль на всех парусах, подлетел прямо к утенку: поглядел на него и сердито залопотал; гребешок у него так и налился кровью.

Бедный утенок просто не знал, что ему делать, куда деваться. И надо же ему было уродиться таким гадким, что весь птичий двор смеется над ним!

Так прошел первый день, а потом стало еще хуже. Все гнали бедного утенка, даже братья и сестры сердито говорили ему:

«Хоть бы кошка утащила тебя, несносный урод!» А мать прибавляла: «глаза бы мои тебя не видали!» Утки щипали его, куры клевали, а девушка. Которая давала птицам корм, отталкивала его ногою.

Наконец, утенок не выдержал, перебежал двор – и через изгородь! Маленькие птички испуганно вспорхнули из кустов.

«Они испугались меня – такой я безобразный!» - подумал утенок и пустился с закрытыми глазами дальше. Он бежал до тех пор, пока не очутился в болоте, где жили дикие утки. Здесь он пролежал всю ночь. Он устал, и ему было очень грустно.

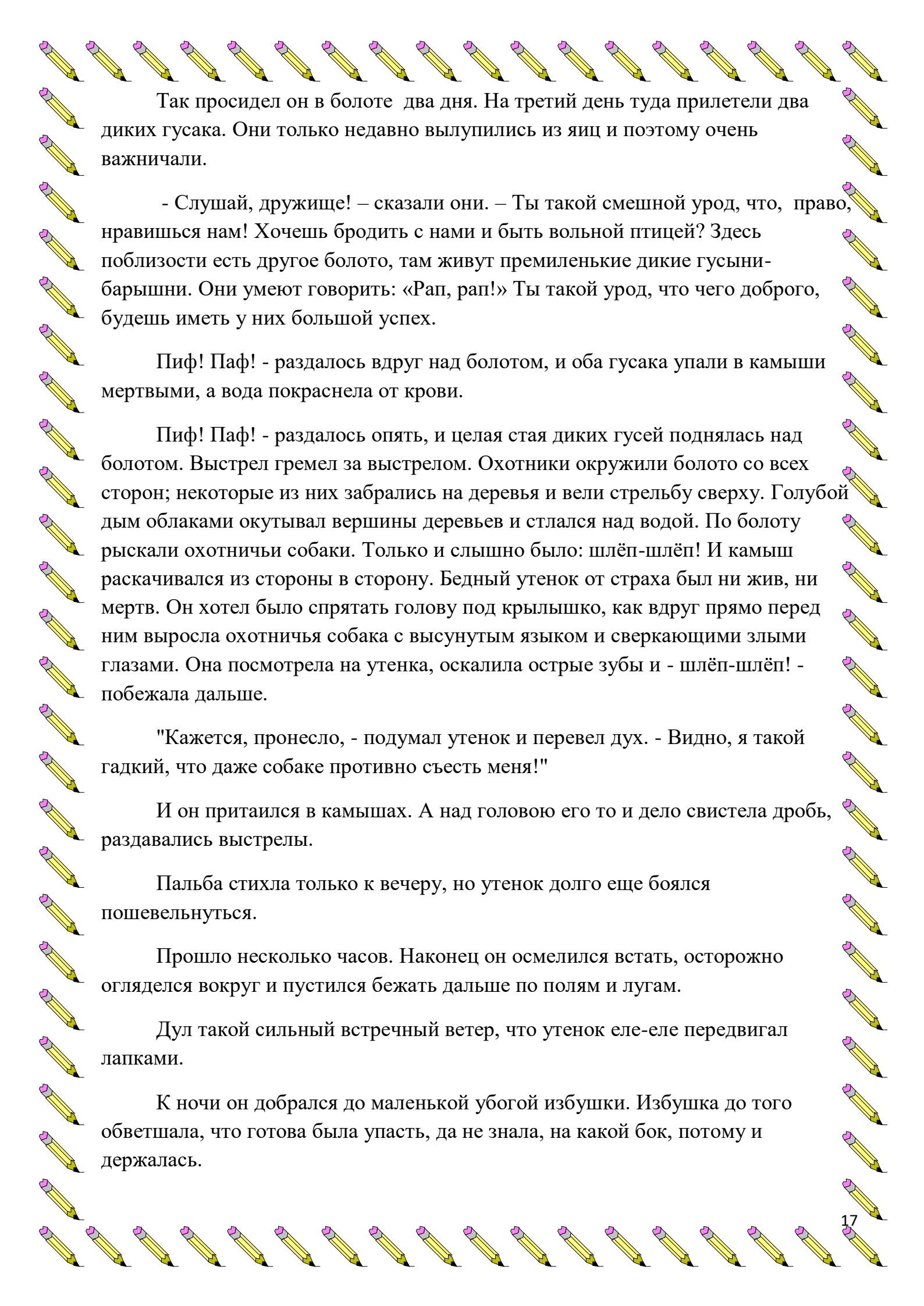
Утром дикие утки поднялись из гнезд и увидали нового товарища.

- Это что за птица? – спросили они.

Утенок вертелся и кланялся во все стороны, как умел.

- Ну и гадкий же ты! – сказали дикие утки. – Впрочем, нам до этого нет дела, только не вздумай, пожалуйста, породниться с нами.

Бедняжка! Где уж ему было думать об этом! Только бы позволили ему посидеть тут в камышах да попить болотной водицы.

Так просидел он в болоте два дня. На третий день туда прилетели два диких гусака. Они только недавно вылупились из яиц и поэтому очень важничали.

- Слушай, дружище! – сказали они. – Ты такой смешной урод, что, право, нравишься нам! Хочешь бродить с нами и быть вольной птицей? Здесь поблизости есть другое болото, там живут премиленькие дикие гусыни-барышни. Они умеют говорить: «Рап, рап!» Ты такой урод, что чего доброго, будешь иметь у них большой успех.

Пиф! Паф! - раздалось вдруг над болотом, и оба гусака упали в камыши мертвыми, а вода покраснела от крови.

Пиф! Паф! - раздалось опять, и целая стая диких гусей поднялась над болотом. Выстрел гремел за выстрелом. Охотники окружили болото со всех сторон; некоторые из них забрались на деревья и вели стрельбу сверху. Голубой дым облаками окутывал вершины деревьев и стлался над водой. По болоту рыскали охотничьи собаки. Только и слышно было: шлёп-шлёп! И камыш раскачивался из стороны в сторону. Бедный утенок от страха был ни жив, ни мертв. Он хотел было спрятать голову под крылышко, как вдруг прямо перед ним выросла охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами. Она посмотрела на утенка, оскалила острые зубы и - шлёп-шлёп! - побежала дальше.

"Кажется, пронесло, - подумал утенок и перевел дух. - Видно, я такой гадкий, что даже собаке противно съесть меня!"

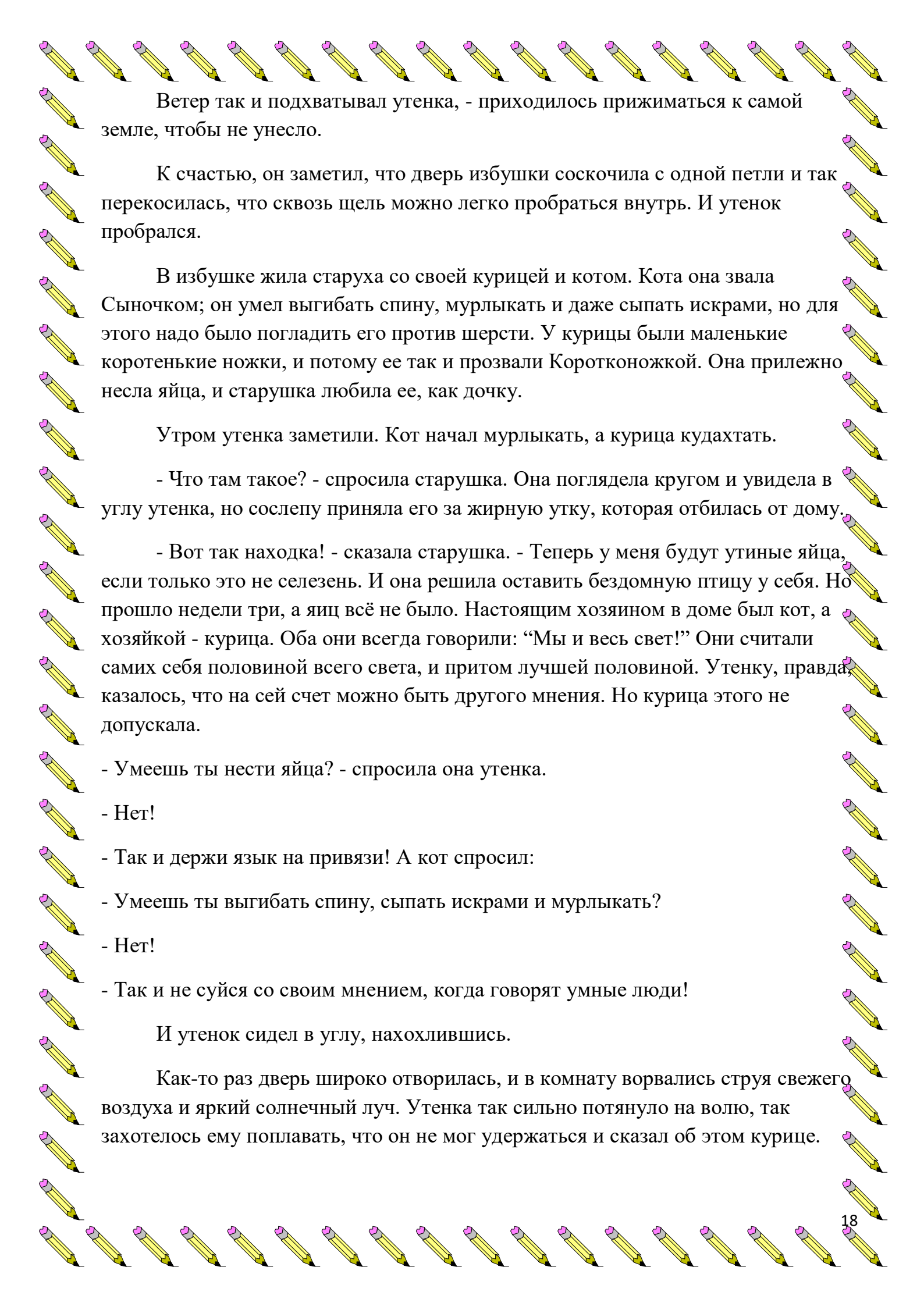
И он притаился в камышах. А над головою его то и дело свистела дробь, раздавались выстрелы.

Пальба стихла только к вечеру, но утенок долго еще боялся пошевелинуться.

Прошло несколько часов. Наконец он осмелился встать, осторожно огляделся вокруг и пустился бежать дальше по полям и лугам.

Дул такой сильный встречный ветер, что утенок еле-еле передвигал лапками.

К ночи он добрался до маленькой убогой избушки. Избушка до того обветшала, что готова была упасть, да не знала, на какой бок, потому и держалась.

Ветер так и подхватывал утенка, - приходилось прижиматься к самой земле, чтобы не унесло.

К счастью, он заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и так перекосилась, что сквозь щель можно легко пробраться внутрь. И утенок пробрался.

В избушке жила старуха со своей курицей и котом. Кота она звала Сыночком; он умел выгибать спину, мурлыкать и даже сыпать искрами, но для этого надо было погладить его против шерсти. У курицы были маленькие коротенькие ножки, и потому ее так и прозвали Коротконожкой. Она прилежно несла яйца, и старушка любила ее, как дочку.

Утром утенка заметили. Кот начал мурлыкать, а курица кудахтать.

- Что там такое? - спросила старушка. Она поглядела кругом и увидела в углу утенка, но сослепу приняла его за жирную утку, которая отбилась от domu.

- Вот так находка! - сказала старушка. - Теперь у меня будут утиные яйца, если только это не селезень. И она решила оставить бездомную птицу у себя. Но прошло недели три, а яиц всё не было. Настоящим хозяином в доме был кот, а хозяйкой - курица. Оба они всегда говорили: "Мы и весь свет!" Они считали самих себя половиной всего света, и притом лучшей половиной. Утенку, правда, казалось, что на сей счет можно быть другого мнения. Но курица этого не допускала.

- Умешь ты нести яйца? - спросила она утенка.

- Нет!

- Так и держи язык на привязи! А кот спросил:

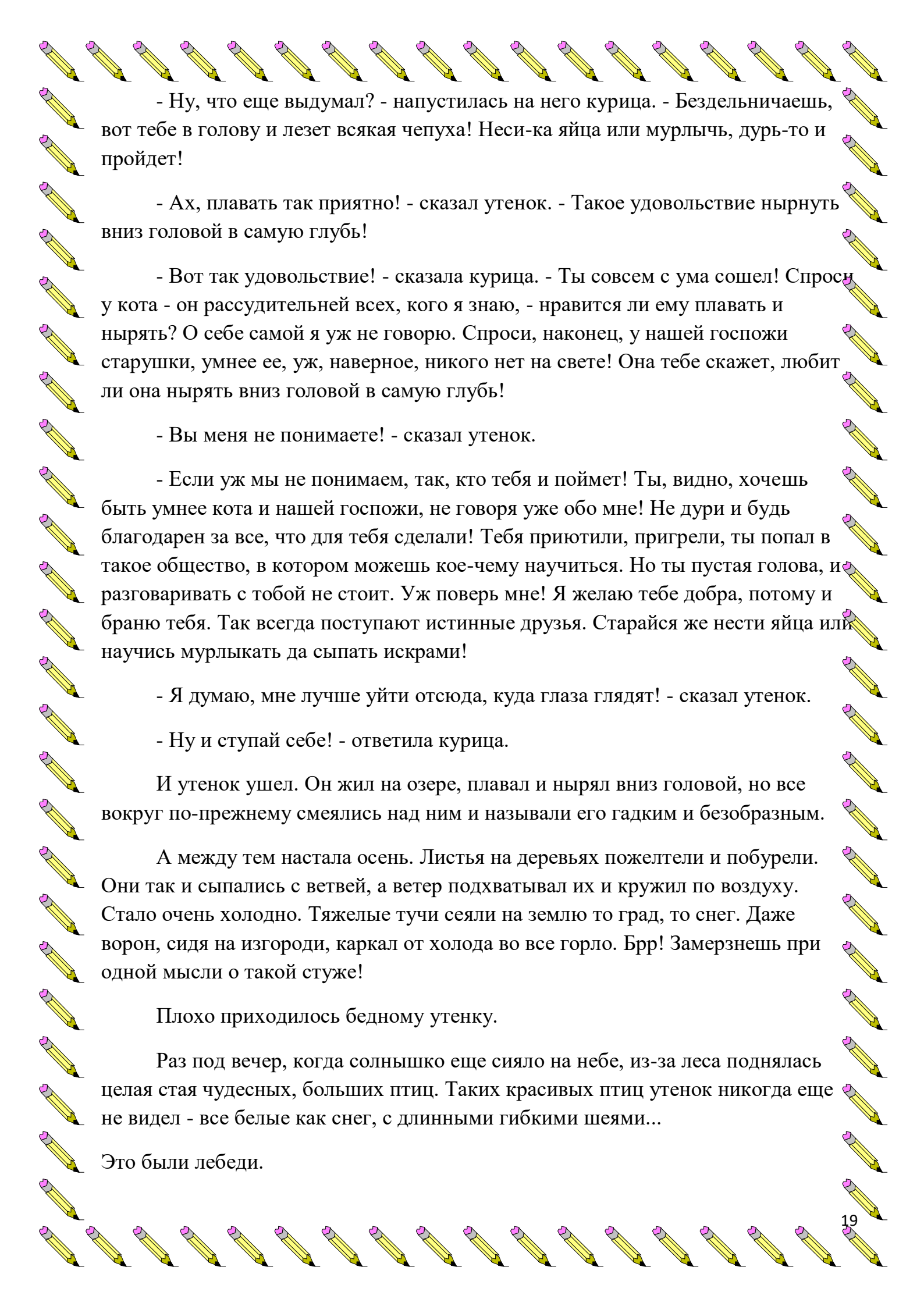
- Умешь ты выгибать спину, сыпать искрами и мурлыкать?

- Нет!

- Так и не суйся со своим мнением, когда говорят умные люди!

И утенок сидел в углу, нахохлившись.

Как-то раз дверь широко отворилась, и в комнату ворвались струя свежего воздуха и яркий солнечный луч. Утенка так сильно потянуло на волю, так захотелось ему поплавать, что он не мог удержаться и сказал об этом курице.

- Ну, что еще выдумал? - напустилась на него курица. - Бездельничаешь, вот тебе в голову и лезет всякая чепуха! Неси-ка яйца или мурлычь, дурь-то и пройдет!

- Ах, плавать так приятно! - сказал утенок. - Такое удовольствие нырнуть вниз головой в самую глубину!

- Вот так удовольствие! - сказала курица. - Ты совсем с ума сошел! Спроси у кота - он рассудительней всех, кого я знаю, - нравится ли ему плавать и нырять? О себе самой я уж не говорю. Спроси, наконец, у нашей госпожи старушки, умнее ее, уж, наверное, никого нет на свете! Она тебе скажет, любит ли она нырять вниз головой в самую глубину!

- Вы меня не понимаете! - сказал утенок.

- Если уж мы не понимаем, так, кто тебя и поймет! Ты, видно, хочешь быть умнее кота и нашей госпожи, не говоря уже обо мне! Не дури и будь благодарен за все, что для тебя сделали! Тебя приютили, пригрели, ты попал в такое общество, в котором можешь кое-чему научиться. Но ты пустая голова, и разговаривать с тобой не стоит. Уж поверь мне! Я желаю тебе добра, потому и браню тебя. Так всегда поступают истинные друзья. Старайся же нести яйца или научись мурлыкать да сыпать искрами!

- Я думаю, мне лучше уйти отсюда, куда глаза глядят! - сказал утенок.

- Ну и ступай себе! - ответила курица.

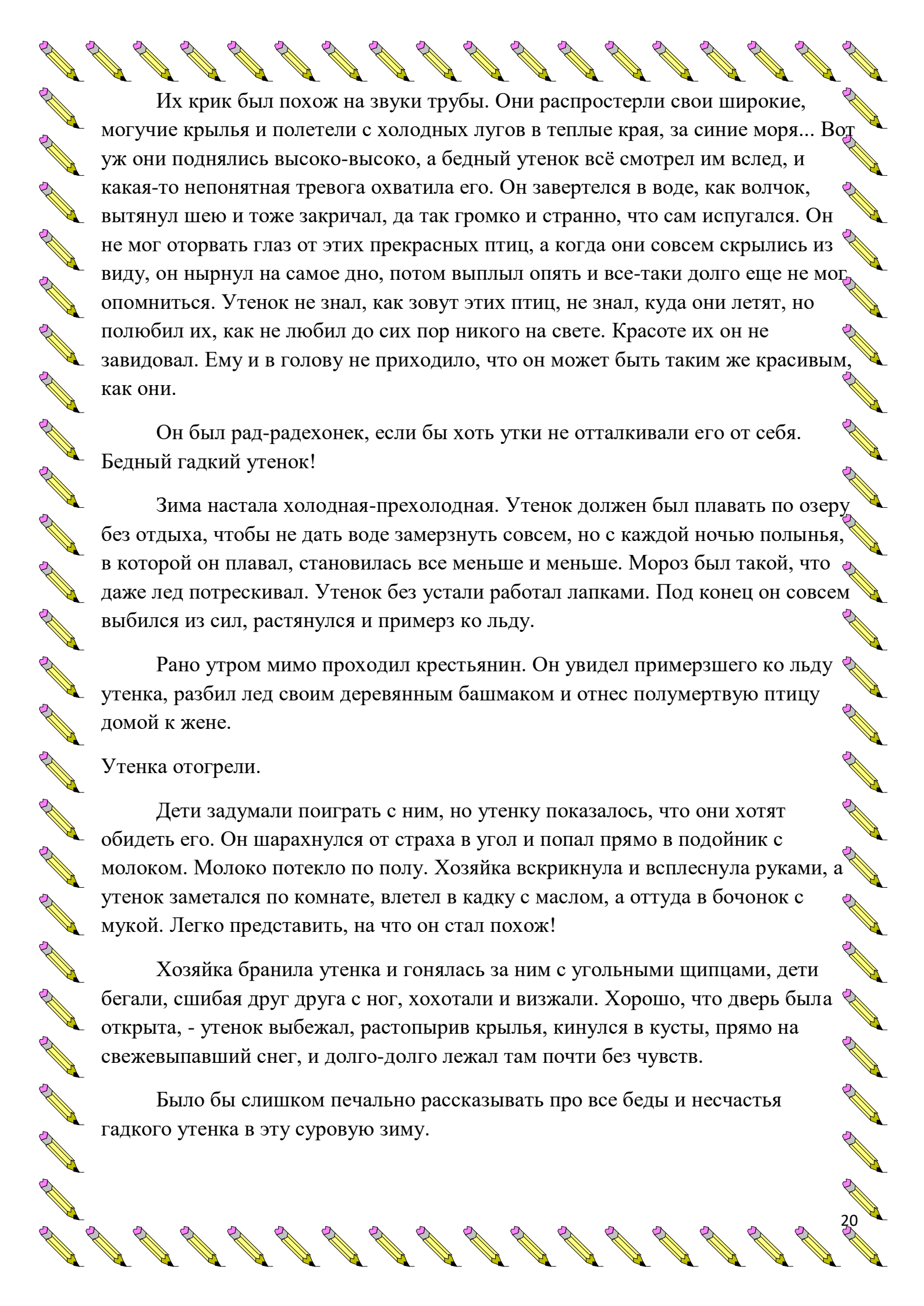
И утенок ушел. Он жил на озере, плавал и нырял вниз головой, но все вокруг по-прежнему смеялись над ним и называли его гадким и безобразным.

А между тем настала осень. Листья на деревьях пожелтели и побурели. Они так и сыпались с ветвей, а ветер подхватывал их и кружил по воздуху. Стало очень холодно. Тяжелые тучи сеяли на землю то град, то снег. Даже ворон, сидя на изгороди, каркал от холода во все горло. Брр! Замерзнешь при одной мысли о такой стуже!

Плохо приходилось бедному утенку.

Раз под вечер, когда солнышко еще сияло на небе, из-за леса поднялась целая стая чудесных, больших птиц. Таких красивых птиц утенок никогда еще не видел - все белые как снег, с длинными гибкими шеями...

Это были лебеди.

Их крик был похож на звуки трубы. Они распростерли свои широкие, могучие крылья и полетели с холодных лугов в теплые края, за синие моря... Вот уж они поднялись высоко-высоко, а бедный утенок всё смотрел им вслед, и какая-то непонятная тревога охватила его. Он завертелся в воде, как волчок, вытянул шею и тоже закричал, да так громко и странно, что сам испугался. Он не мог оторвать глаз от этих прекрасных птиц, а когда они совсем скрылись из виду, он нырнул на самое дно, потом выплыл опять и все-таки долго еще не мог опомниться. Утенок не знал, как зовут этих птиц, не знал, куда они летят, но полюбил их, как не любил до сих пор никого на свете. Красоте их он не завидовал. Ему и в голову не приходило, что он может быть таким же красивым, как они.

Он был рад-радехонек, если бы хоть утки не отталкивали его от себя. Бедный гадкий утенок!

Зима настала холодная-прехолодная. Утенок должен был плавать по озеру без отдыха, чтобы не дать воде замерзнуть совсем, но с каждой ночью полынья, в которой он плавал, становилась все меньше и меньше. Мороз был такой, что даже лед потрескивал. Утенок без устали работал лапками. Под конец он совсем выбился из сил, растянулся и примерз ко льду.

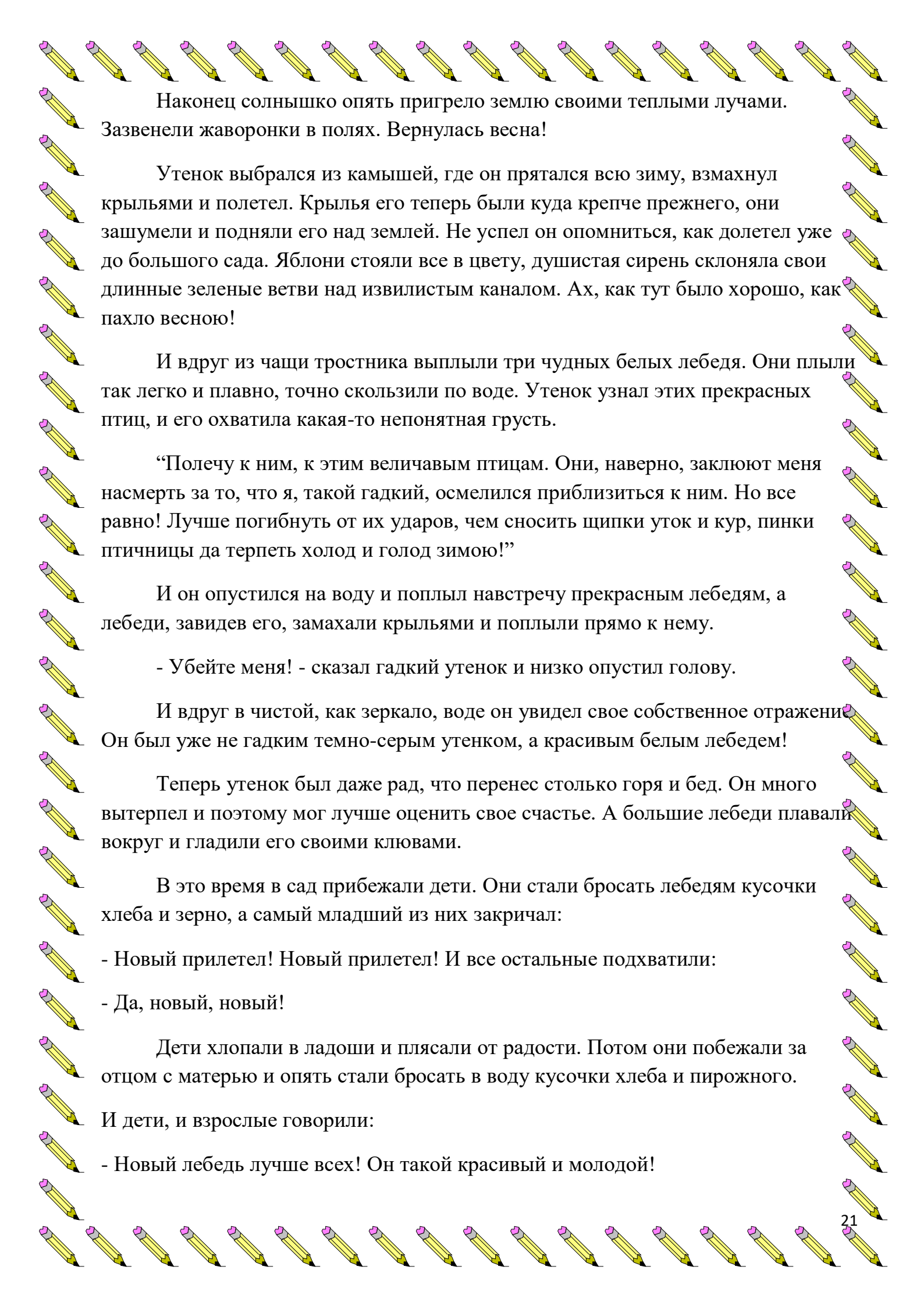
Рано утром мимо проходил крестьянин. Он увидел примерзшего ко льду утенка, разбил лед своим деревянным башмаком и отнес полумертвую птицу домой к жене.

Утенка отогрели.

Дети задумали поиграть с ним, но утенку показалось, что они хотят обидеть его. Он шарахнулся от страха в угол и попал прямо в подойник с молоком. Молоко потекло по полу. Хозяйка вскрикнула и всплеснула руками, а утенок заметался по комнате, влетел в кадку с маслом, а оттуда в бочонок с мукой. Легко представить, на что он стал похож!

Хозяйка бранила утенка и гонялась за ним с угольными щипцами, дети бегали, сшибая друг друга с ног, хохотали и визжали. Хорошо, что дверь была открыта, - утенок выбежал, растопырив крылья, кинулся в кусты, прямо на свежесыпавший снег, и долго-долго лежал там почти без чувств.

Было бы слишком печально рассказывать про все беды и несчастья гадкого утенка в эту суровую зиму.

Наконец солнышко опять пригрело землю своими теплыми лучами.
Зазвенели жаворонки в полях. Вернулась весна!

Утенок выбрался из камышей, где он прятался всю зиму, взмахнул крыльями и полетел. Крылья его теперь были куда крепче прежнего, они зашумели и подняли его над землей. Не успел он опомниться, как долетел уже до большого сада. Яблони стояли все в цвету, душистая сирень склоняла свои длинные зеленые ветви над извилистым каналом. Ах, как тут было хорошо, как пахло весной!

И вдруг из чащи тростника выплыли три чудных белых лебедя. Они плыли так легко и плавно, точно скользили по воде. Утенок узнал этих прекрасных птиц, и его охватила какая-то непонятная грусть.

“Полечу к ним, к этим величавым птицам. Они, наверно, заклюют меня насмерть за то, что я, такой гадкий, осмелился приблизиться к ним. Но все равно! Лучше погибнуть от их ударов, чем сносить щипки уток и кур, пинки птичницы да терпеть холод и голод зимою!”

И он опустился на воду и поплыл навстречу прекрасным лебедям, а лебеди, завидев его, замахали крыльями и поплыли прямо к нему.

- Убейте меня! - сказал гадкий утенок и низко опустил голову.

И вдруг в чистой, как зеркало, воде он увидел свое собственное отражение. Он был уже не гадким темно-серым утенком, а красивым белым лебедем!

Теперь утенок был даже рад, что перенес столько горя и бед. Он много вытерпел и поэтому мог лучше оценить свое счастье. А большие лебеди плавали вокруг и гладили его своими клювами.

В это время в сад прибежали дети. Они стали бросать лебедям кусочки хлеба и зерно, а самый младший из них закричал:

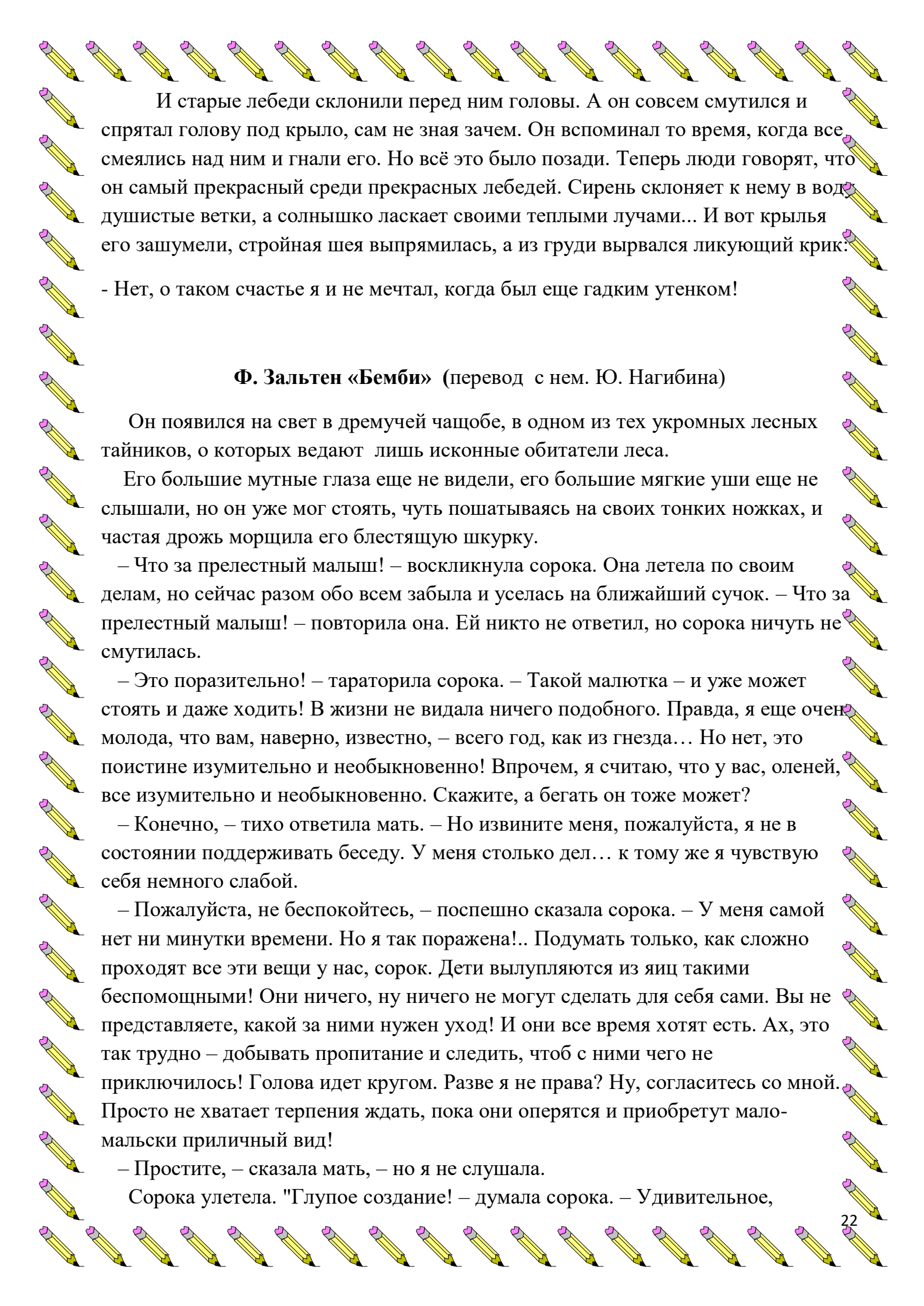
- Новый прилетел! Новый прилетел! И все остальные подхватили:

- Да, новый, новый!

Дети хлопали в ладоши и плясали от радости. Потом они побежали за отцом с матерью и опять стали бросать в воду кусочки хлеба и пирожного.

И дети, и взрослые говорили:

- Новый лебедь лучше всех! Он такой красивый и молодой!

И старые лебеди склонили перед ним головы. А он совсем смутился и спрятал голову под крыло, сам не зная зачем. Он вспоминал то время, когда все смеялись над ним и гнали его. Но всё это было позади. Теперь люди говорят, что он самый прекрасный среди прекрасных лебедей. Сирень склоняет к нему в воду душистые ветки, а солнышко ласкает своими теплыми лучами... И вот крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

- Нет, о таком счастье я и не мечтал, когда был еще гадким утенком!

Ф. Зальтен «Бемби» (перевод с нем. Ю. Нагибина)

Он появился на свет в дремучей чащобе, в одном из тех укромных лесных тайников, о которых ведают лишь исконные обитатели леса.

Его большие мутные глаза еще не видели, его большие мягкие уши еще не слышали, но он уже мог стоять, чуть пошатываясь на своих тонких ножках, и частая дрожь морщила его блестящую шкурку.

– Что за прелестный малыш! – воскликнула сорока. Она летела по своим делам, но сейчас разом обо всем забыла и уселась на ближайший сучок. – Что за прелестный малыш! – повторила она. Ей никто не ответил, но сорока ничуть не смутилась.

– Это поразительно! – тараторила сорока. – Такой малютка – и уже может стоять и даже ходить! В жизни не видала ничего подобного. Правда, я еще очень молода, что вам, наверно, известно, – всего год, как из гнезда... Но нет, это поистине изумительно и необыкновенно! Впрочем, я считаю, что у вас, оленей, все изумительно и необыкновенно. Скажите, а бегать он тоже может?

– Конечно, – тихо ответила мать. – Но извините меня, пожалуйста, я не в состоянии поддерживать беседу. У меня столько дел... к тому же я чувствую себя немного слабой.

– Пожалуйста, не беспокойтесь, – поспешно сказала сорока. – У меня самой нет ни минутки времени. Но я так поражена!.. Подумать только, как сложно проходят все эти вещи у нас, сорок. Дети вылупляются из яиц такими беспомощными! Они ничего, ну ничего не могут сделать для себя сами. Вы не представляете, какой за ними нужен уход! И они все время хотят есть. Ах, это так трудно – добывать пропитание и следить, чтоб с ними чего не приключилось! Голова идет кругом. Разве я не права? Ну, согласитесь со мной. Просто не хватает терпения ждать, пока они оперятся и приобретут маломальски приличный вид!

– Простите, – сказала мать, – но я не слушала.

Сорока улетела. "Глупое создание! – думала сорока. – Удивительное,

необыкновенное, но глупое".

Мать не обратила никакого внимания на исчезновение сороки. Она принялась мыть новорожденного. Она мыла его языком, бережно и старательно, волосок за волоском, вылизывая шкурку сына. И в этой нежной работе было все: и ванна, и согревающий массаж, и ласка. Малыш немного пошатывался. От прикосновений теплого материнского языка им овладела сладкая истома, он опустился на землю и замер. Его красная, влажная, растрепанная шубка была усеяна белыми крапинками, неопределившееся, детское лицо хранило тихое, сонное выражение.

Лес густо порос орешником, боярышником и бузиною. Рослые клены, дубы и буки зеленым шатром накрывали чащу; у подножий деревьев росли пышные папоротники и лесные ягоды, а совсем внизу ластились к смуглой, бурой земле листочки уже отцветших фиалок и еще не зацветшей земляники.

Свет раннего солнца проникал сквозь листву тонкими золотыми нитями. Лес звенел на тысячи голосов, он был весь пронизан их веселым волнением. Без устали ворковали голуби, свистели дрозды, сухонько пощелкивали синицы и звонко бил зяблик. В эту радостную музыку врываются резкий, злой вскрик сыча и металлическое гуканье фазанов. Порой всю многоголосицу заглушало звенящее, взхлеб, ликование дятла. А в выси, над кронами деревьев, неумолчно гортанными голосами ссорились вороны и, прорезая их хрипкое, назойливое бормотанье, долетали светлые, гордые ноты соколиного призыва.

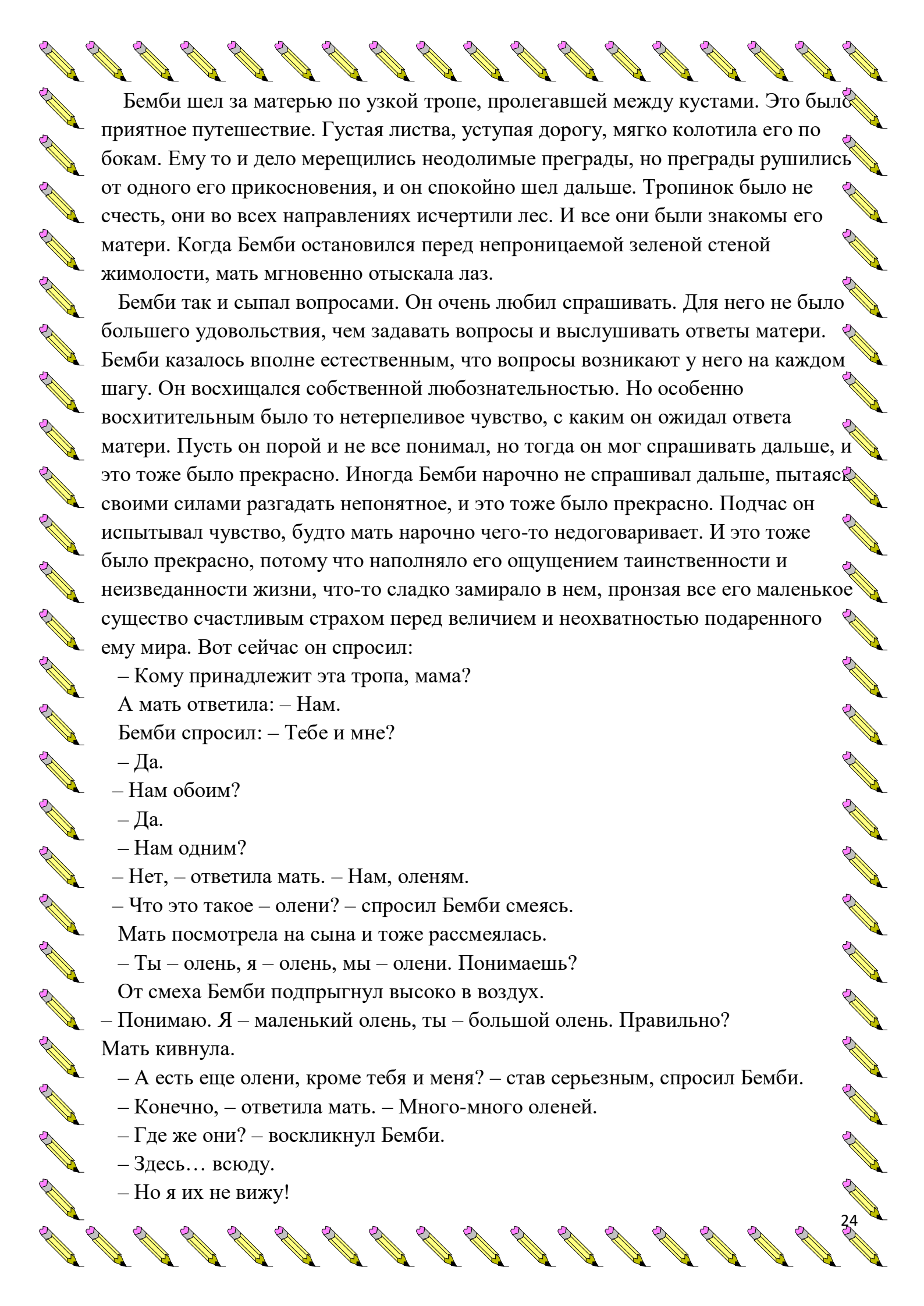
Малыш не различал голосов, не узнавал напевов, он не понимал ни одного слова в напряженном и бурном лесном разговоре. Не воспринимал он и запахов, которыми дышал лес. Он чувствовал лишь нежные, легкие толчки, проникавшие сквозь его шубку, в то время как его мыли, обогревали и целовали. Он вдыхал лишь близкое тепло матери. Тесно прижался он к этому мягкому, ароматному теплу и в неумелом голодном поиске отыскал добрый источник жизни.

И пока сын пил из нее благодатную влагу, мать тихо шептала: "Бемби". Она вскидывала голову, прядала ушами и чутко втягивала ноздрями воздух. Затем, успокоенная и счастливая, целовала своего ребенка.

– Бемби, – говорила она, – мой маленький Бемби!

Ранней летней порой воздух тих, деревья стоят недвижно, простирая руки-ветви к голубому небу, и молодое солнце изливает на них свою щедрую силу.

Белые, красные, желтые звездочки усеяли живую изгородь кустарника. А другие звездочки зажглись в траве. Сумеречная лесная глубь сверкает, пылает всеми красками цветения. Лес крепко и остро благоухает свежей листвой, цветами, влажной землей, юными нежно-зелеными побегами. Все звонче и богаче его многоголосье; погуд пчел, жужжанье ос, низкий звук шмелиной трубы влились в лесной оркестр. Первая пора детства Бемби...

Бемби шел за матерью по узкой тропе, пролежавшей между кустами. Это было приятное путешествие. Густая листва, уступая дорогу, мягко колотила его по бокам. Ему то и дело мерещились неодолимые преграды, но преграды рушились от одного его прикосновения, и он спокойно шел дальше. Тропинок было не счесть, они во всех направлениях исчертили лес. И все они были знакомы его матери. Когда Бемби остановился перед непроницаемой зеленой стеной жимолости, мать мгновенно отыскала лаз.

Бемби так и сыпал вопросами. Он очень любил спрашивать. Для него не было большего удовольствия, чем задавать вопросы и выслушивать ответы матери. Бемби казалось вполне естественным, что вопросы возникают у него на каждом шагу. Он восхищался собственной любознательностью. Но особенно восхитительным было то нетерпеливое чувство, с каким он ожидал ответа матери. Пусть он порой и не все понимал, но тогда он мог спрашивать дальше, и это тоже было прекрасно. Иногда Бемби нарочно не спрашивал дальше, пытаясь своими силами разгадать непонятное, и это тоже было прекрасно. Подчас он испытывал чувство, будто мать нарочно чего-то недоговаривает. И это тоже было прекрасно, потому что наполняло его ощущением таинственности и неизведанности жизни, что-то сладко замирало в нем, пронзая все его маленькое существо счастливым страхом перед величием и неохватностью подаренного ему мира. Вот сейчас он спросил:

– Кому принадлежит эта тропа, мама?

А мать ответила: – Нам.

Бемби спросил: – Тебе и мне?

– Да.

– Нам обоим?

– Да.

– Нам одним?

– Нет, – ответила мать. – Нам, оленям.

– Что это такое – олени? – спросил Бемби смеясь.

Мать посмотрела на сына и тоже рассмеялась.

– Ты – олень, я – олень, мы – олени. Понимаешь?

От смеха Бемби подпрыгнул высоко в воздух.

– Понимаю. Я – маленький олень, ты – большой олень. Правильно?

Мать кивнула.

– А есть еще олени, кроме тебя и меня? – став серьезным, спросил Бемби.

– Конечно, – ответила мать. – Много-много оленей.

– Где же они? – воскликнул Бемби.

– Здесь... всюду.

– Но я их не вижу!

– Ты их увидишь.

– Когда? – Охваченный любопытством, Бемби остановился.

– Скоро, – спокойно сказала мать и пошла дальше.

Бемби последовал за ней. Он молчал, раздумывая над тем, что значит "скоро". Ясно, что "скоро" – это не "сейчас", это "потом". Но ведь "потом" может быть и "не скоро". Вдруг он спросил: – А кто проложил эту тропу?

– Мы, – ответила мать.

Бемби посмотрел удивленно:

– Мы? Ты и я? Мать ответила: – Ну, мы – олени.

Бемби спросил: – Какие?

– Мы все, – ответила мать. И они пошли дальше.

Бемби развеселился. Он храбро прыгал в сторону от дороги, но тут же возвращался к матери. Вдруг что-то зашуршало в траве. Закачались папоротники, тонкий, как ниточка, голосочек жалко пропищал, затем все смолкло, лишь тихо шептались стебельки и травы, растревоженные чьим-то незримым бегом. Это хорек охотился за мышью. Вот он прошмыгнул мимо них, осмотрелся и принялся уничтожать добычу.

– Что это было? – возбужденно спросил Бемби.

– Ничего, – сказала мать.

– Но... – Бемби дрожал. – Я же видел...

– Не бойся, – сказала мать. – Это всего-навсего хорек убил мышь. – И она повторила: – Не бойся.

Но Бемби был ужасно испуган, незнакомое щемящее, жалкое чувство проникло к нему в сердце. Долго не мог он вымолвить слова, потом спросил:

– Зачем он убил мышь?

– Зачем?... – Мать колебалась. – Пойдем скорей! – проговорила она, будто ей что-то внезапно пришло на ум. Она быстро устремилась вперед, и Бемби пришлось потрудиться, чтоб не отстать от матери. Он скакал изо всех силенок, а мать молчала, она как будто забыла о его вопросе.

Когда же они снова пошли обычным шагом, Бемби спросил подавленно:

– А мы тоже когда-нибудь убьем мышь?

– Нет, – ответила мать.

– Никогда?

– Никогда.

– А почему так? – с облегчением спросил Бемби.

– Потому что мы никогда никого не убиваем, – просто сказала мать.

Они проходили мимо молодого ясеня, когда сверху послышался громкий, злой крик. Мать спокойно продолжала путь, но Бемби, полный нового любопытства, остановился. Высоко в ветвях над лохматым гнездом ссорились два ястреба.

– Убирайся отсюда, негодяй! – кричал один.

– Не очень-то задавайся, болван! – отвечал другой. – Мы и не таких выдывали!

– Вон из моего гнезда! – бесновался первый. – Разбойник! Я размозжу тебе голову! Такая подлость! Такая низость!

Другой, заметив стоящего под деревом Бемби, слетел на нижнюю ветку и гаркнул: – А тебе что надо, морда? Пошел вон!

Бемби скакнул прочь, нагнал мать и пошел за ней следом, притихший и напуганный.

Мать не подавала виду, что заметила его короткое отсутствие, и через некоторое время Бемби заговорил сам: – Мама, что такое подлость?

Мать сказала: – Я не знаю.

Бемби немного подумал, затем начал снова:

– Мама, а почему те двое так злились друг на друга?

Мать ответила:

– Они повздорили из-за еды.

Бемби спросил:

– А мы, олени, тоже ссоримся из-за еды?

– Нет, – сказала мать.

– Почему нет?

– Потому что тут достаточно еды для всех нас.

Но Бемби хотелось еще кое-что узнать.

– Мама...

– Что тебе?

– А мы, олени, злимся когда-нибудь друг на друга?

– Нет, маленький, у нас, оленей, этого не бывает.

Они шли дальше. В какой-то миг перед ними разверзлась широкая светлая, слепяще-светлая щель. Там кончалась живая изгородь кустарника, обрывалась тропа. Еще несколько шагов – и перед ними во все стороны распахнулся залитый солнцем простор. Бемби хотел прыгнуть вперед, но мать стояла недвижно.

– Что это такое? – воскликнул он нетерпеливо, очарованный новой прелестью мира.

– Поляна, – ответила мать.

– А что такое поляна?

– Это ты скоро сам увидишь, – строго сказала мать.

Она стала серьезной и настороженной. Вскинув голову, она к чему-то напряженно прислушивалась и глубоко втягивала ноздрями воздух.

– Все спокойно, – произнесла она, наконец.

Бемби прыгнул вперед, но мать преградила ему дорогу:

– Жди, когда я тебя позову. Бемби послушно остановился.

– Вот так, – одобрила мать. – А теперь слушай меня внимательно.

Бемби чувствовал скрытое волнение в голосе матери. Он напряг все свое внимание.

– Это не так просто – идти на поляну, – сказала мать. – Это трудное и опасное дело. Не спрашивай почему, – когда-нибудь ты и сам узнаешь. А сейчас запомни хорошенько, что я тебе скажу, Обещаешь?

– Да, – ответил Бемби.

– Так вот. Сперва я пойду одна. Ты стой здесь и не спускай с меня глаз. Если увидишь, что я бегу назад, то и ты беги прочь, беги как можно быстрее. Я уж догоню тебя. Она замолчала, о чем-то думая, затем продолжала глубоким, проникновенным голосом:

– Во всяком случае, беги, беги изо всех сил. Беги... если даже что случится со мной... Если увидишь, что я... что я упала... не обращай внимания. Что бы ты ни увидел, что бы ни услышал, – прочь отсюда, немедленно прочь... Обещаешь?

– Да, – сказал Бемби тихо.

– А сейчас мы пойдем на поляну, сперва я, потом ты. Тебе там очень понравится. Ты будешь играть, бегать. Только обещай, что при первом же моем зове ты будешь около меня. Обещаешь?

– Да, – сказал Бемби еще тише – ведь мать говорила так серьезно.

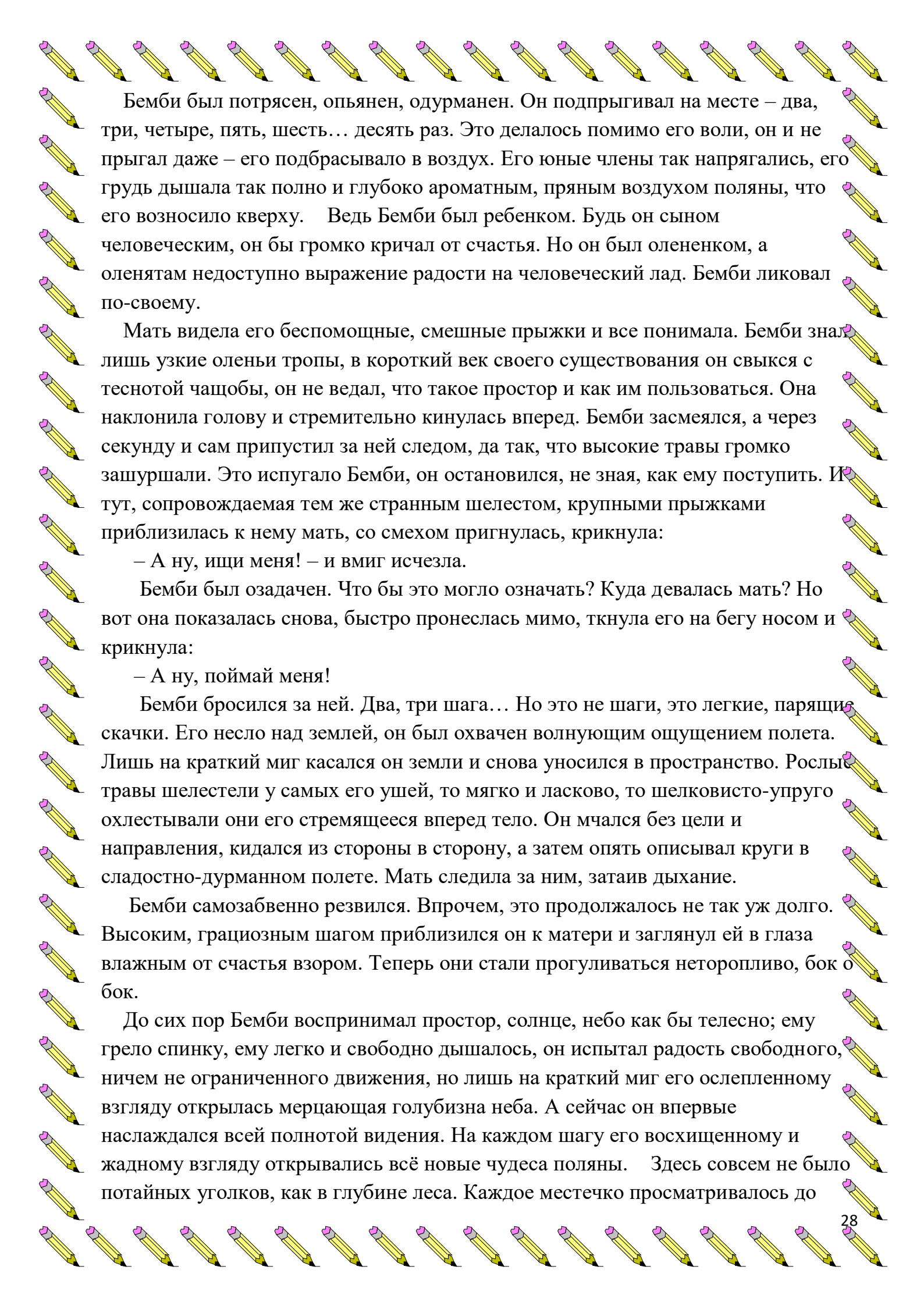
– Когда ты услышишь мой зов, не глазами по сторонам, ни о чем не спрашивай, а сразу, как ветер, лети ко мне. Без промедления, без раздумий. Запомни это. Если я побегу, мчись за мной и не останавливайся, пока мы не очутимся в чаще. Ты не забудешь?

– Нет, – ответил Бемби с тоской.

– А теперь я пойду, – сказала мать и двинулась вперед.

Она выступала медленно, высоко поднимая ноги. Бемби не спускал с нее глаз. Любопытство, страх, ожидание чего-то необычайного боролись в его душе. Он видел, как мать настороженно прислушивается, видел, как напряжено ее тело, и сам напрягся, готовый в любую секунду броситься наутек. Но вот мать вытянула шею, удовлетворенно осмотрелась и крикнула: – Иди сюда!

Бемби прыгнул вперед. Огромная радость, охватившая его с волшебной силой, прогнала страх. В чаще он видел лишь зеленый свод листвы, сквозивший кое-где голубыми крапинами неба. А сейчас ему открылась вся неохватная голубизна небесного свода, и он чувствовал себя счастливым, сам не ведая почему. В лесу он почти не знал солнца. Он думал, что солнце – это широкие полосы света, скользящие по стволам деревьев, да редкие блики в листве. А сейчас он стоял в ослепительном сиянии, в благодатном царстве тепла и света; чудесная, властная сила закрывала ему глаза и открывала сердце.

Бемби был потрясен, опьянен, одурманен. Он подпрыгивал на месте – два, три, четыре, пять, шесть... десять раз. Это делалось помимо его воли, он и не прыгал даже – его подбрасывало в воздух. Его юные члены так напрягались, его грудь дышала так полно и глубоко ароматным, пряным воздухом поляны, что его возносило кверху. Ведь Бемби был ребенком. Будь он сыном человеческим, он бы громко кричал от счастья. Но он был олененком, а оленятам недоступно выражение радости на человеческий лад. Бемби ликовал по-своему.

Мать видела его беспомощные, смешные прыжки и все понимала. Бемби знал лишь узкие оленьи тропы, в короткий век своего существования он свыкся с теснотой чащобы, он не ведал, что такое простор и как им пользоваться. Она наклонила голову и стремительно кинулась вперед. Бемби засмеялся, а через секунду и сам припустил за ней следом, да так, что высокие травы громко зашуршали. Это испугало Бемби, он остановился, не зная, как ему поступить. И тут, сопровождаемая тем же странным шелестом, крупными прыжками приблизилась к нему мать, со смехом пригнулась, крикнула:

– А ну, ищи меня! – и вмиг исчезла.

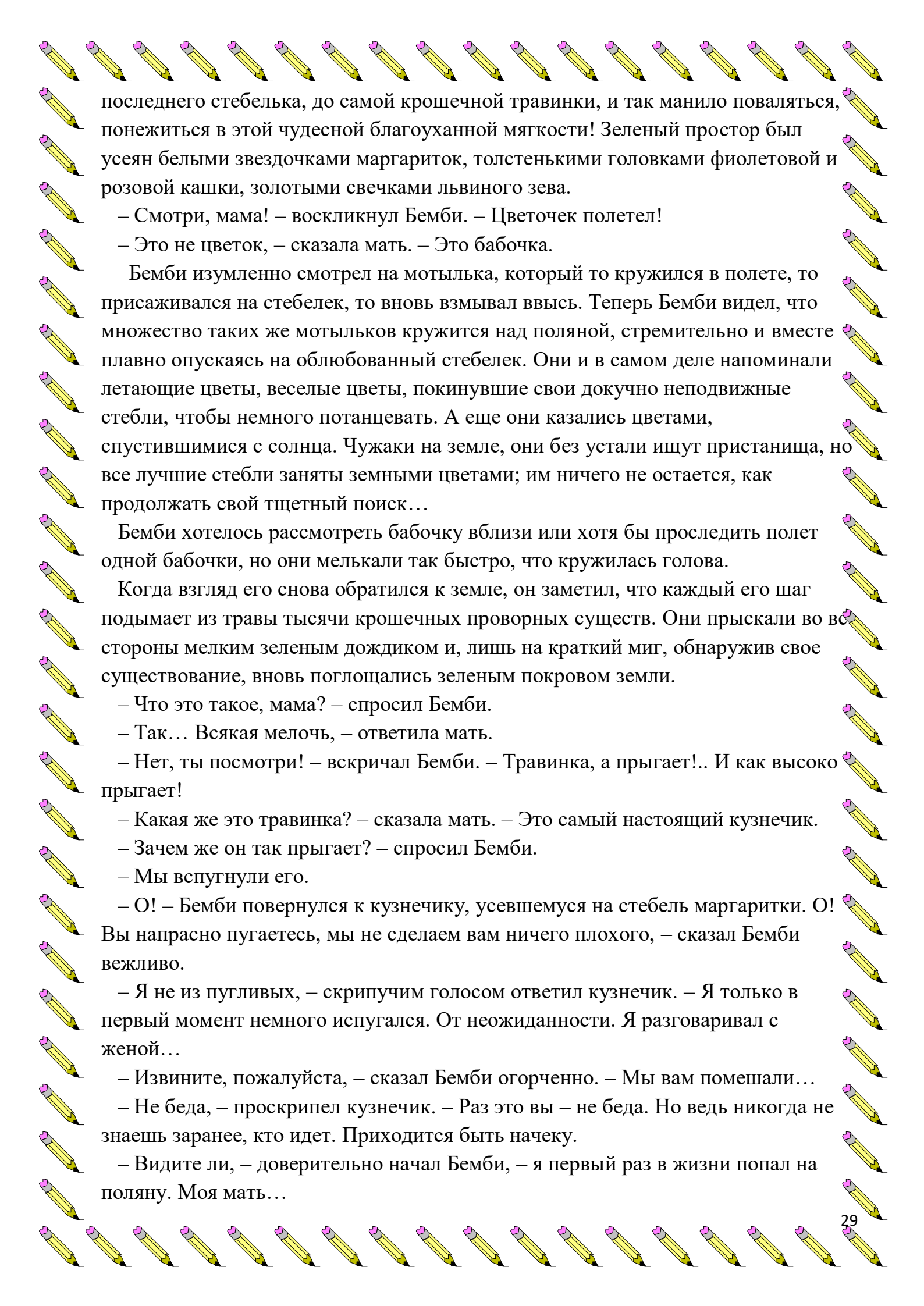
Бемби был озадачен. Что бы это могло означать? Куда девалась мать? Но вот она показалась снова, быстро пронеслась мимо, ткнула его на бегу носом и крикнула:

– А ну, поймай меня!

Бемби бросился за ней. Два, три шага... Но это не шаги, это легкие, парящие скачки. Его несло над землей, он был охвачен волнующим ощущением полета. Лишь на краткий миг касался он земли и снова уносился в пространство. Рослые травы шелестели у самых его ушей, то мягко и ласково, то шелковисто-упруго охлестывали они его стремящееся вперед тело. Он мчался без цели и направления, кидался из стороны в сторону, а затем опять описывал круги в сладостно-дурманном полете. Мать следила за ним, затаив дыхание.

Бемби самозабвенно резвился. Впрочем, это продолжалось не так уж долго. Высоким, грациозным шагом приблизился он к матери и заглянул ей в глаза влажным от счастья взором. Теперь они стали прогуливаться неторопливо, бок о бок.

До сих пор Бемби воспринимал простор, солнце, небо как бы телесно; ему грело спинку, ему легко и свободно дышалось, он испытал радость свободного, ничем не ограниченного движения, но лишь на краткий миг его ослепленному взгляду открылась мерцающая голубизна неба. А сейчас он впервые наслаждался всей полнотой видения. На каждом шагу его восхищенному и жадному взгляду открывались всё новые чудеса поляны. Здесь совсем не было потайных уголков, как в глубине леса. Каждое местечко просматривалось до

последнего стебелька, до самой крошечной травинки, и так манило повалиться, понежиться в этой чудесной благоуханной мягкости! Зеленый простор был усеян белыми звездочками маргариток, толстенькими головками фиолетовой и розовой кашки, золотыми свечками львиного зева.

– Смотри, мама! – воскликнул Бемби. – Цветочек полетел!

– Это не цветок, – сказала мать. – Это бабочка.

Бемби изумленно смотрел на мотылька, который то кружился в полете, то присаживался на стебелек, то вновь взмывал ввысь. Теперь Бемби видел, что множество таких же мотыльков кружится над поляной, стремительно и вместе плавно опускаясь на облюбованный стебелек. Они и в самом деле напоминали летающие цветы, веселые цветы, покинувшие свои докучно неподвижные стебли, чтобы немного потанцевать. А еще они казались цветами, спустившимися с солнца. Чужаки на земле, они без усталости ищут пристанища, но все лучшие стебли заняты земными цветами; им ничего не остается, как продолжать свой тщетный поиск...

Бемби хотелось рассмотреть бабочку вблизи или хотя бы проследить полет одной бабочки, но они мелькали так быстро, что кружилась голова.

Когда взгляд его снова обратился к земле, он заметил, что каждый его шаг поднимает из травы тысячи крошечных проворных существ. Они прыскали во все стороны мелким зеленым дождиком и, лишь на краткий миг, обнаружив свое существование, вновь поглощались зеленым покровом земли.

– Что это такое, мама? – спросил Бемби.

– Так... Всякая мелочь, – ответила мать.

– Нет, ты посмотри! – вскричал Бемби. – Травинка, а прыгает!.. И как высоко прыгает!

– Какая же это травинка? – сказала мать. – Это самый настоящий кузнечик.

– Зачем же он так прыгает? – спросил Бемби.

– Мы испугали его.

– О! – Бемби повернулся к кузнечичку, усевшемуся на стебель маргаритки. О! Вы напрасно пугаетесь, мы не сделаем вам ничего плохого, – сказал Бемби вежливо.

– Я не из пугливых, – скрипучим голосом ответил кузнечик. – Я только в первый момент немного испугался. От неожиданности. Я разговаривал с женой...

– Извините, пожалуйста, – сказал Бемби огорченно. – Мы вам помешали...

– Не беда, – проскрипел кузнечик. – Раз это вы – не беда. Но ведь никогда не знаешь заранее, кто идет. Приходится быть начеку.

– Видите ли, – доверительно начал Бемби, – я первый раз в жизни попал на поляну. Моя мать...

Кузнечик капризно склонил голову, нахмурился и проскрипел:

– Знаете, меня это нисколько не интересует. У меня нет времени выслушивать болтовню. Меня ждет жена. Хоп!.. – И он исчез.

– Хоп! – повторил Бемби, ошеломленный изумительным прыжком кузнечика.

Он подбежал к матери: – Знаешь... я говорил с ним!

– С кем?

– С кузнечиком. Он очень приветливый. И мне он тоже понравился. Он такой зеленый, а потом вдруг стал совсем прозрачным, прозрачней самого тоненького листа.

– Это крылья, – сказала мать. – Он выпустил крылья.

– Да? – Бемби продолжал свой рассказ. – У него такое серьезное, задумчивое лицо. И очень милое. А как он прыгает! Наверно, это ужасно трудно. Сказал "хоп" и сразу пропал.

Они пошли дальше. Беседа с кузнечиком разволновала и немного утомила Бемби – ведь он никогда еще не беседовал с посторонними. Он почувствовал, что должен подкрепить свои силы, и потянулся к матери. Когда он вновь стоял спокойно в нежном дурмане того легкого опьянения, какое всегда испытывал, насытившись из тела матери, он заметил в плетении травинки светлый, подвижный цветок. Нет, это не цветок, это опять бабочка. Бемби подкрался ближе. Мотылек лениво повис на стебельке и тихонько двигал крылышками.

– Пожалуйста, посидите вот так! – попросил Бемби.

– Почему я должен сидеть? Я же бабочка! – удивленно отозвался мотылек.

– Ах, посидите хоть одну минуточку! – умолял Бемби. – Мне так хотелось увидеть вас вблизи. Окажите милость!..

– Ну, если вы так просите, – снисходительно сказала белянка. – Только недолго.

– Как вы прекрасны! – восторгался Бемби. – Вы прекрасны, как цветок!

– Что? – Бабочка захлопала крылышками. – Как цветок? В нашем кругу принято считать, что мы красивее цветов.

Бемби смутился.

– Конечно... – пробормотал он. – Куда красивее. Извините, пожалуйста... Я только хотел сказать...

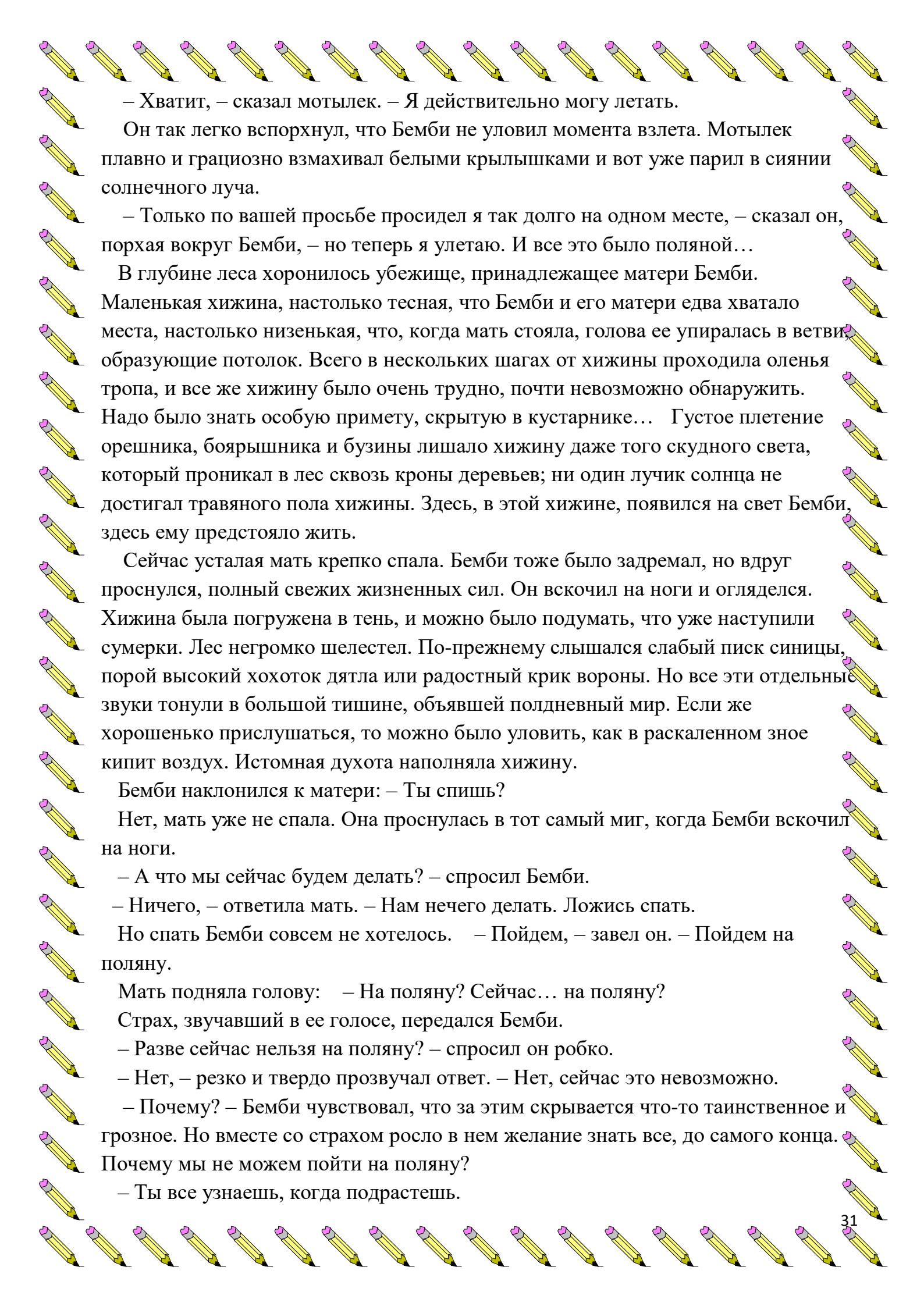
– Мне совершенно безразлично, что вы хотели сказать, – оборвал его мотылек.

Он жеманно изгибал свое хилое тельце, кокетливо двигал усиками.

– Как вы прелестны! – восхищался Бемби. – Что за чудо эти белые крылья!

Мотылек расправил крылышки, затем плотно сложил их парусом.

– О! – воскликнул Бемби. – Теперь я вижу: вы куда красивее любого цветка! К тому же вы еще можете летать, а цветы не могут. Ведь они привязаны к одному месту.

– Хватит, – сказал мотылек. – Я действительно могу летать.

Он так легко вспорхнул, что Бемби не уловил момента взлета. Мотылек плавно и грациозно взмахивал белыми крылышками и вот уже парил в сиянии солнечного луча.

– Только по вашей просьбе просидел я так долго на одном месте, – сказал он, порхая вокруг Бемби, – но теперь я улетаю. И все это было поляной...

В глубине леса хоронилось убежище, принадлежащее матери Бемби. Маленькая хижина, настолько тесная, что Бемби и его матери едва хватало места, настолько низенькая, что, когда мать стояла, голова ее упиралась в ветви, образующие потолок. Всего в нескольких шагах от хижины проходила оленья тропа, и все же хижину было очень трудно, почти невозможно обнаружить. Надо было знать особую примету, скрытую в кустарнике... Густое плетение орешника, боярышника и бузины лишало хижину даже того скудного света, который проникал в лес сквозь кроны деревьев; ни один лучик солнца не достигал травяного пола хижины. Здесь, в этой хижине, появился на свет Бемби, здесь ему предстояло жить.

Сейчас усталая мать крепко спала. Бемби тоже было задремал, но вдруг проснулся, полный свежих жизненных сил. Он вскочил на ноги и огляделся. Хижина была погружена в тень, и можно было подумать, что уже наступили сумерки. Лес негромко шелестел. По-прежнему слышался слабый писк синицы, порой высокий хохоток дятла или радостный крик вороны. Но все эти отдельные звуки тонули в большой тишине, объявшей полдневный мир. Если же хорошенько прислушаться, то можно было уловить, как в раскаленном зное кипит воздух. Истомная духота наполняла хижину.

Бемби наклонился к матери: – Ты спишь?

Нет, мать уже не спала. Она проснулась в тот самый миг, когда Бемби вскочил на ноги.

– А что мы сейчас будем делать? – спросил Бемби.

– Ничего, – ответила мать. – Нам нечего делать. Ложись спать.

Но спать Бемби совсем не хотелось. – Пойдем, – завел он. – Пойдем на поляну.

Мать подняла голову: – На поляну? Сейчас... на поляну?

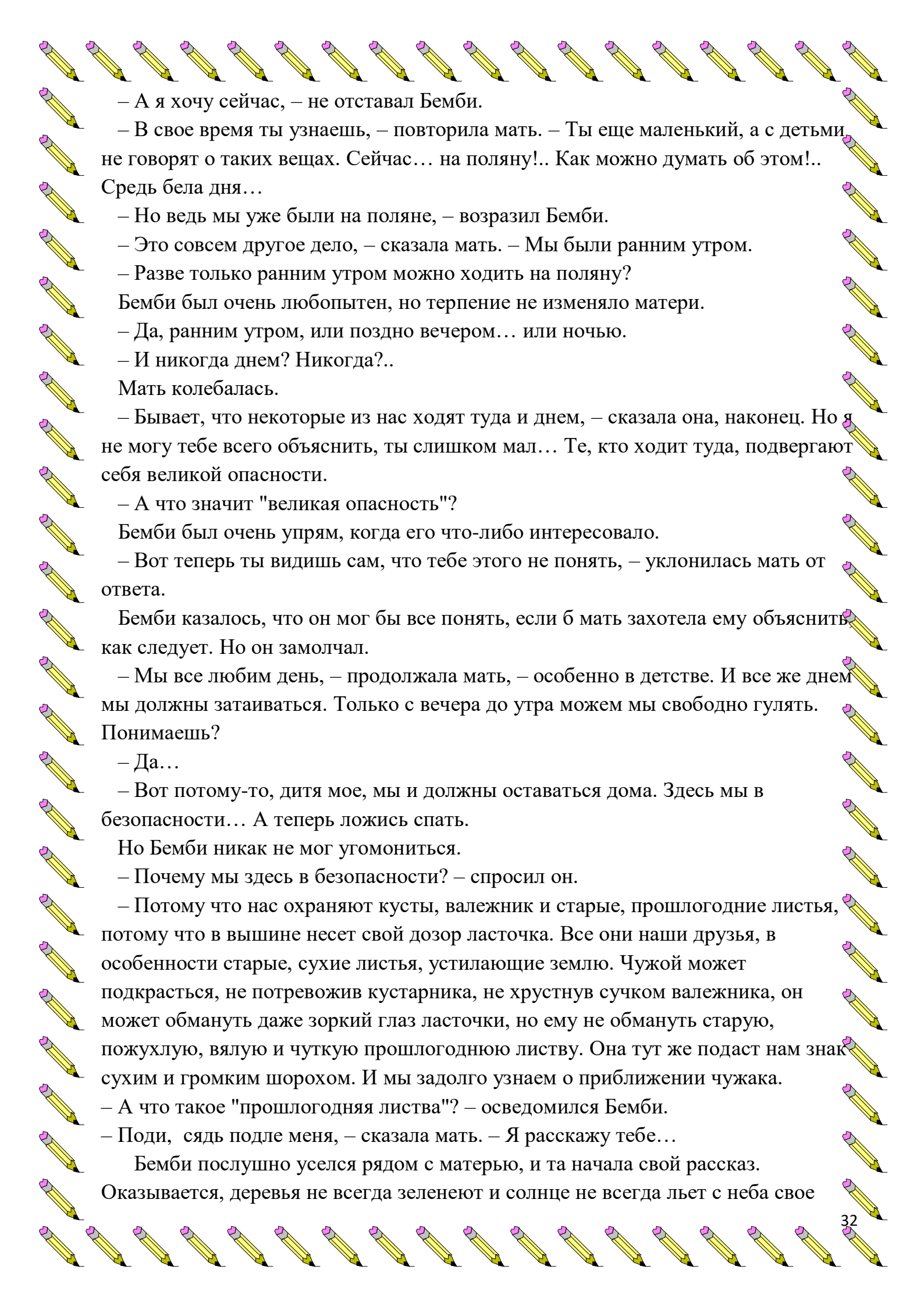
Страх, звучавший в ее голосе, передался Бемби.

– Разве сейчас нельзя на поляну? – спросил он робко.

– Нет, – резко и твердо прозвучал ответ. – Нет, сейчас это невозможно.

– Почему? – Бемби чувствовал, что за этим скрывается что-то таинственное и грозное. Но вместе со страхом росло в нем желание знать все, до самого конца. Почему мы не можем пойти на поляну?

– Ты все узнаешь, когда подрастешь.

– А я хочу сейчас, – не отставал Бемби.

– В свое время ты узнаешь, – повторила мать. – Ты еще маленький, а с детьми не говорят о таких вещах. Сейчас... на поляну!.. Как можно думать об этом!..

Средь бела дня...

– Но ведь мы уже были на поляне, – возразил Бемби.

– Это совсем другое дело, – сказала мать. – Мы были ранним утром.

– Разве только ранним утром можно ходить на поляну?

Бемби был очень любопытен, но терпение не изменяло матери.

– Да, ранним утром, или поздно вечером... или ночью.

– И никогда днем? Никогда?..

Мать колебалась.

– Бывает, что некоторые из нас ходят туда и днем, – сказала она, наконец. Но я не могу тебе всего объяснить, ты слишком мал... Те, кто ходит туда, подвергают себя великой опасности.

– А что значит "великая опасность"?

Бемби был очень упрям, когда его что-либо интересовало.

– Вот теперь ты видишь сам, что тебе этого не понять, – уклонилась мать от ответа.

Бемби казалось, что он мог бы все понять, если б мать захотела ему объяснить, как следует. Но он замолчал.

– Мы все любим день, – продолжала мать, – особенно в детстве. И все же днем мы должны затаиваться. Только с вечера до утра можем мы свободно гулять.

Понимаешь?

– Да...

– Вот потому-то, дитя мое, мы и должны оставаться дома. Здесь мы в безопасности... А теперь ложись спать.

Но Бемби никак не мог уговориться.

– Почему мы здесь в безопасности? – спросил он.

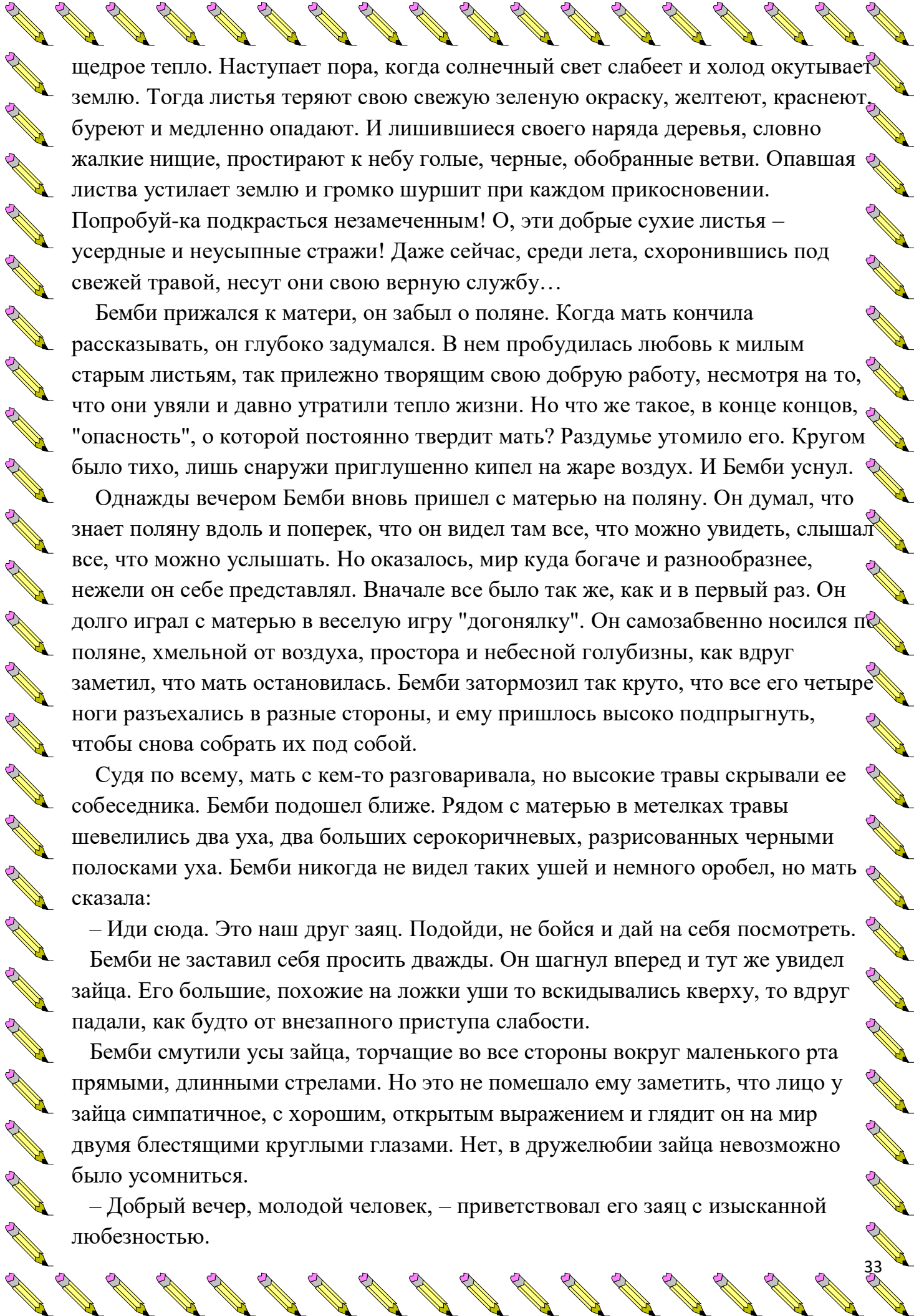
– Потому что нас охраняют кусты, валежник и старые, прошлогодние листья, потому что в вышине несет свой дозор ласточка. Все они наши друзья, в особенности старые, сухие листья, устилающие землю. Чужой может подкрасться, не потревожив кустарника, не хрустнув сучком валежника, он может обмануть даже зоркий глаз ласточки, но ему не обмануть старую, пожухлую, вялую и чуткую прошлогоднюю листву. Она тут же подаст нам знак сухим и громким шорохом. И мы задолго узнаем о приближении чужака.

– А что такое "прошлогодняя листва"? – осведомился Бемби.

– Поди, сядь подле меня, – сказала мать. – Я расскажу тебе...

Бемби послушно уселся рядом с матерью, и та начала свой рассказ.

Оказывается, деревья не всегда зеленеют и солнце не всегда льет с неба свое

щедрое тепло. Наступает пора, когда солнечный свет слабеет и холод окутывает землю. Тогда листья теряют свою свежую зеленую окраску, желтеют, краснеют, буреют и медленно опадают. И лишившиеся своего наряда деревья, словно жалкие нищие, простирают к небу голые, черные, обобранные ветви. Опавшая листва устилает землю и громко шуршит при каждом прикосновении. Попробуй-ка подкрасться незамеченным! О, эти добрые сухие листья – усердные и неусыпные стражи! Даже сейчас, среди лета, схоронившись под свежей травой, несут они свою верную службу...

Бемби прижался к матери, он забыл о поляне. Когда мать кончила рассказывать, он глубоко задумался. В нем пробудилась любовь к милым старым листьям, так прилежно творящим свою добрую работу, несмотря на то, что они увяли и давно утратили тепло жизни. Но что же такое, в конце концов, "опасность", о которой постоянно твердит мать? Раздумье утомило его. Кругом было тихо, лишь снаружи приглушенно кипел на жаре воздух. И Бемби уснул.

Однажды вечером Бемби вновь пришел с матерью на поляну. Он думал, что знает поляну вдоль и поперек, что он видел там все, что можно увидеть, слышал все, что можно услышать. Но оказалось, мир куда богаче и разнообразнее, нежели он себе представлял. Вначале все было так же, как и в первый раз. Он долго играл с матерью в веселую игру "догонялку". Он самозабвенно носился по поляне, хмельной от воздуха, простора и небесной голубизны, как вдруг заметил, что мать остановилась. Бемби затормозил так круто, что все его четыре ноги разъехались в разные стороны, и ему пришлось высоко подпрыгнуть, чтобы снова собрать их под собой.

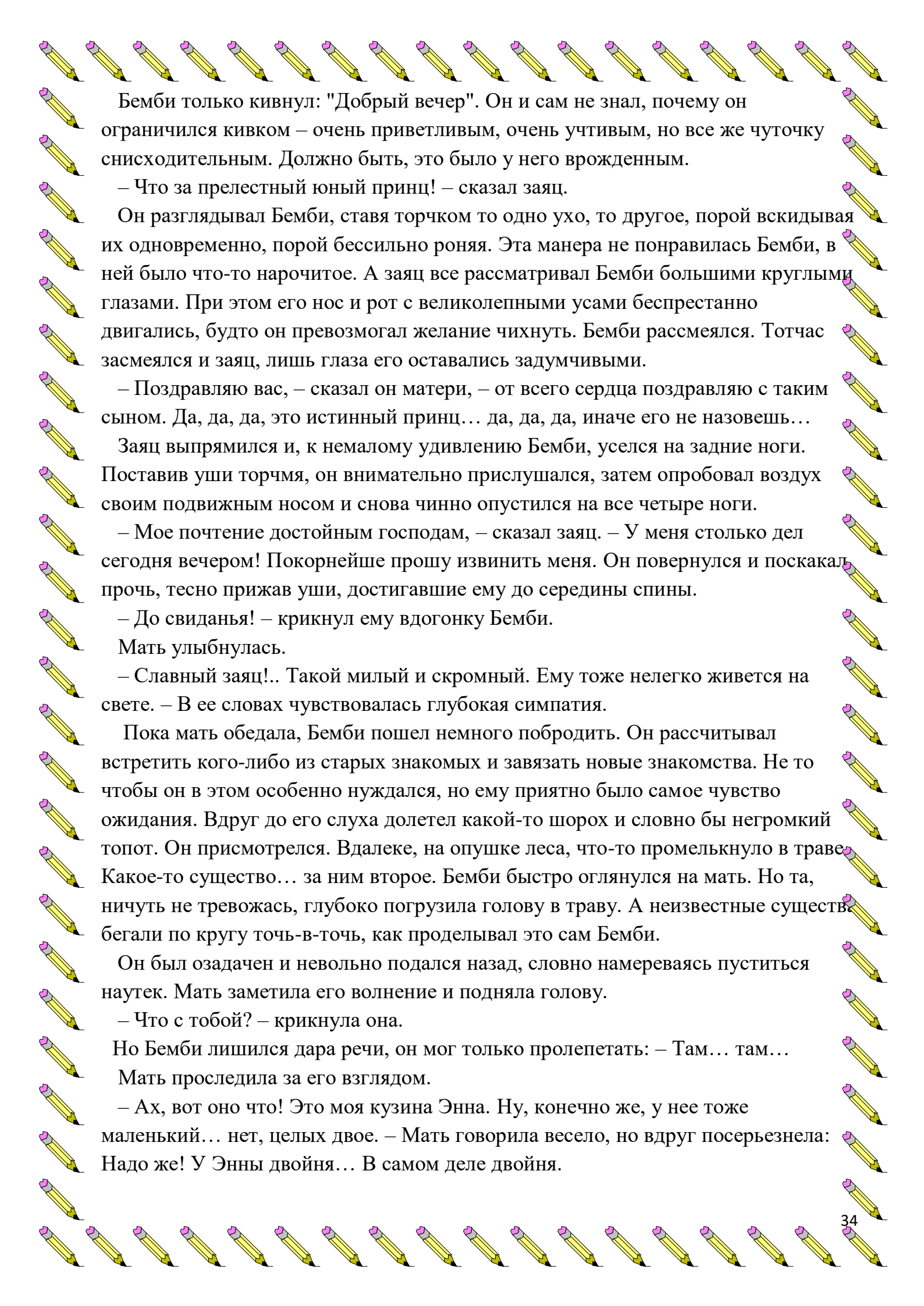
Судя по всему, мать с кем-то разговаривала, но высокие травы скрывали ее собеседника. Бемби подошел ближе. Рядом с матерью в метелках травы шевелились два уха, два больших серокоричневых, разрисованных черными полосками уха. Бемби никогда не видел таких ушей и немного оробел, но мать сказала:

– Иди сюда. Это наш друг заяц. Подойди, не бойся и дай на себя посмотреть.

Бемби не заставил себя просить дважды. Он шагнул вперед и тут же увидел зайца. Его большие, похожие на ложки уши то вскидывались кверху, то вдруг падали, как будто от внезапного приступа слабости.

Бемби смутили усы зайца, торчащие во все стороны вокруг маленького рта прямыми, длинными стрелами. Но это не помешало ему заметить, что лицо у зайца симпатичное, с хорошим, открытым выражением и глядит он на мир двумя блестящими круглыми глазами. Нет, в дружелюбии зайца невозможно было усомниться.

– Добрый вечер, молодой человек, – приветствовал его заяц с изысканной любезностью.

Бемби только кивнул: "Добрый вечер". Он и сам не знал, почему он ограничился кивком – очень приветливым, очень учтивым, но все же чуточку снисходительным. Должно быть, это было у него врожденным.

– Что за прелестный юный принц! – сказал заяц.

Он разглядывал Бемби, ставя торчком то одно ухо, то другое, порой вскидывая их одновременно, порой бессильно роняя. Эта манера не понравилась Бемби, в ней было что-то нарочитое. А заяц все рассматривал Бемби большими круглыми глазами. При этом его нос и рот с великолепными усами беспрестанно двигались, будто он превозмогал желание чихнуть. Бемби рассмеялся. Тотчас засмеялся и заяц, лишь глаза его оставались задумчивыми.

– Поздравляю вас, – сказал он матери, – от всего сердца поздравляю с таким сыном. Да, да, да, это истинный принц... да, да, да, иначе его не назовешь...

Заяц выпрямился и, к немалому удивлению Бемби, уселся на задние ноги. Поставив уши торчмя, он внимательно прислушался, затем опробовал воздух своим подвижным носом и снова чинно опустился на все четыре ноги.

– Мое почтение достойным господам, – сказал заяц. – У меня столько дел сегодня вечером! Покорнейше прошу извинить меня. Он повернулся и поскакал прочь, тесно прижав уши, достигавшие ему до середины спины.

– До свиданья! – крикнул ему вдогонку Бемби.

Мать улыбнулась.

– Славный заяц!.. Такой милый и скромный. Ему тоже нелегко живется на свете. – В ее словах чувствовалась глубокая симпатия.

Пока мать обедала, Бемби пошел немного побродить. Он рассчитывал встретить кого-либо из старых знакомых и завязать новые знакомства. Не то чтобы он в этом особенно нуждался, но ему приятно было самое чувство ожидания. Вдруг до его слуха долетел какой-то шорох и словно бы негромкий топот. Он присмотрелся. Вдалеке, на опушке леса, что-то промелькнуло в траве. Какое-то существо... за ним второе. Бемби быстро оглянулся на мать. Но та, ничуть не тревожась, глубоко погрузила голову в траву. А неизвестные существа бегали по кругу точь-в-точь, как проделывал это сам Бемби.

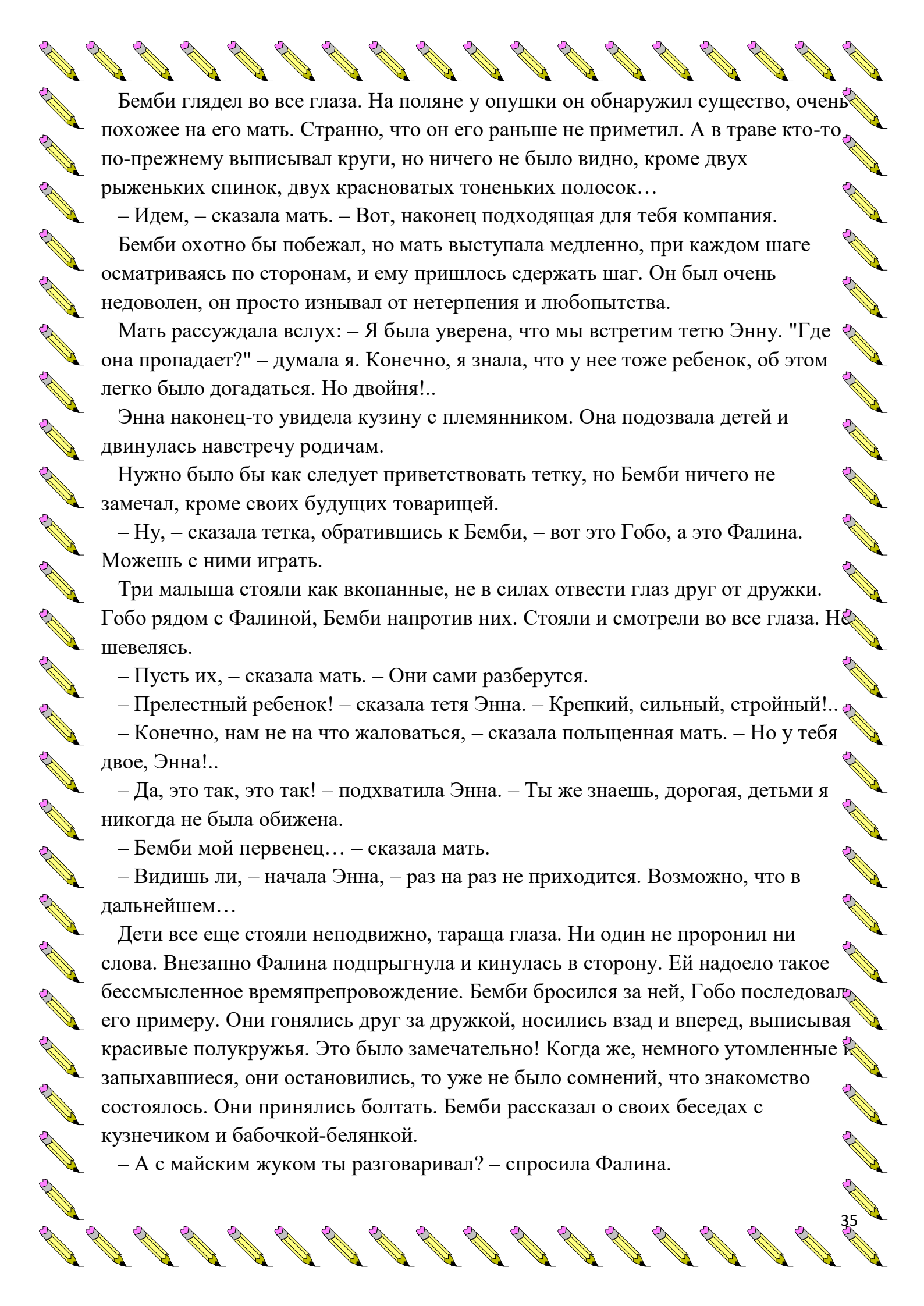
Он был озадачен и невольно подался назад, словно намереваясь пуститься наутек. Мать заметила его волнение и подняла голову.

– Что с тобой? – крикнула она.

Но Бемби лишился дара речи, он мог только пролепетать: – Там... там...

Мать проследила за его взглядом.

– Ах, вот оно что! Это моя кузина Энна. Ну, конечно же, у нее тоже маленький... нет, целых двое. – Мать говорила весело, но вдруг посерьезнела: Надо же! У Энны двойня... В самом деле двойня.

Бемби глядел во все глаза. На поляне у опушки он обнаружил существо, очень похожее на его мать. Странно, что он его раньше не заметил. А в траве кто-то по-прежнему выписывал круги, но ничего не было видно, кроме двух рыженьких спинок, двух красноватых тоненьких полосок...

– Идем, – сказала мать. – Вот, наконец подходящая для тебя компания.

Бемби охотно бы побежал, но мать выступала медленно, при каждом шаге осматриваясь по сторонам, и ему пришлось сдерживать шаг. Он был очень недоволен, он просто изнывал от нетерпения и любопытства.

Мать рассуждала вслух: – Я была уверена, что мы встретим тетю Энну. "Где она пропадает?" – думала я. Конечно, я знала, что у нее тоже ребенок, об этом легко было догадаться. Но двойня!..

Энна наконец-то увидела кузину с племянником. Она подозвала детей и двинулась навстречу родичам.

Нужно было бы как следует приветствовать тетку, но Бемби ничего не замечал, кроме своих будущих товарищей.

– Ну, – сказала тетка, обратившись к Бемби, – вот это Гобо, а это Фалина. Можешь с ними играть.

Три малыша стояли как вкопанные, не в силах отвести глаз друг от дружки. Гобо рядом с Фалиной, Бемби напротив них. Стояли и смотрели во все глаза. Не шевелясь.

– Пусть их, – сказала мать. – Они сами разберутся.

– Прелестный ребенок! – сказала тетя Энна. – Крепкий, сильный, стройный!..

– Конечно, нам не на что жаловаться, – сказала польщенная мать. – Но у тебя двое, Энна!..

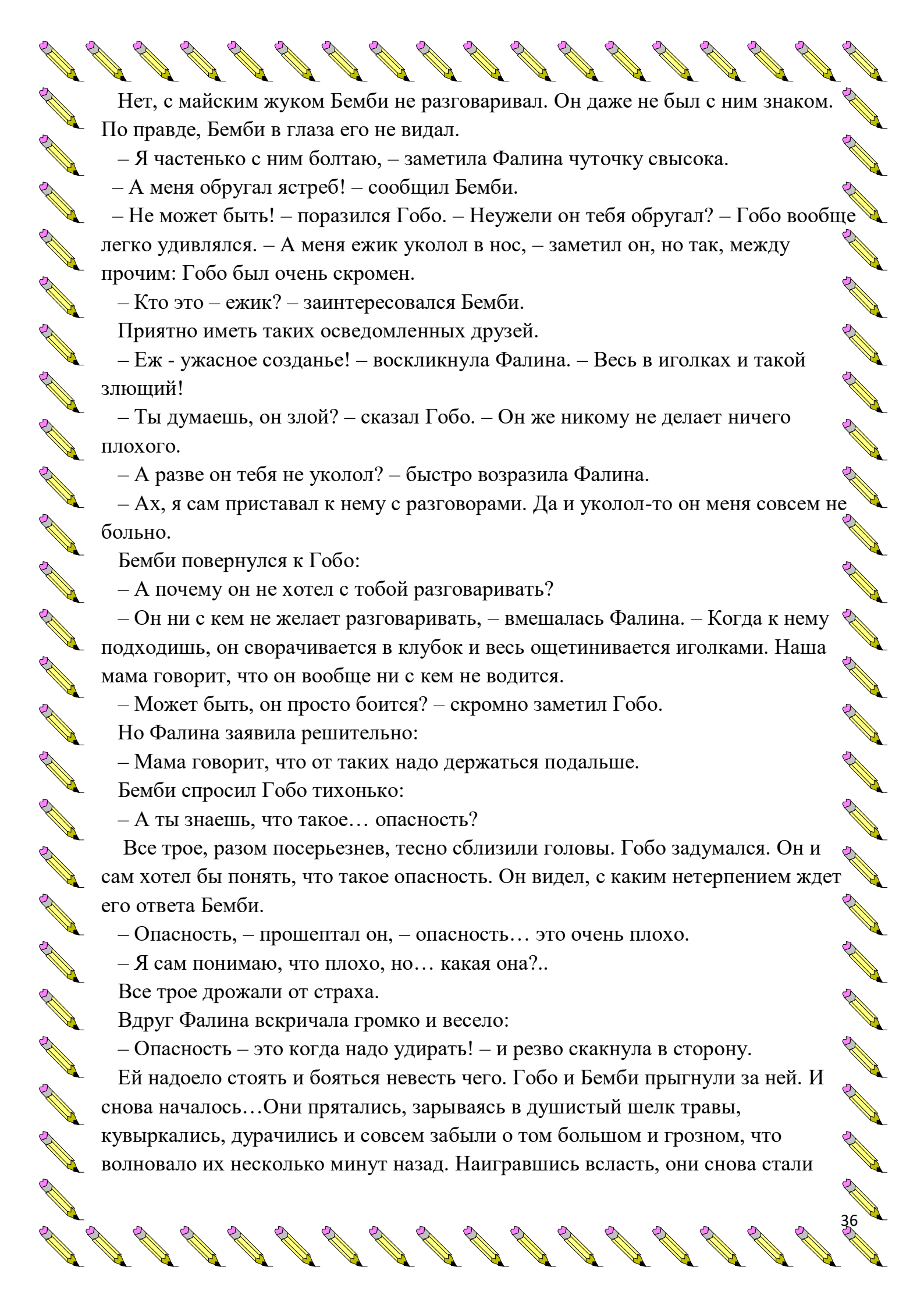
– Да, это так, это так! – подхватила Энна. – Ты же знаешь, дорогая, детьми я никогда не была обижена.

– Бемби мой первенец... – сказала мать.

– Видишь ли, – начала Энна, – раз на раз не приходится. Возможно, что в дальнейшем...

Дети все еще стояли неподвижно, тараща глаза. Ни один не проронил ни слова. Внезапно Фалина подпрыгнула и кинулась в сторону. Ей надоело такое бессмысленное времяпрепровождение. Бемби бросился за ней, Гобо последовал его примеру. Они гонялись друг за дружкой, носились взад и вперед, выписывая красивые полукружья. Это было замечательно! Когда же, немного утомленные и запыхавшиеся, они остановились, то уже не было сомнений, что знакомство состоялось. Они принялись болтать. Бемби рассказал о своих беседах с кузнечиком и бабочкой-белянкой.

– А с майским жуком ты разговаривал? – спросила Фалина.

Нет, с майским жуком Бемби не разговаривал. Он даже не был с ним знаком. По правде, Бемби в глаза его не видал.

– Я частенько с ним болтаю, – заметила Фалина чуточку свысока.

– А меня обругал ястреб! – сообщил Бемби.

– Не может быть! – поразился Гобо. – Неужели он тебя обругал? – Гобо вообще легко удивлялся. – А меня ежик уколол в нос, – заметил он, но так, между прочим: Гобо был очень скромн.

– Кто это – ежик? – заинтересовался Бемби.

Приятно иметь таких осведомленных друзей.

– Еж - ужасное создание! – воскликнула Фалина. – Весь в иголках и такой злощий!

– Ты думаешь, он злой? – сказал Гобо. – Он же никому не делает ничего плохого.

– А разве он тебя не уколол? – быстро возразила Фалина.

– Ах, я сам приставал к нему с разговорами. Да и уколол-то он меня совсем не больно.

Бемби повернулся к Гобо:

– А почему он не хотел с тобой разговаривать?

– Он ни с кем не желает разговаривать, – вмешалась Фалина. – Когда к нему подходишь, он сворачивается в клубок и весь оцетинивается иголками. Наша мама говорит, что он вообще ни с кем не водится.

– Может быть, он просто боится? – скромно заметил Гобо.

Но Фалина заявила решительно:

– Мама говорит, что от таких надо держаться подальше.

Бемби спросил Гобо тихонько:

– А ты знаешь, что такое... опасность?

Все трое, разом посерьезнев, тесно сблизили головы. Гобо задумался. Он и сам хотел бы понять, что такое опасность. Он видел, с каким нетерпением ждет его ответа Бемби.

– Опасность, – прошептал он, – опасность... это очень плохо.

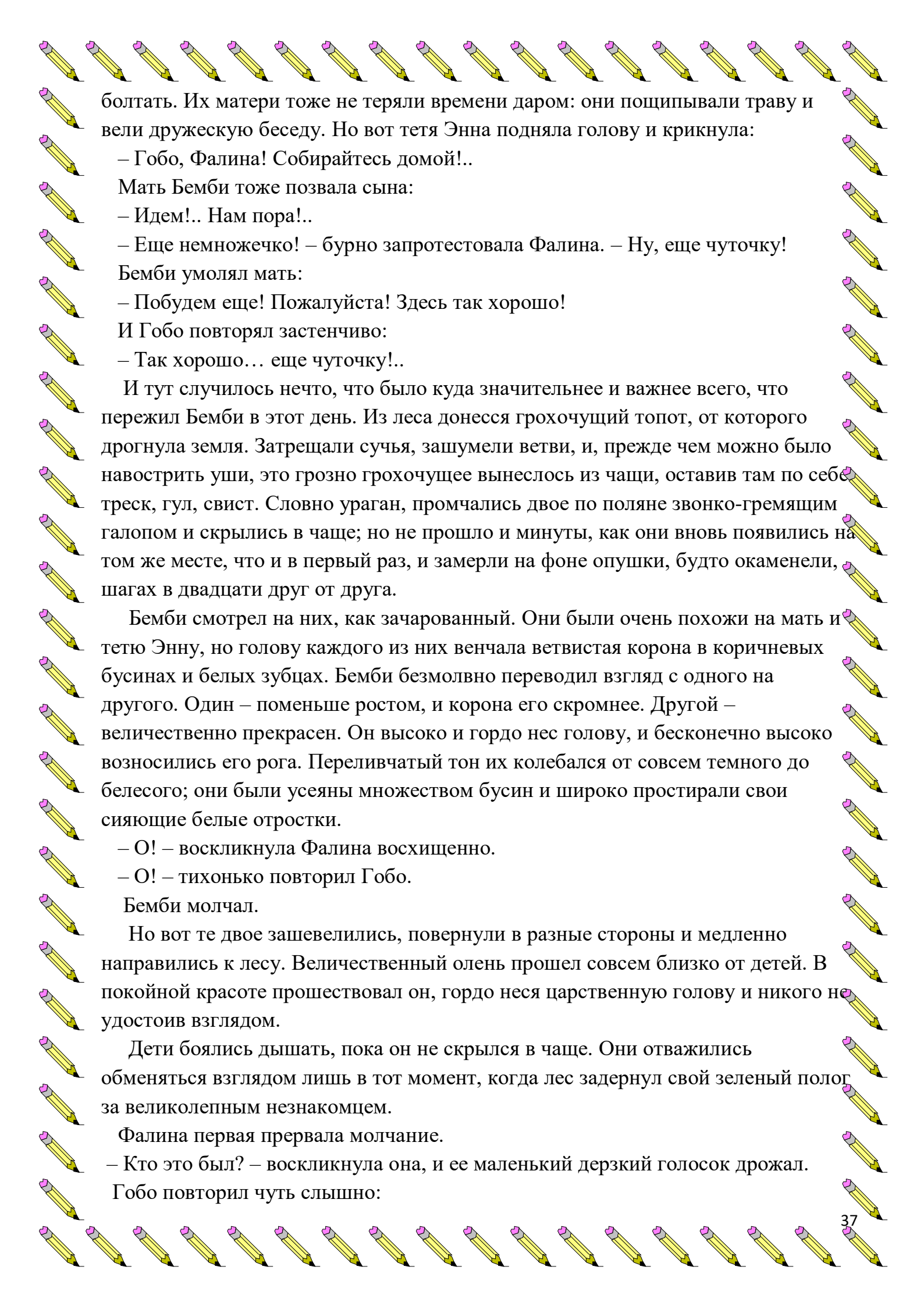
– Я сам понимаю, что плохо, но... какая она?..

Все трое дрожали от страха.

Вдруг Фалина вскричала громко и весело:

– Опасность – это когда надо удирать! – и резво скакнула в сторону.

Ей надоело стоять и бояться неведь чего. Гобо и Бемби прыгнули за ней. И снова началось... Они прятались, зарываясь в душистый шелк травы, кувыркались, дурачились и совсем забыли о том большом и грозном, что волновало их несколько минут назад. Наигравшись всласть, они снова стали

болтать. Их матери тоже не теряли времени даром: они пощипывали траву и вели дружескую беседу. Но вот тетя Энна подняла голову и крикнула:

– Гобо, Фалина! Собирайтесь домой!..

Мать Бемби тоже позвала сына:

– Идем!.. Нам пора!..

– Еще немножечко! – бурно запротестовала Фалина. – Ну, еще чуточку!

Бемби умолял мать:

– Побудем еще! Пожалуйста! Здесь так хорошо!

И Гобо повторял застенчиво:

– Так хорошо... еще чуточку!..

И тут случилось нечто, что было куда значительнее и важнее всего, что пережил Бемби в этот день. Из леса донесся грохочущий топот, от которого дрогнула земля. Затрещали сучья, зашумели ветви, и, прежде чем можно было наострить уши, это грозно грохочущее вынеслось из чащи, оставив там по себе треск, гул, свист. Словно ураган, промчались двое по поляне звонко-гремящим галопом и скрылись в чаще; но не прошло и минуты, как они вновь появились на том же месте, что и в первый раз, и замерли на фоне опушки, будто окаменели, шагах в двадцати друг от друга.

Бемби смотрел на них, как зачарованный. Они были очень похожи на мать и тетю Энну, но голову каждого из них венчала ветвистая корона в коричневых бусинах и белых зубцах. Бемби безмолвно переводил взгляд с одного на другого. Один – поменьше ростом, и корона его скромнее. Другой – величественно прекрасен. Он высоко и гордо нес голову, и бесконечно высоко возносились его рога. Переливчатый тон их колебался от совсем темного до белесого; они были усеяны множеством бусин и широко простирали свои сияющие белые отростки.

– О! – воскликнула Фалина восхищенно.

– О! – тихонько повторил Гобо.

Бемби молчал.

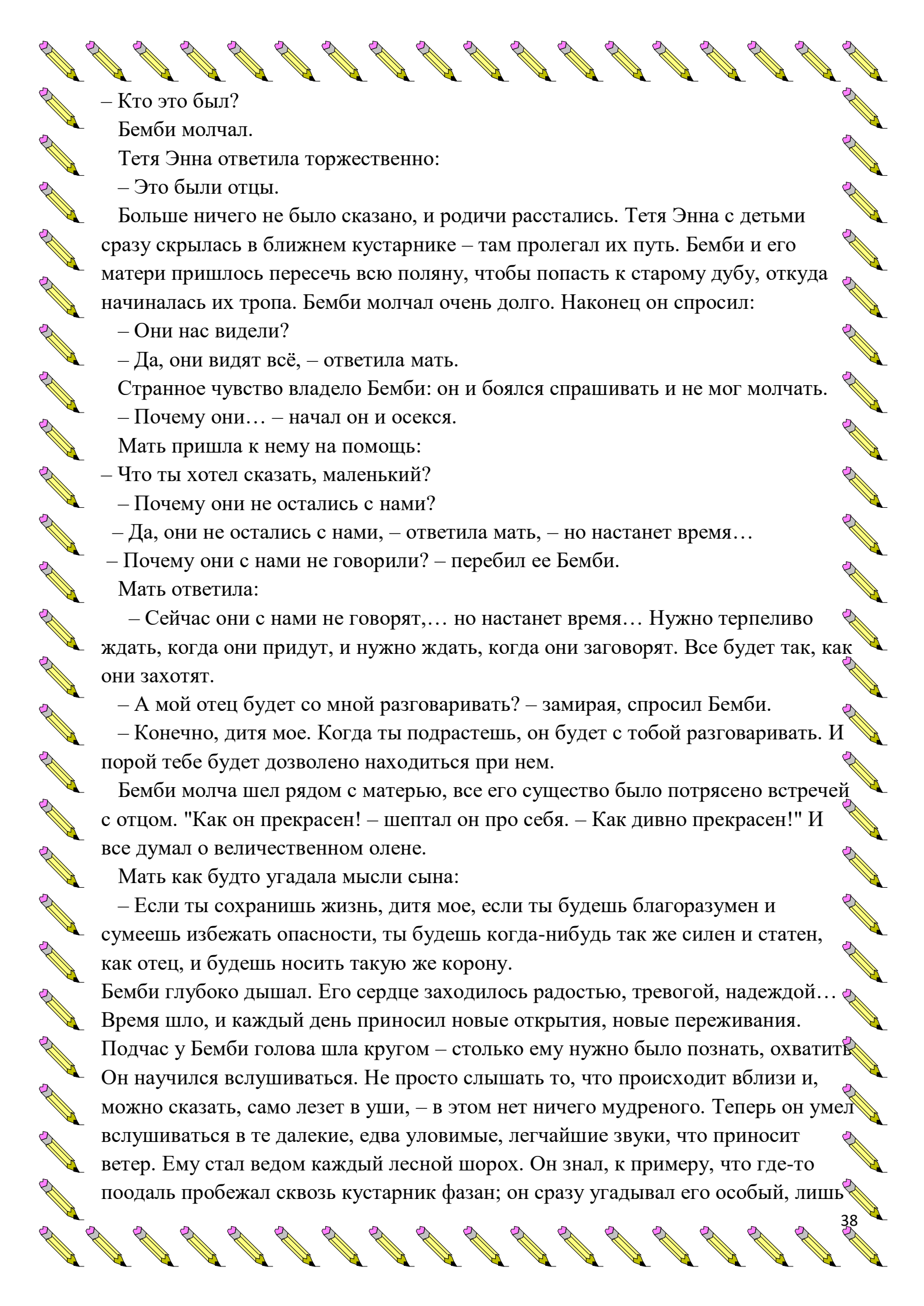
Но вот те двое зашевелились, повернули в разные стороны и медленно направились к лесу. Величественный олень прошел совсем близко от детей. В покойной красоте прошествовал он, гордо неся царственную голову и никого не удостоив взглядом.

Дети боялись дышать, пока он не скрылся в чаще. Они отважились обменяться взглядом лишь в тот момент, когда лес задернул свой зеленый полог за великолепным незнакомцем.

Фалина первая прервала молчание.

– Кто это был? – воскликнула она, и ее маленький дерзкий голосок дрожал.

Гобо повторил чуть слышно:

– Кто это был?

Бемби молчал.

Тетя Энна ответила торжественно:

– Это были отцы.

Больше ничего не было сказано, и родители расстались. Тетя Энна с детьми сразу скрылась в ближнем кустарнике – там пролегал их путь. Бемби и его матери пришлось пересечь всю поляну, чтобы попасть к старому дубу, откуда начиналась их тропа. Бемби молчал очень долго. Наконец он спросил:

– Они нас видели?

– Да, они видят всё, – ответила мать.

Странное чувство владело Бемби: он и боялся спрашивать и не мог молчать.

– Почему они... – начал он и осекся.

Мать пришла к нему на помощь:

– Что ты хотел сказать, маленький?

– Почему они не остались с нами?

– Да, они не остались с нами, – ответила мать, – но настанет время...

– Почему они с нами не говорили? – перебил ее Бемби.

Мать ответила:

– Сейчас они с нами не говорят,... но настанет время... Нужно терпеливо ждать, когда они придут, и нужно ждать, когда они заговорят. Все будет так, как они захотят.

– А мой отец будет со мной разговаривать? – замирая, спросил Бемби.

– Конечно, дитя мое. Когда ты подрастешь, он будет с тобой разговаривать. И порой тебе будет дозволено находиться при нем.

Бемби молча шел рядом с матерью, все его существо было потрясено встречей с отцом. "Как он прекрасен! – шептал он про себя. – Как дивно прекрасен!" И все думал о величественном олене.

Мать как будто угадала мысли сына:

– Если ты сохранишь жизнь, дитя мое, если ты будешь благоразумен и сумеешь избежать опасности, ты будешь когда-нибудь так же силен и статен, как отец, и будешь носить такую же корону.

Бемби глубоко дышал. Его сердце заходило радостью, тревогой, надеждой...

Время шло, и каждый день приносил новые открытия, новые переживания.

Подчас у Бемби голова шла кругом – столько ему нужно было познать, охватить

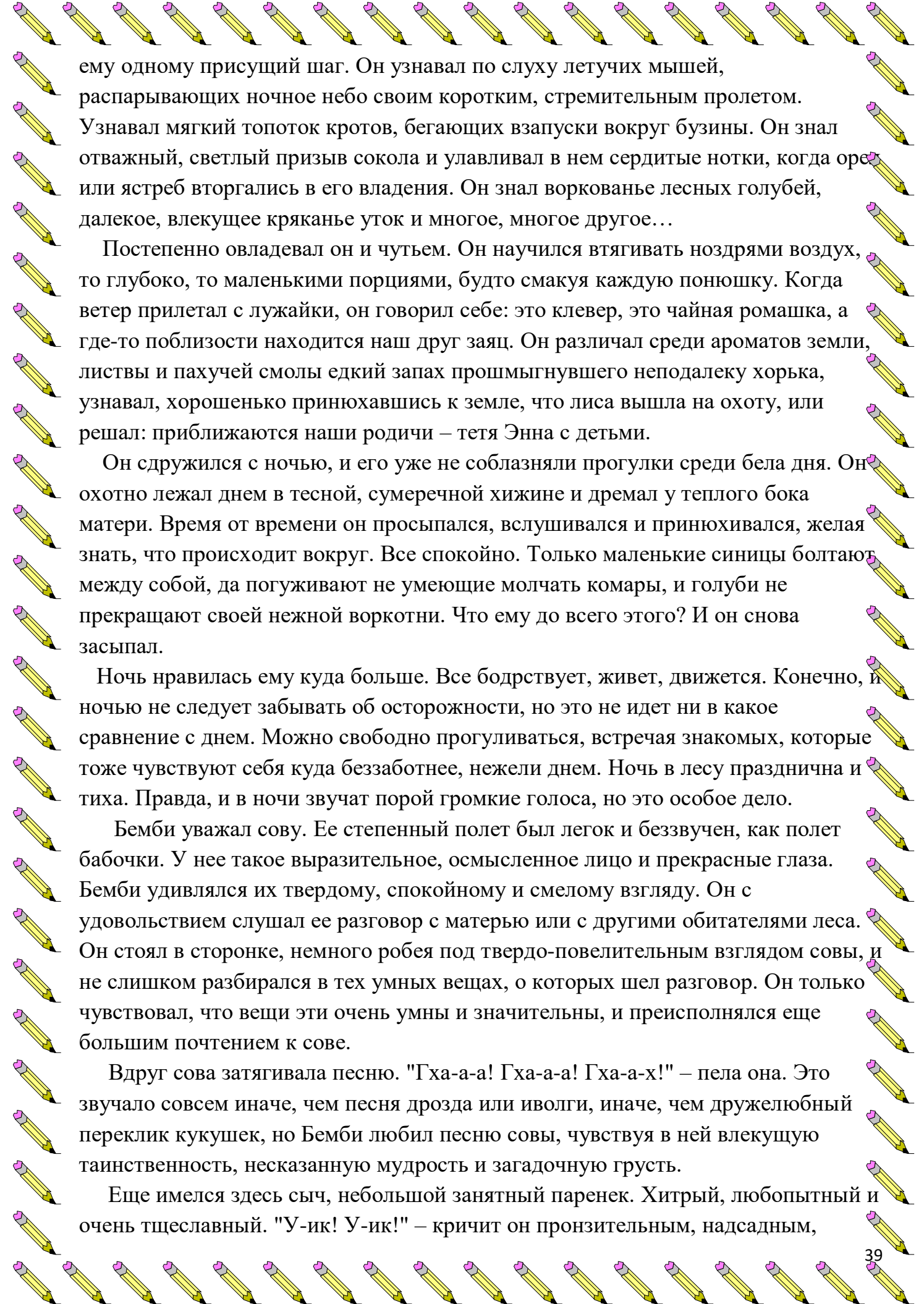
Он научился вслушиваться. Не просто слышать то, что происходит вблизи и,

можно сказать, само лезет в уши, – в этом нет ничего мудреного. Теперь он умел

вслушиваться в те далекие, едва уловимые, легчайшие звуки, что приносит

ветер. Ему стал ведом каждый лесной шорох. Он знал, к примеру, что где-то

поодаль пробежал сквозь кустарник фазан; он сразу угадывал его особый, лишь

The page is decorated with numerous yellow pencils with pink erasers and sharpened tips, arranged in a border around the text. The pencils are oriented vertically, with some pointing up and some pointing down.

ему одному присущий шаг. Он узнавал по слуху летучих мышей, распарывающих ночное небо своим коротким, стремительным пролетом. Узнавал мягкий топоток кротов, бегающих взапуски вокруг бузины. Он знал отважный, светлый призыв сокола и улавливал в нем сердитые нотки, когда орел или ястреб вторгались в его владения. Он знал воркованье лесных голубей, далекое, влекущее кряканье уток и многое, многое другое...

Постепенно овладевал он и чутьем. Он научился втягивать ноздрями воздух, то глубоко, то маленькими порциями, будто смакуя каждую понюшку. Когда ветер прилетал с лужайки, он говорил себе: это клевер, это чайная ромашка, а где-то поблизости находится наш друг заяц. Он различал среди ароматов земли, листвы и пахучей смолы едкий запах прошмыгнувшего неподалеку хорька, узнавал, хорошенько приняхавшись к земле, что лиса вышла на охоту, или решал: приближаются наши родичи – тетя Энна с детьми.

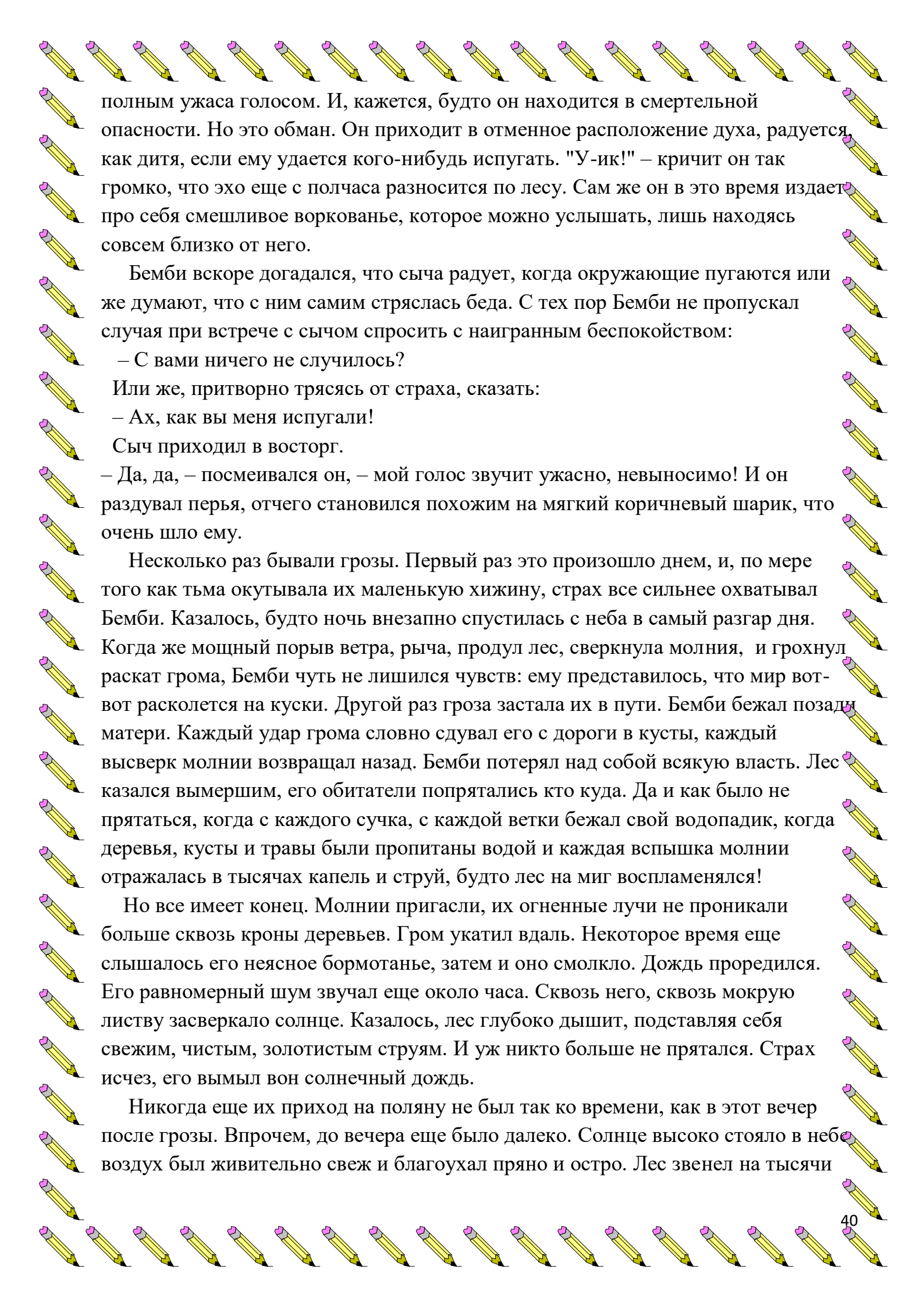
Он сдружился с ночью, и его уже не соблазняли прогулки среди бела дня. Он охотно лежал днем в тесной, сумеречной хижине и дремал у теплого бока матери. Время от времени он просыпался, вслушивался и приняхивался, желая знать, что происходит вокруг. Все спокойно. Только маленькие синицы болтают между собой, да погуживают не умеющие молчать комары, и голуби не прекращают своей нежной воркотни. Что ему до всего этого? И он снова засыпал.

Ночь нравилась ему куда больше. Все бодрствует, живет, движется. Конечно, и ночью не следует забывать об осторожности, но это не идет ни в какое сравнение с днем. Можно свободно прогуливаться, встречая знакомых, которые тоже чувствуют себя куда беззаботнее, нежели днем. Ночь в лесу празднична и тиха. Правда, и в ночи звучат порой громкие голоса, но это особое дело.

Бемби уважал сову. Ее степенный полет был легок и беззвучен, как полет бабочки. У нее такое выразительное, осмысленное лицо и прекрасные глаза. Бемби удивлялся их твердому, спокойному и смелому взгляду. Он с удовольствием слушал ее разговор с матерью или с другими обитателями леса. Он стоял в сторонке, немного робея под твердо-повелительным взглядом совы, и не слишком разбирался в тех умных вещах, о которых шел разговор. Он только чувствовал, что вещи эти очень умны и значительны, и преисполнялся еще большим почтением к сове.

Вдруг сова затягивала песню. "Гха-а-а! Гха-а-а! Гха-а-х!" – пела она. Это звучало совсем иначе, чем песня дрозда или иволги, иначе, чем дружелюбный переклик кукушек, но Бемби любил песню совы, чувствуя в ней влекущую таинственность, несказанную мудрость и загадочную грусть.

Еще имелся здесь сыч, небольшой занятный паренек. Хитрый, любопытный и очень тщеславный. "У-ик! У-ик!" – кричит он пронзительным, надсадным,

полным ужаса голосом. И, кажется, будто он находится в смертельной опасности. Но это обман. Он приходит в отменное расположение духа, радуется как дитя, если ему удастся кого-нибудь испугать. "У-ик!" – кричит он так громко, что эхо еще с полчаса разносится по лесу. Сам же он в это время издает про себя смешливое воркованье, которое можно услышать, лишь находясь совсем близко от него.

Бемби вскоре догадался, что сыча радует, когда окружающие пугаются или же думают, что с ним самим стряслась беда. С тех пор Бемби не пропускал случая при встрече с сычом спросить с наигранным беспокойством:

– С вами ничего не случилось?

Или же, притворно трясясь от страха, сказать:

– Ах, как вы меня испугали!

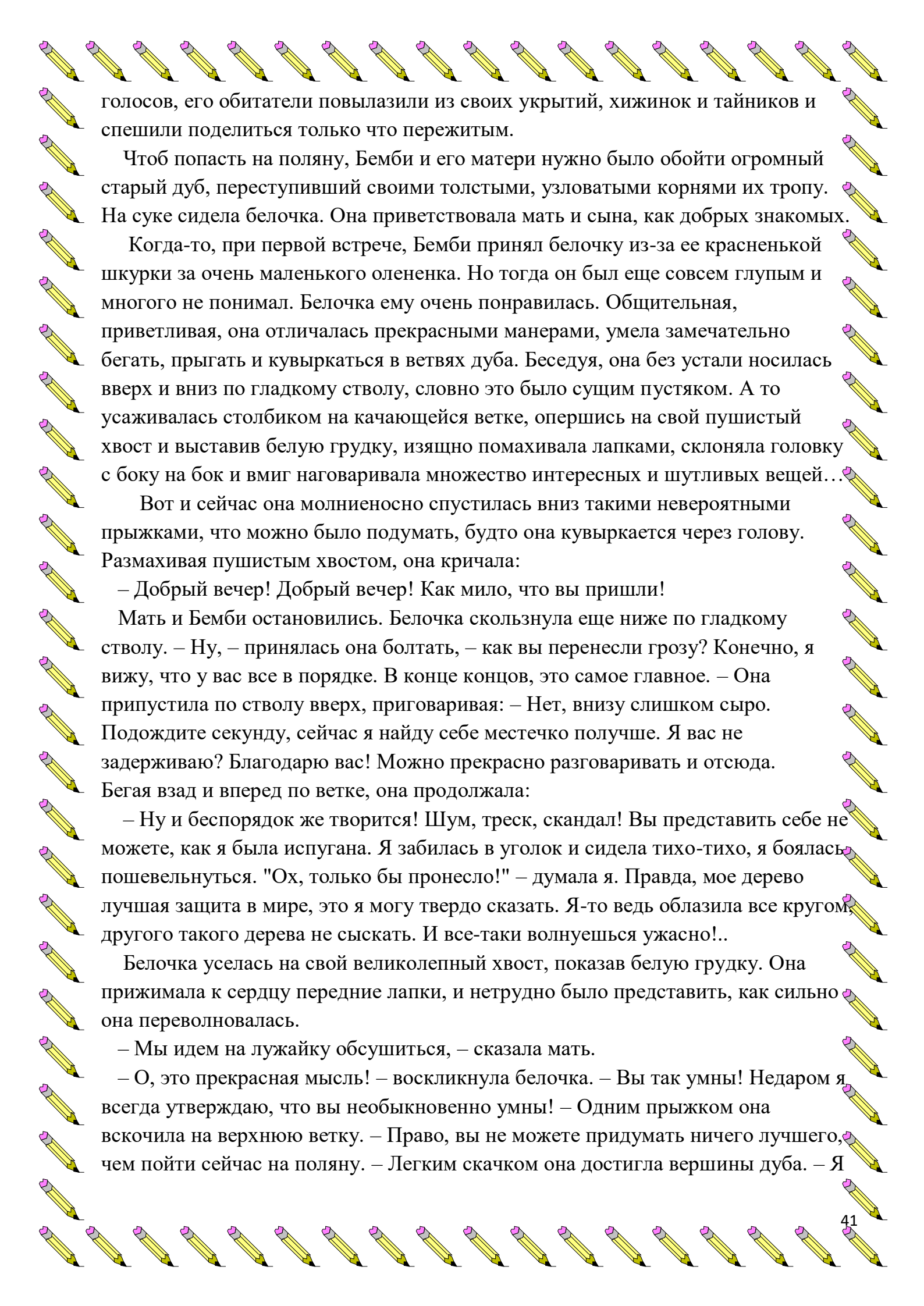
Сыч приходил в восторг.

– Да, да, – посмеивался он, – мой голос звучит ужасно, невыносимо! И он раздувал перья, отчего становился похожим на мягкий коричневый шарик, что очень шло ему.

Несколько раз бывали грозы. Первый раз это произошло днем, и, по мере того как тьма окутывала их маленькую хижину, страх все сильнее охватывал Бемби. Казалось, будто ночь внезапно спустилась с неба в самый разгар дня. Когда же мощный порыв ветра, рыча, продул лес, сверкнула молния, и грохнул раскат грома, Бемби чуть не лишился чувств: ему представилось, что мир вот-вот расколется на куски. Другой раз гроза застала их в пути. Бемби бежал позади матери. Каждый удар грома словно сдувал его с дороги в кусты, каждый выскерк молнии возвращал назад. Бемби потерял над собой всякую власть. Лес казался вымершим, его обитатели попрятались кто куда. Да и как было не прятаться, когда с каждого сучка, с каждой ветки бежал свой водопадик, когда деревья, кусты и травы были пропитаны водой и каждая вспышка молнии отражалась в тысячах капель и струй, будто лес на миг воспламенялся!

Но все имеет конец. Молнии пригасли, их огненные лучи не проникали больше сквозь кроны деревьев. Гром укатил вдаль. Некоторое время еще слышалось его неясное бормотанье, затем и оно смолкло. Дождь проредился. Его равномерный шум звучал еще около часа. Сквозь него, сквозь мокрую листву засверкало солнце. Казалось, лес глубоко дышит, подставляя себя свежим, чистым, золотистым струям. И уж никто больше не прятался. Страх исчез, его вымыл вон солнечный дождь.

Никогда еще их приход на поляну не был так ко времени, как в этот вечер после грозы. Впрочем, до вечера еще было далеко. Солнце высоко стояло в небе, воздух был живительно свеж и благоухал пряно и остро. Лес звенел на тысячи

голосов, его обитатели повылазили из своих укрытий, хижинки и тайников и спешили поделиться только что пережитым.

Чтоб попасть на поляну, Бемби и его матери нужно было обойти огромный старый дуб, переступивший своими толстыми, узловатыми корнями их тропу. На суке сидела белочка. Она приветствовала мать и сына, как добрых знакомых.

Когда-то, при первой встрече, Бемби принял белочку из-за ее красненькой шкурки за очень маленького олененка. Но тогда он был еще совсем глупым и многого не понимал. Белочка ему очень понравилась. Общительная, приветливая, она отличалась прекрасными манерами, умела замечательно бегать, прыгать и кувыркаться в ветвях дуба. Беседуя, она без устали носилась вверх и вниз по гладкому стволу, словно это было сущим пустяком. А то усаживалась столбиком на качающейся ветке, опершись на свой пушистый хвост и выставив белую грудку, изящно помахивала лапками, склоняла головку с боку на бок и вмиг наговаривала множество интересных и шуточных вещей...

Вот и сейчас она молниеносно спустилась вниз такими невероятными прыжками, что можно было подумать, будто она кувыркается через голову. Размахивая пушистым хвостом, она кричала:

– Добрый вечер! Добрый вечер! Как мило, что вы пришли!

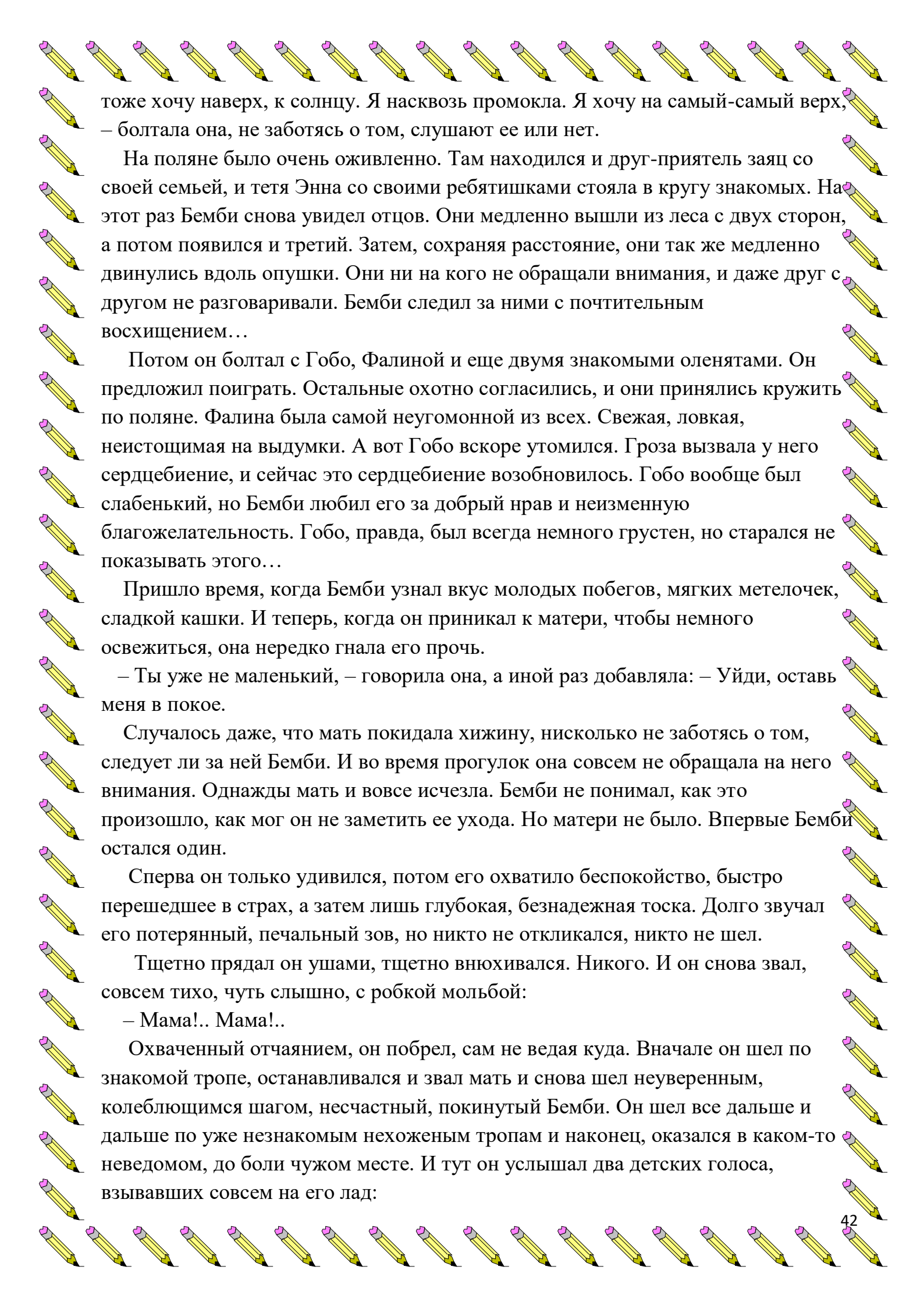
Мать и Бемби остановились. Белочка скользнула еще ниже по гладкому стволу. – Ну, – принялась она болтать, – как вы перенесли грозу? Конечно, я вижу, что у вас все в порядке. В конце концов, это самое главное. – Она припустила по стволу вверх, приговаривая: – Нет, внизу слишком сыро. Подождите секунду, сейчас я найду себе местечко получше. Я вас не задерживаю? Благодарю вас! Можно прекрасно разговаривать и отсюда. Бегая взад и вперед по ветке, она продолжала:

– Ну и беспорядок же творится! Шум, треск, скандал! Вы представить себе не можете, как я была испугана. Я забилась в уголок и сидела тихо-тихо, я боялась пошевелиться. "Ох, только бы пронесло!" – думала я. Правда, мое дерево лучшая защита в мире, это я могу твердо сказать. Я-то ведь облазила все кругом, другого такого дерева не сыскать. И все-таки волнуешься ужасно!..

Белочка уселась на свой великолепный хвост, показав белую грудку. Она прижимала к сердцу передние лапки, и нетрудно было представить, как сильно она переволновалась.

– Мы идем на лужайку обсушиться, – сказала мать.

– О, это прекрасная мысль! – воскликнула белочка. – Вы так умны! Недаром я всегда утверждаю, что вы необыкновенно умны! – Одним прыжком она вскочила на верхнюю ветку. – Право, вы не можете придумать ничего лучшего, чем пойти сейчас на поляну. – Легким скачком она достигла вершины дуба. – Я

тоже хочу наверх, к солнцу. Я насквозь промокла. Я хочу на самый-самый верх, – болтала она, не заботясь о том, слушают ее или нет.

На поляне было очень оживленно. Там находился и друг-друг-друг заяц со своей семьей, и тетя Энна со своими ребятами стояла в кругу знакомых. На этот раз Бемби снова увидел отцов. Они медленно вышли из леса с двух сторон, а потом появился и третий. Затем, сохраняя расстояние, они так же медленно двинулись вдоль опушки. Они ни на кого не обращали внимания, и даже друг с другом не разговаривали. Бемби следил за ними с почтительным восхищением...

Потом он болтал с Гобо, Фалиной и еще двумя знакомыми оленятами. Он предложил поиграть. Остальные охотно согласились, и они принялись кружить по поляне. Фалина была самой неугомонной из всех. Свежая, ловкая, неистощимая на выдумки. А вот Гобо вскоре утомился. Гроза вызвала у него сердцебиение, и сейчас это сердцебиение возобновилось. Гобо вообще был слабенький, но Бемби любил его за добрый нрав и неизменную благожелательность. Гобо, правда, был всегда немного грустен, но старался не показывать этого...

Пришло время, когда Бемби узнал вкус молодых побегов, мягких метелочек, сладкой каши. И теперь, когда он прикинул к матери, чтобы немного освежиться, она нередко гнала его прочь.

– Ты уже не маленький, – говорила она, а иной раз добавляла: – Уйди, оставь меня в покое.

Случалось даже, что мать покидала хижину, несколько не заботясь о том, следует ли за ней Бемби. И во время прогулок она совсем не обращала на него внимания. Однажды мать и вовсе исчезла. Бемби не понимал, как это произошло, как мог он не заметить ее ухода. Но матери не было. Впервые Бемби остался один.

Сперва он только удивился, потом его охватило беспокойство, быстро перешедшее в страх, а затем лишь глубокая, безнадежная тоска. Долго звучал его потерянный, печальный зов, но никто не откликнулся, никто не шел.

Тщетно прядал он ушами, тщетно внюхивался. Никого. И он снова звал, совсем тихо, чуть слышно, с робкой мольбой:

– Мама!.. Мама!..

Охваченный отчаянием, он побрел, сам не ведая куда. Вначале он шел по знакомой тропе, останавливался и звал мать и снова шел неуверенным, колеблющимся шагом, несчастный, покинутый Бемби. Он шел все дальше и дальше по уже незнакомым нехоженным тропам и наконец, оказался в каком-то неведомом, до боли чужом месте. И тут он услышал два детских голоса, взывавших совсем на его лад:

– Мама!.. Мама!..

Бемби прислушался. Кажется, это Гобо и Фалина. Ну, конечно же, это они. Быстро побежал он на голоса и вскоре увидел две красненькие шубки, просвечивающие сквозь листву. Гобо и Фалина! Они стояли под бузиной, тесно прижавшись друг к дружке:

– Мама!.. – кричали они. – Мама!..

Они обрадовались, услышав шорох в кустах, но это был всего-навсего Бемби, и дети не могли скрыть разочарования. Но все же они немножечко обрадовались ему. А Бемби – тот был рад по-настоящему: он уже больше не одинок.

– Моя мама ушла, – сказал Бемби.

– Наша мама тоже ушла! – жалобно отозвался Гобо.

Подавленные, смотрели они друг на друга.

– Куда же они девались? – сказал Бемби, и в голосе его чувствовались слезы.

– Я не знаю, – вздохнул Гобо.

У него опять началось сердцебиение, он совсем расклеился. Неожиданно Фалина сказала:

– Я думаю, ... они у отцов.

Гобо и Бемби посмотрели на нее озадаченно. Это почему-то испугало их.

– Ты полагаешь?.. – спросил Бемби дрожа.

Фалина тоже струхнула, но держалась так, будто ей известно больше, нежели она может сказать. Она и сама не знала, почему ей пришло в голову, что мамы находятся у отцов, но на вопрос Бемби сказала с умной и значительной миной:

– Да, я совершенно уверена.

Предположение Фалины заслуживало того, чтобы над ним поразмыслить, но Бемби не мог ни о чем думать, ему было слишком тоскливо. Он пошел прочь, Фалина и Гобо поплелись за ним. Все трое громко звали:

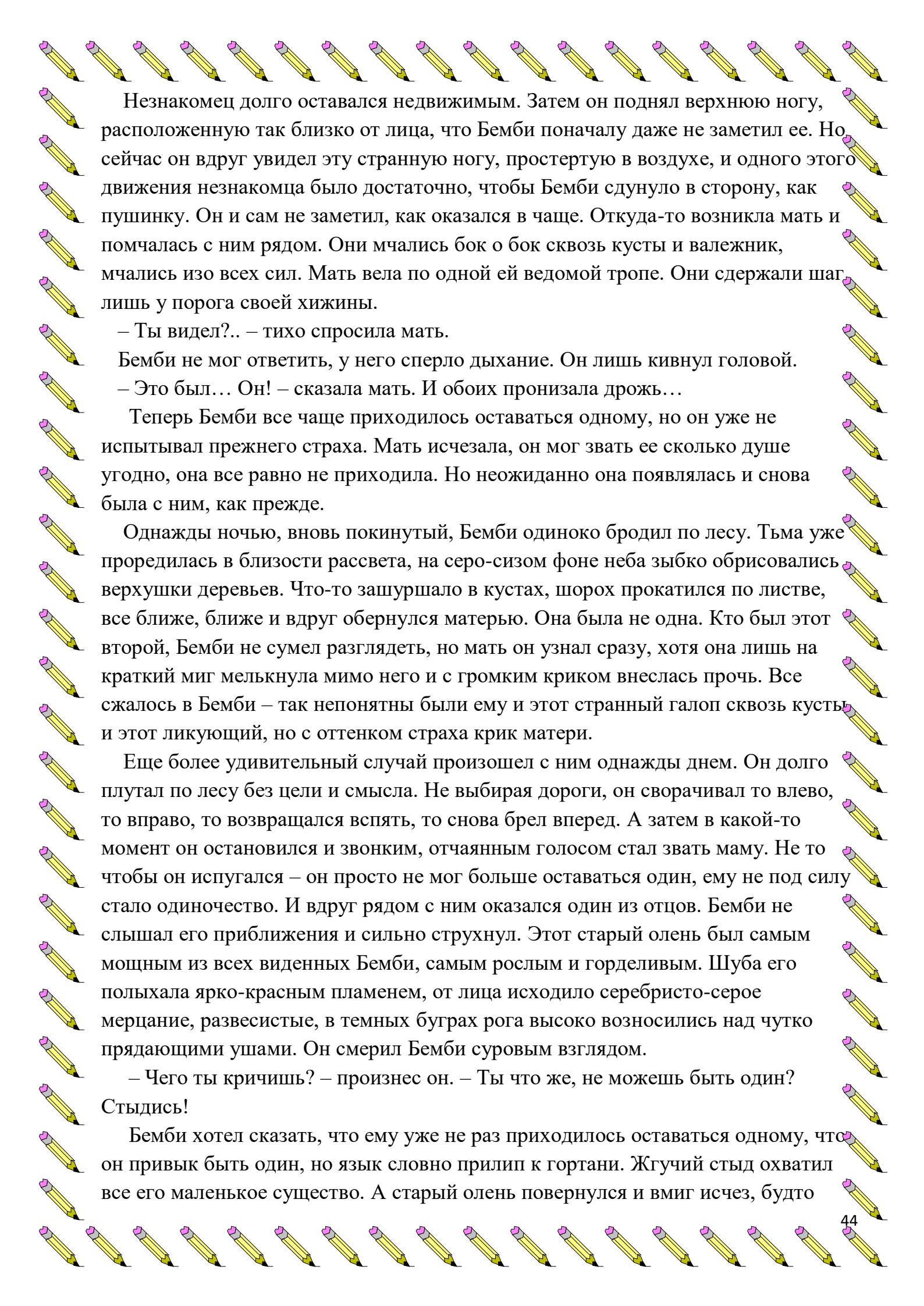
– Мама!.. Мама!..

Но вот Гобо и Фалина остановились. Дальше они не пойдут. Фалина сказала:

– Зачем? Мама знает, где мы, она сразу отыщет нас, как только вернется.

Но Бемби не мог стоять на месте. Он пробрался сквозь чащу, вышел на маленькую лесную прогалину и вдруг замер...

Там, на другом конце прогалины, в зарослях орешника стояло неведомое, небывалое существо. От него тянуло незнакомым, резким запахом, чужим, тяжким, сводящим с ума. Бемби был не в силах отвести глаз от незнакомца. Тот стоял удивительно прямо, на двух ногах, тонкий и узкий, у него было белесое лицо, совсем голое вокруг глаз и носа, отвратительно голое. Несказанным, холодным ужасом веяло от этого лица, но и странной, повелительной силой. Бемби не мог оторвать от него взгляда.

Незнакомец долго оставался недвижимым. Затем он поднял верхнюю ногу, расположенную так близко от лица, что Бемби поначалу даже не заметил ее. Но сейчас он вдруг увидел эту странную ногу, простертую в воздухе, и одного этого движения незнакомца было достаточно, чтобы Бемби сдунуло в сторону, как пушинку. Он и сам не заметил, как оказался в чаще. Откуда-то возникла мать и помчалась с ним рядом. Они мчались бок о бок сквозь кусты и валежник, мчались изо всех сил. Мать вела по одной ей ведомой тропе. Они сдержали шаг лишь у порога своей хижины.

– Ты видел?.. – тихо спросила мать.

Бемби не мог ответить, у него сперло дыхание. Он лишь кивнул головой.

– Это был... Он! – сказала мать. И обоих пронизала дрожь...

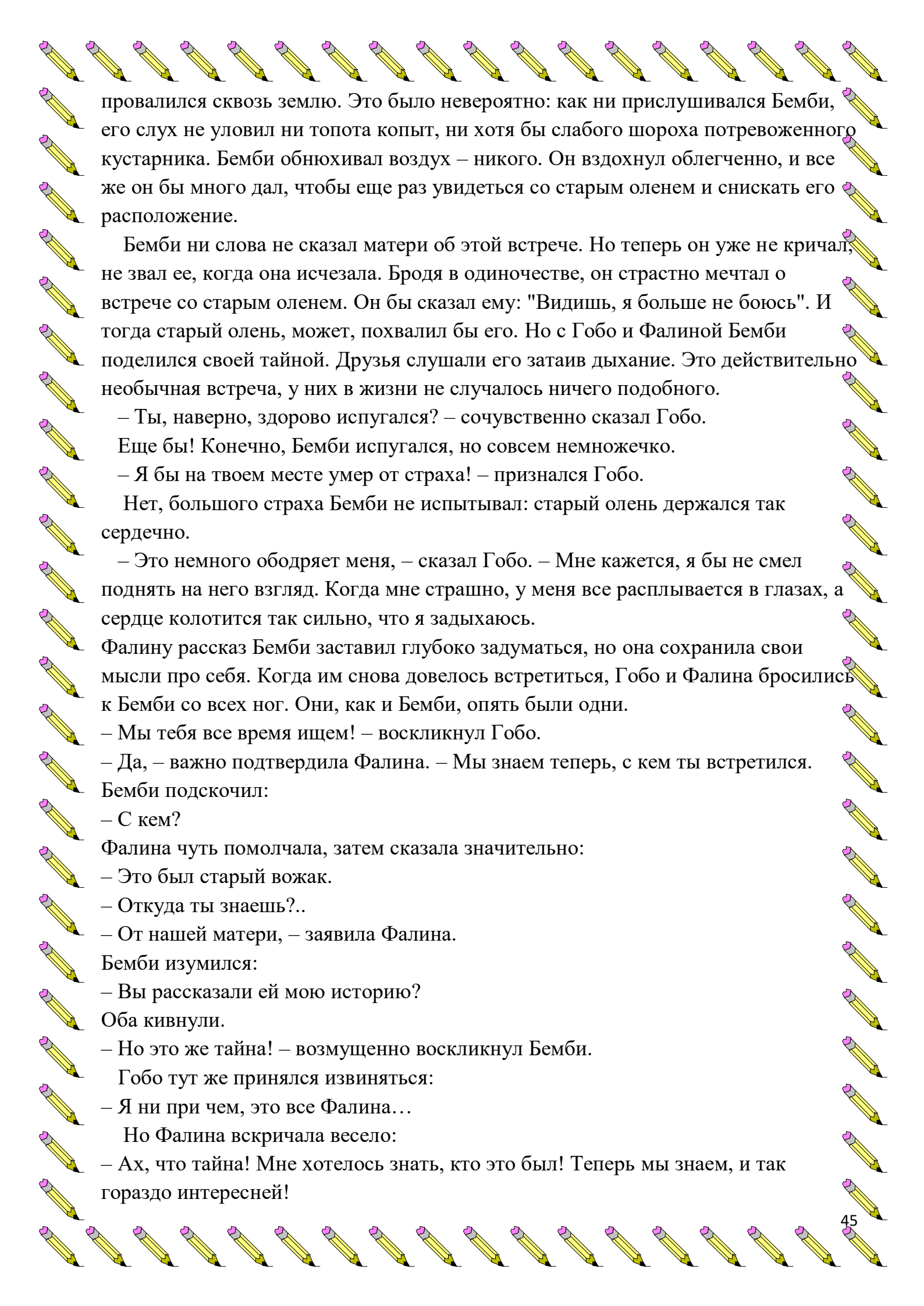
Теперь Бемби все чаще приходилось оставаться одному, но он уже не испытывал прежнего страха. Мать исчезала, он мог звать ее сколько душе угодно, она все равно не приходила. Но неожиданно она появлялась и снова была с ним, как прежде.

Однажды ночью, вновь покинутый, Бемби одиноко бродил по лесу. Тьма уже проредилась в близости рассвета, на серо-сизом фоне неба зыбко обрисовались верхушки деревьев. Что-то зашуршало в кустах, шорох прокатился по листве, все ближе, ближе и вдруг обернулся матерью. Она была не одна. Кто был этот второй, Бемби не сумел разглядеть, но мать он узнал сразу, хотя она лишь на краткий миг мелькнула мимо него и с громким криком внеслась прочь. Все сжалось в Бемби – так непонятны были ему и этот странный галоп сквозь кусты и этот ликующий, но с оттенком страха крик матери.

Еще более удивительный случай произошел с ним однажды днем. Он долго плутал по лесу без цели и смысла. Не выбирая дороги, он сворачивал то влево, то вправо, то возвращался вспять, то снова брел вперед. А затем в какой-то момент он остановился и звонким, отчаянным голосом стал звать маму. Не то чтобы он испугался – он просто не мог больше оставаться один, ему не под силу стало одиночество. И вдруг рядом с ним оказался один из отцов. Бемби не слышал его приближения и сильно струхнул. Этот старый олень был самым мощным из всех виденных Бемби, самым рослым и горделивым. Шуба его полыхала ярко-красным пламенем, от лица исходило серебристо-серое мерцание, развесистые, в темных буграх рога высоко возносились над чутко прыдающими ушами. Он смерил Бемби суровым взглядом.

– Чего ты кричишь? – произнес он. – Ты что же, не можешь быть один? Стыдись!

Бемби хотел сказать, что ему уже не раз приходилось оставаться одному, что он привык быть один, но язык словно прилип к гортани. Жгучий стыд охватил все его маленькое существо. А старый олень повернулся и вмиг исчез, будто

провалился сквозь землю. Это было невероятно: как ни прислушивался Бемби, его слух не уловил ни топота копыт, ни хотя бы слабого шороха потревоженного кустарника. Бемби обнюхивал воздух – никого. Он вздохнул облегченно, и все же он бы много дал, чтобы еще раз увидеться со старым оленем и снискать его расположение.

Бемби ни слова не сказал матери об этой встрече. Но теперь он уже не кричал, не звал ее, когда она исчезала. Бродя в одиночестве, он страстно мечтал о встрече со старым оленем. Он бы сказал ему: "Видишь, я больше не боюсь". И тогда старый олень, может, похвалил бы его. Но с Гобо и Фалиной Бемби поделился своей тайной. Друзья слушали его затаив дыхание. Это действительно необычная встреча, у них в жизни не случилось ничего подобного.

– Ты, наверно, здорово испугался? – сочувственно сказал Гобо.

Еще бы! Конечно, Бемби испугался, но совсем немножечко.

– Я бы на твоём месте умер от страха! – признался Гобо.

Нет, большого страха Бемби не испытывал: старый олень держался так сердечно.

– Это немного ободряет меня, – сказал Гобо. – Мне кажется, я бы не смел поднять на него взгляд. Когда мне страшно, у меня все расплывается в глазах, а сердце колотится так сильно, что я задыхаюсь.

Фалину рассказ Бемби заставил глубоко задуматься, но она сохранила свои мысли про себя. Когда им снова довелось встретиться, Гобо и Фалина бросились к Бемби со всех ног. Они, как и Бемби, опять были одни.

– Мы тебя все время ищем! – воскликнул Гобо.

– Да, – важно подтвердила Фалина. – Мы знаем теперь, с кем ты встретился.

Бемби подскочил:

– С кем?

Фалина чуть помолчала, затем сказала значительно:

– Это был старый вожак.

– Откуда ты знаешь?..

– От нашей матери, – заявила Фалина.

Бемби изумился:

– Вы рассказали ей мою историю?

Оба кивнули.

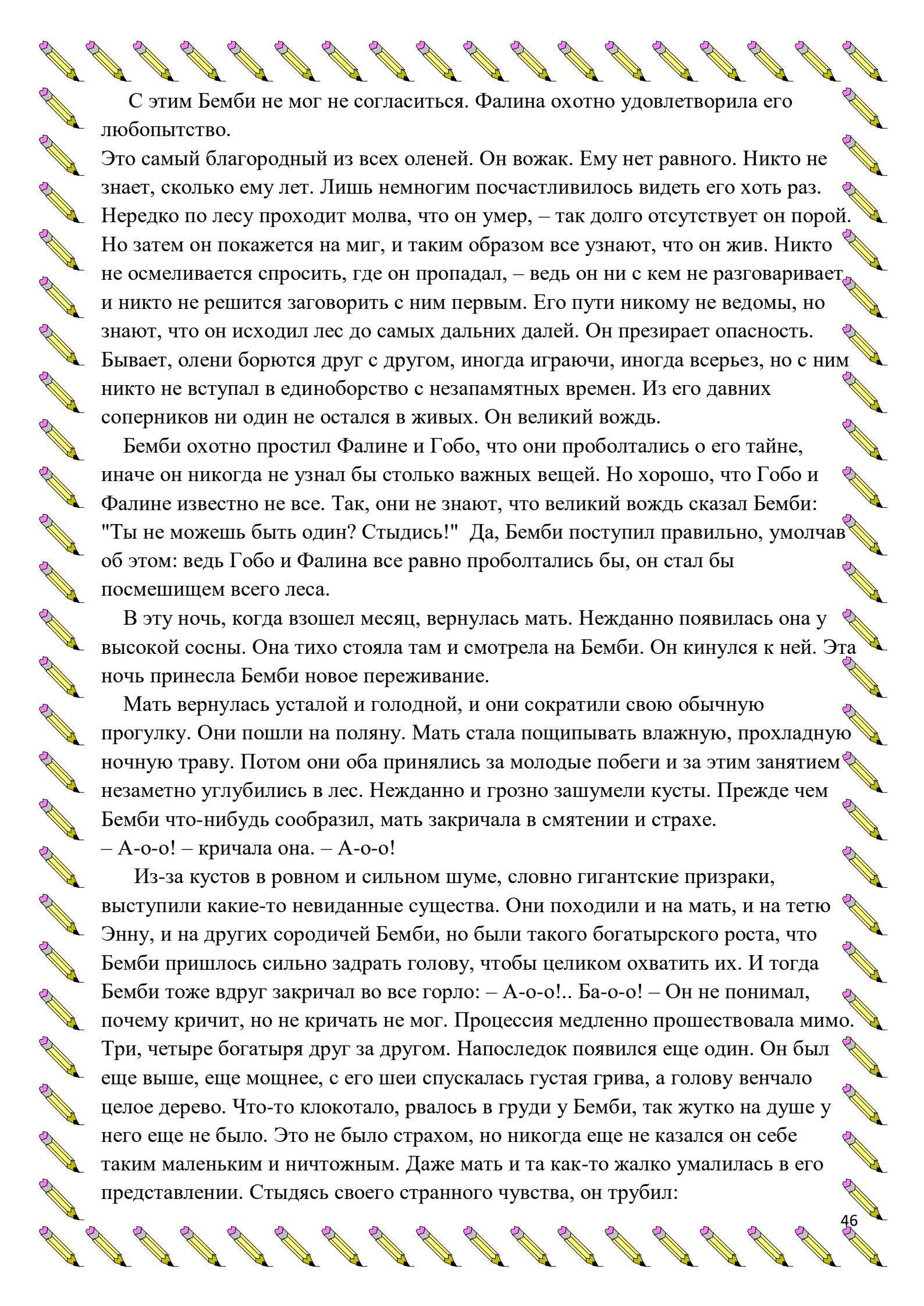
– Но это же тайна! – возмущенно воскликнул Бемби.

Гобо тут же принялся извиняться:

– Я ни при чем, это все Фалина...

Но Фалина вскричала весело:

– Ах, что тайна! Мне хотелось знать, кто это был! Теперь мы знаем, и так гораздо интересней!

С этим Бемби не мог не согласиться. Фалина охотно удовлетворила его любопытство.

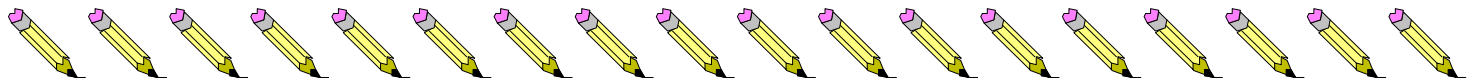
Это самый благородный из всех оленей. Он вожак. Ему нет равного. Никто не знает, сколько ему лет. Лишь немногим посчастливилось видеть его хоть раз. Нередко по лесу проходит молва, что он умер, – так долго отсутствует он порой. Но затем он покажется на миг, и таким образом все узнают, что он жив. Никто не осмеливается спросить, где он пропадал, – ведь он ни с кем не разговаривает и никто не решится заговорить с ним первым. Его пути никому не ведомы, но знают, что он исходил лес до самых дальних далей. Он презирает опасность. Бывает, олени борются друг с другом, иногда играючи, иногда всерьез, но с ним никто не вступал в единоборство с незапамятных времен. Из его давних соперников ни один не остался в живых. Он великий вождь.

Бемби охотно простил Фалине и Гобо, что они проболтались о его тайне, иначе он никогда не узнал бы столько важных вещей. Но хорошо, что Гобо и Фалине известно не все. Так, они не знают, что великий вождь сказал Бемби: "Ты не можешь быть один? Стыдись!" Да, Бемби поступил правильно, умолчав об этом: ведь Гобо и Фалина все равно проболтались бы, он стал бы посмешищем всего леса.

В эту ночь, когда взошел месяц, вернулась мать. Нежданно появилась она у высокой сосны. Она тихо стояла там и смотрела на Бемби. Он кинулся к ней. Эта ночь принесла Бемби новое переживание.

Мать вернулась усталой и голодной, и они сократили свою обычную прогулку. Они пошли на поляну. Мать стала пощипывать влажную, прохладную ночную траву. Потом они оба принялись за молодые побеги и за этим занятием незаметно углубились в лес. Нежданно и грозно зашумели кусты. Прежде чем Бемби что-нибудь сообразил, мать закричала в смятении и страхе. – А-о-о! – кричала она. – А-о-о!

Из-за кустов в ровном и сильном шуме, словно гигантские призраки, выступили какие-то невиданные существа. Они походили и на мать, и на тетю Энну, и на других сородичей Бемби, но были такого богатырского роста, что Бемби пришлось сильно задрать голову, чтобы целиком охватить их. И тогда Бемби тоже вдруг закричал во все горло: – А-о-о!.. Ба-о-о! – Он не понимал, почему кричит, но не кричать не мог. Процессия медленно прошествовала мимо. Три, четыре богатыря друг за другом. Напоследок появился еще один. Он был еще выше, еще мощнее, с его шеи спускалась густая грива, а голову венчало целое дерево. Что-то клокотало, рвалось в груди у Бемби, так жутко на душе у него еще не было. Это не было страхом, но никогда еще не казался он себе таким маленьким и ничтожным. Даже мать и та как-то жалко умалилась в его представлении. Стыдясь своего странного чувства, он трубил:

– Ба-а-о-о! Ба-о-о!

Крик приносил некоторое облегчение. Процессия скрылась из виду. Стало тихо. Лишь Бемби время от времени издавал короткий трубный звук.

– Да успокойся же, – сказала мать, – они ушли.

– О, мама! – пролепетал Бемби. – Кто они такие?

– Ах, это совсем не так опасно, – сказала мать. – Это наши рослые северные родичи... Да, они велики и благородны, еще благороднее нас.

– И они не опасны? – спросил Бемби.

– По-моему, нет, – ответила мать. – Об этом говорят разное, но стоит ли придавать значение слухам? Мне и моим знакомым они не сделали ничего худого.

– А почему они должны делать нам худое? – размышлял вслух Бемби. – Ведь они наши родственники.

– Да ничего они нам не сделают, – сказала мать. И после короткого молчания добавила: – Я сама не знаю, почему их появление так пугает. Я теряю над собой всякую власть. И так всегда... Разговор заставил Бемби задуматься. Как раз в эту минуту в ветвях ольхи появился сыч и, по свойственной ему привычке, оповестил о себе душераздирающим воплем. Но Бемби был так погружен в свои мысли, что, вопреки обыкновению, забыл испугаться. Сыч слетел на нижнюю ветку и осведомился:

– Я вас, наверно, испугал?

– Конечно, – ответил Бемби. – Вы меня всегда пугаете.

Сыч тихонько засмеялся.

– Надеюсь, вы на меня не в обиде? – сказал он. – Такая уж у меня повадка!

Он раздулся, став похожим на шарик, погрузил клюв в пушистые грудные перышки и сделал удивительно милое и серьезное лицо.

– Знаете, – доверительно сказал Бемби, – совсем недавно я испугался куда сильнее.

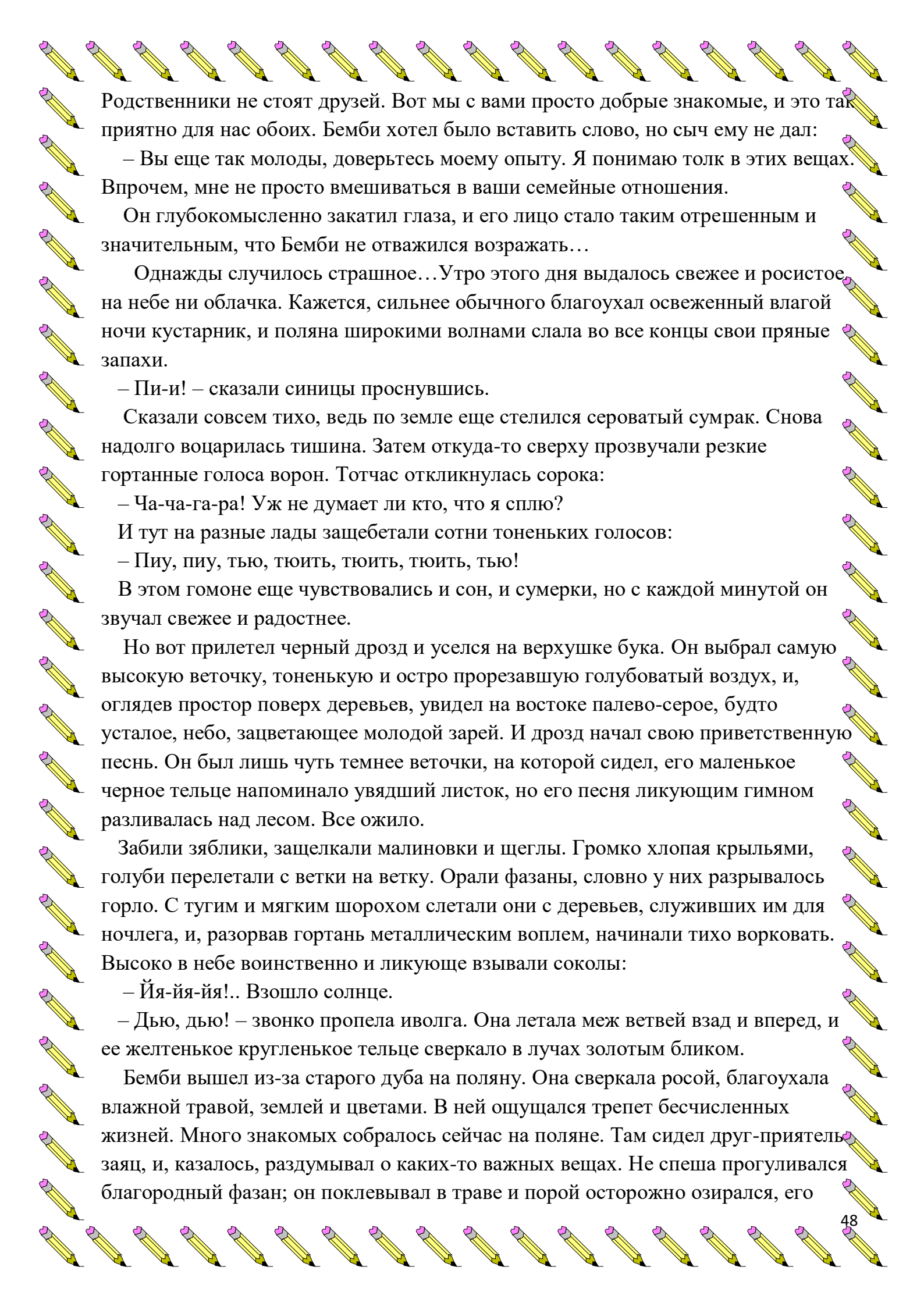
– Что-о? – произнес сыч недовольно.

Бемби рассказал ему о своей встрече с могучими родичами.

– Ох, уж эти родственники! – проворчал сыч. – У меня тоже полно родственников. Стоит мне только показаться днем, как от них отбою нет. А если ли на свете что-либо столь же ненужное, как родственники? Ведь если они знатнее вас, вам нечего с ними делать, а если нет, то и подавно. Первых мы терпеть не можем за гордость, вторых – за ничтожество. Словом, от родственников лучше держаться подальше.

– Но... я совсем не знаю своих родичей, – робко сказал Бемби.

– Не заботьтесь об этой публике, – прохрипел сыч. – Поверьте мне, – для вашей убедительности сыч закатил глаза, – поверьте доброму совету.

Родственники не стоят друзей. Вот мы с вами просто хорошие знакомые, и это так приятно для нас обоих. Бемби хотел было вставить слово, но сыч ему не дал:

– Вы еще так молоды, доверьтесь моему опыту. Я понимаю толк в этих вещах.

Впрочем, мне не просто вмешиваться в ваши семейные отношения.

Он глубокомысленно закатил глаза, и его лицо стало таким отрешенным и значительным, что Бемби не отважился возражать...

Однажды случилось страшное... Утро этого дня выдалось свежее и росистое, на небе ни облачка. Кажется, сильнее обычного благоухал освеженный влагой ночи кустарник, и поляна широкими волнами слала во все концы свои пряные запахи.

– Пи-и! – сказали синицы проснувшись.

Сказали совсем тихо, ведь по земле еще стелился сероватый сумрак. Снова надолго воцарилась тишина. Затем откуда-то сверху прозвучали резкие гортанные голоса ворон. Тотчас откликнулась сорока:

– Ча-ча-га-ра! Уж не думает ли кто, что я сплю?

И тут на разные лады защелкали сотни тоненьких голосов:

– Пиу, пиу, тью, тюить, тюить, тюить, тью!

В этом гомоне еще чувствовались и сон, и сумерки, но с каждой минутой он звучал свежее и радостнее.

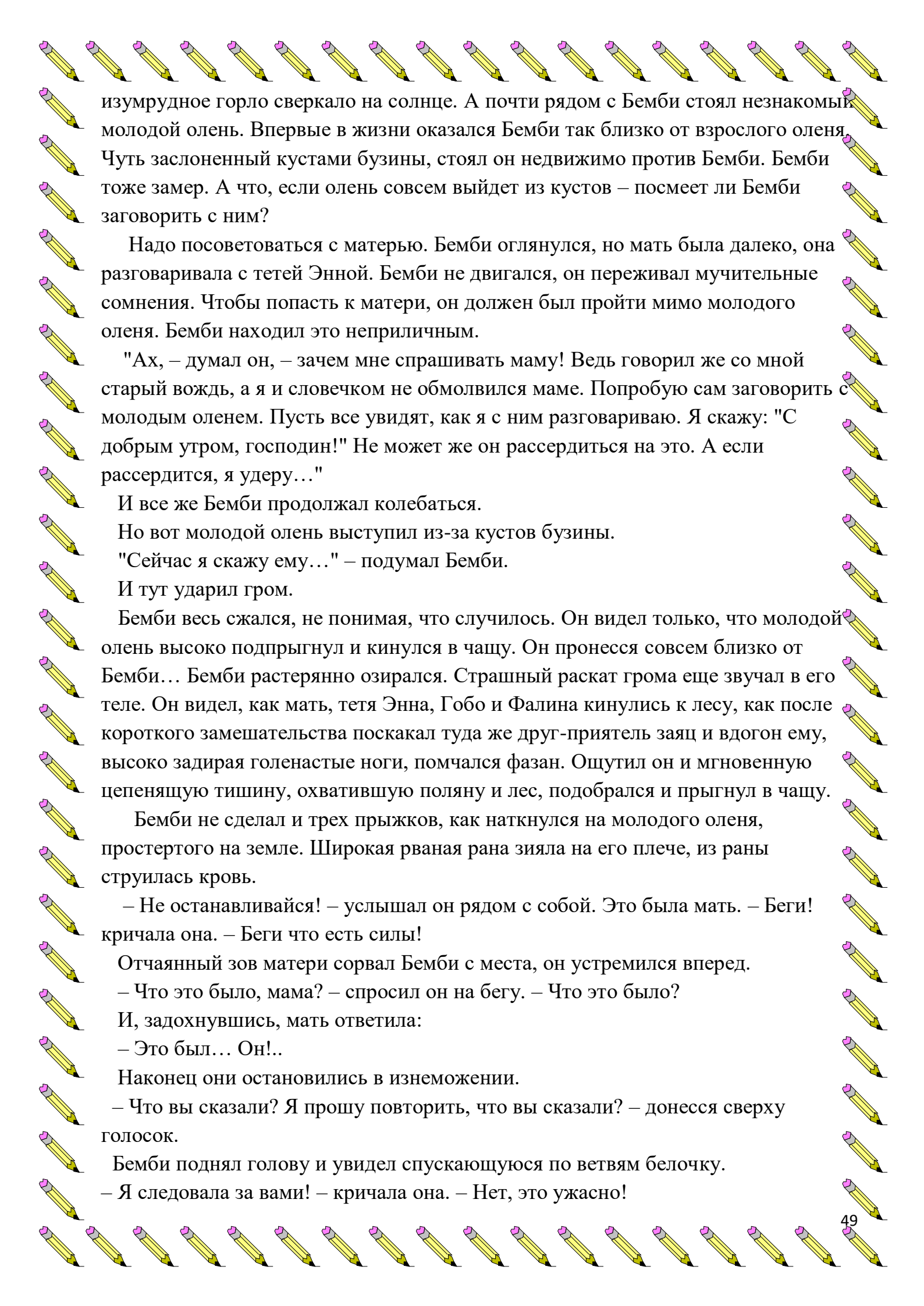
Но вот прилетел черный дрозд и уселся на верхушке бука. Он выбрал самую высокую веточку, тоненькую и остро прорезавшую голубоватый воздух, и, оглядев простор поверх деревьев, увидел на востоке палево-серое, будто усталое, небо, зацветающее молодой зарей. И дрозд начал свою приветственную песню. Он был лишь чуть темнее веточки, на которой сидел, его маленькое черное тельце напоминало увядший листок, но его песня ликующим гимном разливалась над лесом. Все оживило.

Забили зяблики, защелкали малиновки и щеглы. Громко хлопая крыльями, голуби перелетали с ветки на ветку. Орала фазаны, словно у них разрывалось горло. С тугим и мягким шорохом слетали они с деревьев, служивших им для ночлега, и, разорвав гортань металлическим воплем, начинали тихо ворковать. Высоко в небе воинственно и ликующе взывали соколы:

– Йя-йя-йя!.. Взошло солнце.

– Дью, дью! – звонко пропела иволга. Она летала меж ветвей взад и вперед, и ее желтенькое кругленькое тельце сверкало в лучах золотым бликом.

Бемби вышел из-за старого дуба на поляну. Она сверкала росой, благоухала влажной травой, землей и цветами. В ней ощущался трепет бесчисленных жизней. Много знакомых собралось сейчас на поляне. Там сидел друг-приятель заяц, и, казалось, раздумывал о каких-то важных вещах. Не спеша прогуливался благородный фазан; он поклевывал в траве и порой осторожно озирался, его

изумрудное горло сверкало на солнце. А почти рядом с Бемби стоял незнакомый молодой олень. Впервые в жизни оказался Бемби так близко от взрослого оленя. Чуть заслоненный кустами бузины, стоял он недвижимо против Бемби. Бемби тоже замер. А что, если олень совсем выйдет из кустов – посмеет ли Бемби заговорить с ним?

Надо посоветоваться с матерью. Бемби оглянулся, но мать была далеко, она разговаривала с тетей Энной. Бемби не двигался, он переживал мучительные сомнения. Чтобы попасть к матери, он должен был пройти мимо молодого оленя. Бемби находил это неприличным.

"Ах, – думал он, – зачем мне спрашивать маму! Ведь говорил же со мной старый вождь, а я и словечком не обмолвился маме. Попробую сам заговорить с молодым оленем. Пусть все увидят, как я с ним разговариваю. Я скажу: "С добрым утром, господин!" Не может же он рассердиться на это. А если рассердится, я удеру..."

И все же Бемби продолжал колебаться.

Но вот молодой олень выступил из-за кустов бузины.

"Сейчас я скажу ему..." – подумал Бемби.

И тут ударил гром.

Бемби весь сжался, не понимая, что случилось. Он видел только, что молодой олень высоко подпрыгнул и кинулся в чащу. Он пронесся совсем близко от Бемби... Бемби растерянно озирался. Страшный раскат грома еще звучал в его теле. Он видел, как мать, тетя Энна, Гобо и Фалина кинулись к лесу, как после короткого замешательства поскакал туда же друг-друг-приятель заяц и вдогон ему, высоко задирая голенастые ноги, помчался фазан. Ощутил он и мгновенную цепенящую тишину, охватившую поляну и лес, подобрался и прыгнул в чащу.

Бемби не сделал и трех прыжков, как наткнулся на молодого оленя, простертого на земле. Широкая рваная рана зияла на его плече, из раны струилась кровь.

– Не останавливайся! – услышал он рядом с собой. Это была мать. – Беги! кричала она. – Беги что есть силы!

Отчаянный зов матери сорвал Бемби с места, он устремился вперед.

– Что это было, мама? – спросил он на бегу. – Что это было?

И, задохнувшись, мать ответила:

– Это был... Он!..

Наконец они остановились в изнеможении.

– Что вы сказали? Я прошу повторить, что вы сказали? – донесся сверху голосок.

Бемби поднял голову и увидел спускающуюся по ветвям белочку.

– Я следовала за вами! – кричала она. – Нет, это ужасно!

– Вы были при этом? – спросила мать.

– Само собой, разумеется! – ответила белочка. – Я до сих пор вся дрожу!

Она уселась столбиком, опершись на свой пушистый хвост и выставив узенькую белую грудку; передние лапки она прижала к груди, словно клятвенно подтверждая истинность своих слов:

– Я вне себя, я потрясена до глубины души!

– Это непостижимо! – сказала мать. – Никто из нас не видел Его.

– Ну? – горячо вскричала белочка. – Вы ошибаетесь, я заметила Его давным-давно!

– Я тоже! – прокричал другой голос.

Это была сорока, она подлетела и опустилась на ветку.

– Я тоже! – раздалось где-то еще выше: там, на сучке сидела сойка.

А с верхушек деревьев мрачно прокаркали две вороны:

– Мы тоже видели Его!

Так говорили лесные обитатели, напуганные и обозленные.

– Я приложила огромные усилия, – говорила белочка, клятвенно прижимая к груди лапки, – да, огромные усилия, чтобы предупредить бедного юношу.

– И я, – присоединилась сойка, – я кричала ему, но он не хотел меня слушать.

– Меня он тоже не послушал, – затараторила сорока. – А я ли не кричала, я ли не старалась! Я уже хотела подлететь к нему, но тут-то как раз все и случилось.

– Мой голос громче, чем у вас всех, вместе взятых, и я кричала во всю мочь, – горько сказала ворона, – но их высочество обращают слишком мало внимания на таких, как мы.

– Действительно, слишком мало, – подтвердила белочка.

– Мы сделали что могли, – забисерила сорока, – и если случилось несчастье, то нас ни в чем нельзя обвинить.

– Такой красивый юноша! – сокрушенно сказала белочка. – В самом расцвете лет!..

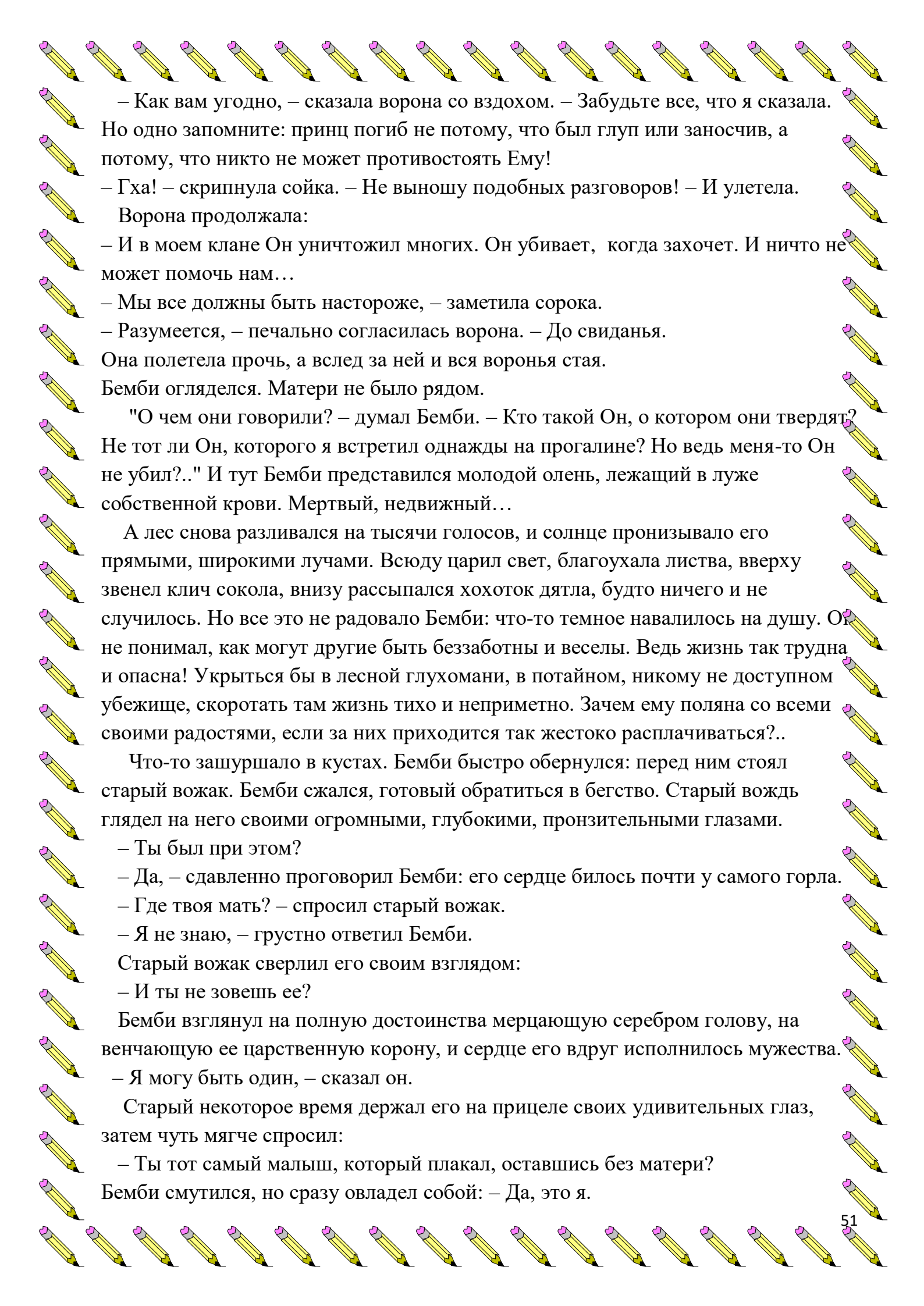
– Гха! – проскрипела сойка. – Был бы он не таким заносчивым и побольше слушал бы нас...

– Да он вовсе не заносчивый, – возразила белочка. – Не более чем другие принцы из его рода.

– И столь же глуп! – засмеялась сойка.

– Ты сама глупа! – закричала ворона сверху. – Всему лесу известна твоя глупость!

– Я? – ошеломленно повторила сойка. – Я глупа? Первый раз слышу! Быть может, немного забывчива, но глупа – это невероятно!

– Как вам угодно, – сказала ворона со вздохом. – Забудьте все, что я сказала. Но одно запомните: принц погиб не потому, что был глуп или заносчив, а потому, что никто не может противостоять Ему!

– Гха! – скрипнула сойка. – Не выношу подобных разговоров! – И улетела. Ворона продолжала:

– И в моем клане Он уничтожил многих. Он убивает, когда захочет. И ничто не может помочь нам...

– Мы все должны быть настороже, – заметила сорока.

– Разумеется, – печально согласилась ворона. – До свиданья.

Она полетела прочь, а вслед за ней и вся воронья стая.

Бемби огляделся. Матери не было рядом.

"О чем они говорили? – думал Бемби. – Кто такой Он, о котором они твердят? Не тот ли Он, которого я встретил однажды на прогалине? Но ведь меня-то Он не убил?.." И тут Бемби представился молодой олень, лежащий в луже собственной крови. Мертвый, недвижимый...

А лес снова разливался на тысячи голосов, и солнце пронизывало его прямыми, широкими лучами. Всюду царил свет, благоухала листва, вверху звенел клич сокола, внизу рассыпался хохоток дятла, будто ничего и не случилось. Но все это не радовало Бемби: что-то темное навалилось на душу. Он не понимал, как могут другие быть беззаботны и веселы. Ведь жизнь так трудна и опасна! Укрыться бы в лесной глухомани, в потайном, никому не доступном убежище, скоротать там жизнь тихо и неприметно. Зачем ему поляна со всеми своими радостями, если за них приходится так жестоко расплачиваться?..

Что-то зашуршало в кустах. Бемби быстро обернулся: перед ним стоял старый вожак. Бемби сжался, готовый обратиться в бегство. Старый вождь глядел на него своими огромными, глубокими, пронзительными глазами.

– Ты был при этом?

– Да, – сдавленно проговорил Бемби: его сердце билось почти у самого горла.

– Где твоя мать? – спросил старый вожак.

– Я не знаю, – грустно ответил Бемби.

Старый вожак сверлил его своим взглядом:

– И ты не зовешь ее?

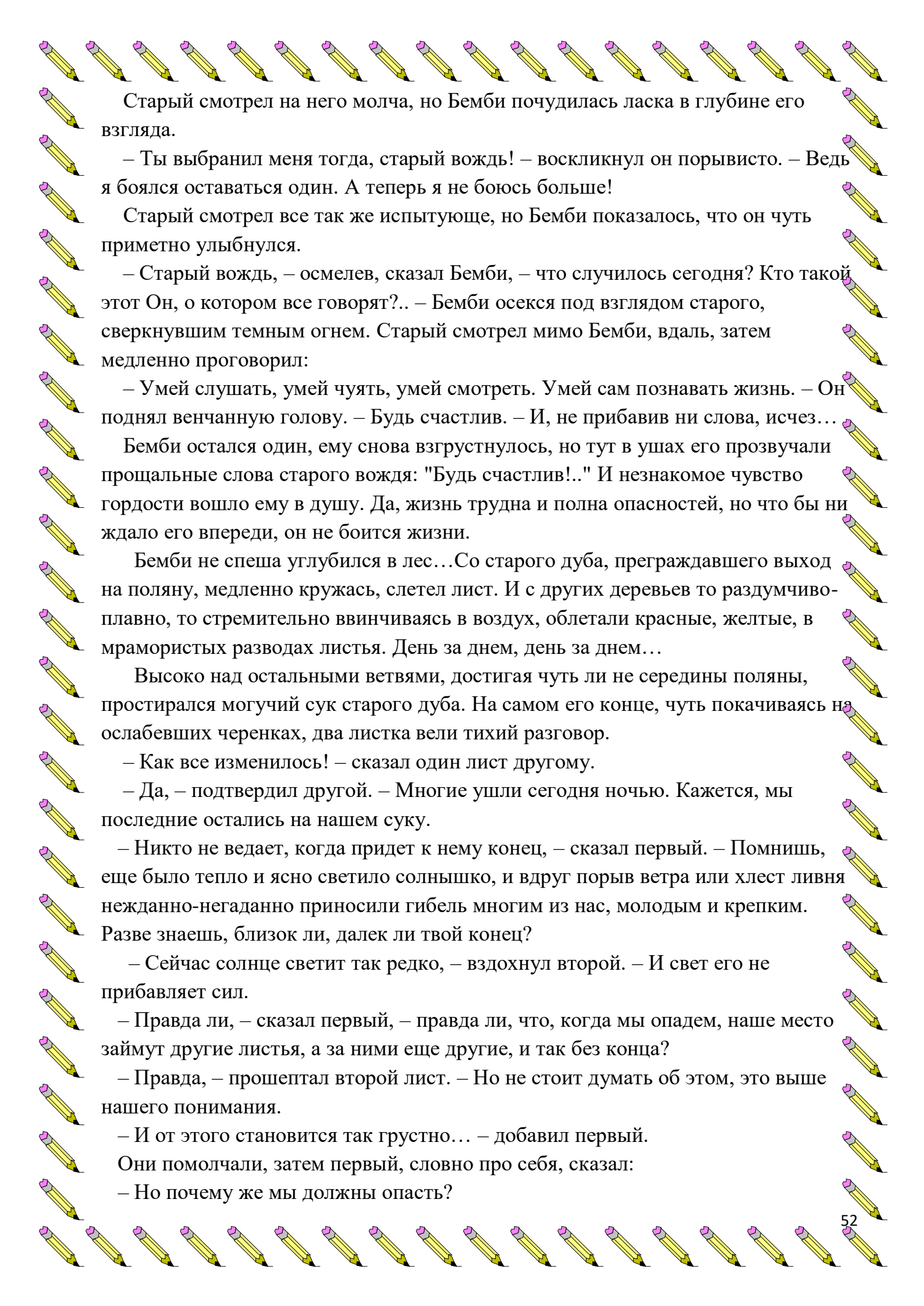
Бемби взглянул на полную достоинства мерцающую серебром голову, на венчающую ее царственную корону, и сердце его вдруг исполнилось мужества.

– Я могу быть один, – сказал он.

Старый некоторое время держал его на прицеле своих удивительных глаз, затем чуть мягче спросил:

– Ты тот самый малыш, который плакал, оставшись без матери?

Бемби смутился, но сразу овладел собой: – Да, это я.

Старый смотрел на него молча, но Бемби почудилась ласка в глубине его взгляда.

– Ты выбрал меня тогда, старый вождь! – воскликнул он порывисто. – Ведь я боялся оставаться один. А теперь я не боюсь больше!

Старый смотрел все так же испытующе, но Бемби показалось, что он чуть приметно улыбнулся.

– Старый вождь, – осмелев, сказал Бемби, – что случилось сегодня? Кто такой этот Он, о котором все говорят?.. – Бемби осекся под взглядом старого, сверкнувшим темным огнем. Старый смотрел мимо Бемби, вдаль, затем медленно проговорил:

– Умей слушать, умей чутя, умей смотреть. Умей сам познавать жизнь. – Он поднял венчанную голову. – Будь счастлив. – И, не прибавив ни слова, исчез...

Бемби остался один, ему снова взгрустнулось, но тут в ушах его прозвучали прощальные слова старого вождя: "Будь счастлив!.." И незнакомое чувство гордости вошло ему в душу. Да, жизнь трудна и полна опасностей, но что бы ни ждало его впереди, он не боится жизни.

Бемби не спеша углубился в лес... Со старого дуба, преграждавшего выход на поляну, медленно кружась, слетел лист. И с других деревьев то раздумчиво-плавно, то стремительно ввинчиваясь в воздух, облетали красные, желтые, в мрамористых разводах листья. День за днем, день за днем...

Высоко над остальными ветвями, достигая чуть ли не середины поляны, простирался могучий сук старого дуба. На самом его конце, чуть покачиваясь на ослабевших черенках, два листка вели тихий разговор.

– Как все изменилось! – сказал один лист другому.

– Да, – подтвердил другой. – Многие ушли сегодня ночью. Кажется, мы последние остались на нашем суку.

– Никто не ведает, когда придет к нему конец, – сказал первый. – Помнишь, еще было тепло и ясно светило солнышко, и вдруг порыв ветра или хлест ливня нежданно-негаданно приносили гибель многим из нас, молодым и крепким. Разве знаешь, близок ли, далек ли твой конец?

– Сейчас солнце светит так редко, – вздохнул второй. – И свет его не прибавляет сил.

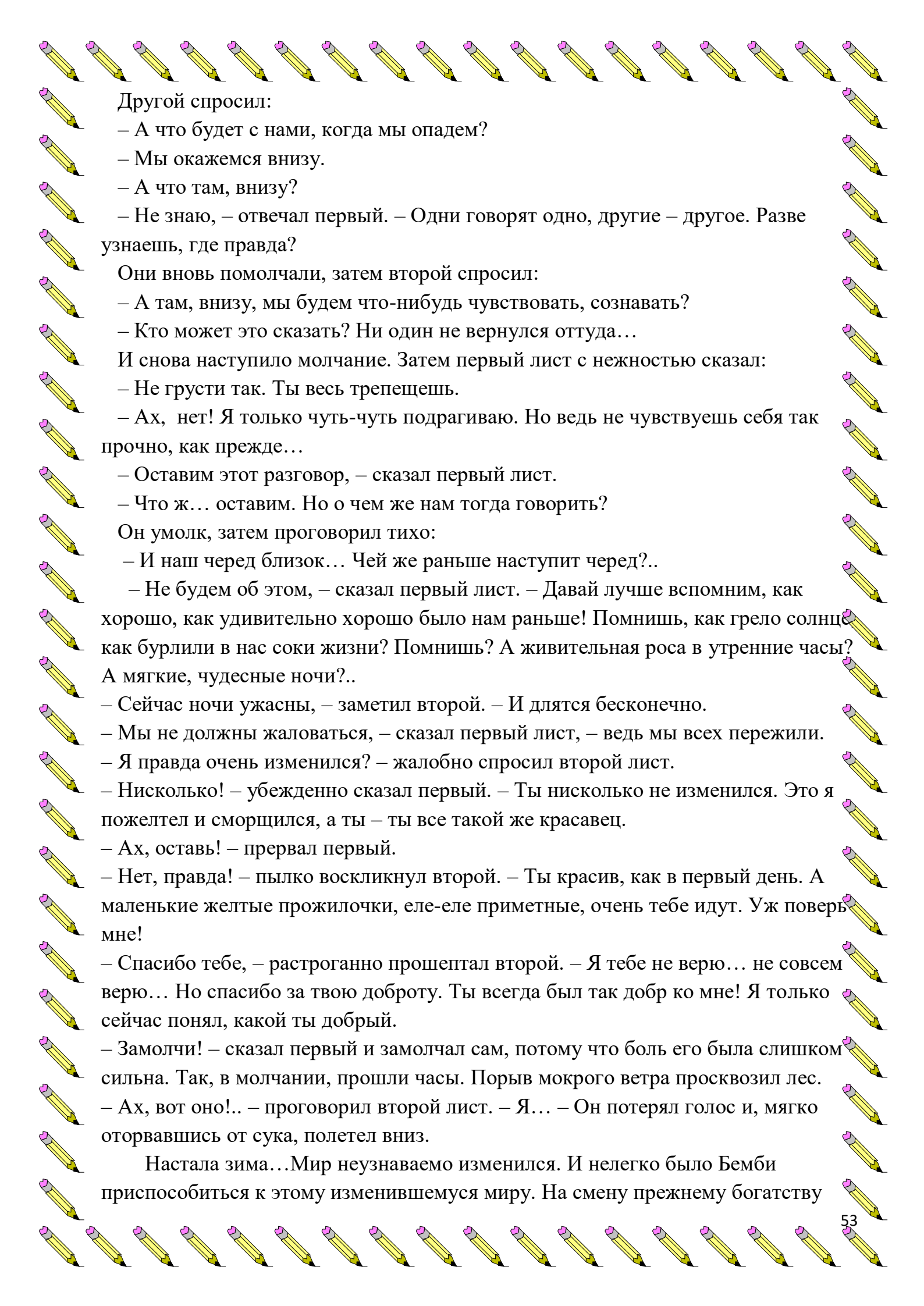
– Правда ли, – сказал первый, – правда ли, что, когда мы опадем, наше место займут другие листья, а за ними еще другие, и так без конца?

– Правда, – прошептал второй лист. – Но не стоит думать об этом, это выше нашего понимания.

– И от этого становится так грустно... – добавил первый.

Они помолчали, затем первый, словно про себя, сказал:

– Но почему же мы должны опадеть?

Другой спросил:

– А что будет с нами, когда мы опадем?

– Мы окажемся внизу.

– А что там, внизу?

– Не знаю, – отвечал первый. – Одни говорят одно, другие – другое. Разве узнаешь, где правда?

Они вновь помолчали, затем второй спросил:

– А там, внизу, мы будем что-нибудь чувствовать, сознавать?

– Кто может это сказать? Ни один не вернулся оттуда...

И снова наступило молчание. Затем первый лист с нежностью сказал:

– Не грусти так. Ты весь трепещешь.

– Ах, нет! Я только чуть-чуть подрагиваю. Но ведь не чувствуешь себя так прочно, как прежде...

– Оставим этот разговор, – сказал первый лист.

– Что ж... оставим. Но о чем же нам тогда говорить?

Он умолк, затем проговорил тихо:

– И наш черед близок... Чей же раньше наступит черед?..

– Не будем об этом, – сказал первый лист. – Давай лучше вспомним, как хорошо, как удивительно хорошо было нам раньше! Помнишь, как грело солнце как бурлили в нас соки жизни? Помнишь? А живительная роса в утренние часы? А мягкие, чудесные ночи?..

– Сейчас ночи ужасны, – заметил второй. – И длятся бесконечно.

– Мы не должны жаловаться, – сказал первый лист, – ведь мы всех пережили.

– Я правда очень изменился? – жалобно спросил второй лист.

– Нисколько! – убежденно сказал первый. – Ты нисколько не изменился. Это я пожелтел и сморщился, а ты – ты все такой же красавец.

– Ах, оставь! – прервал первый.

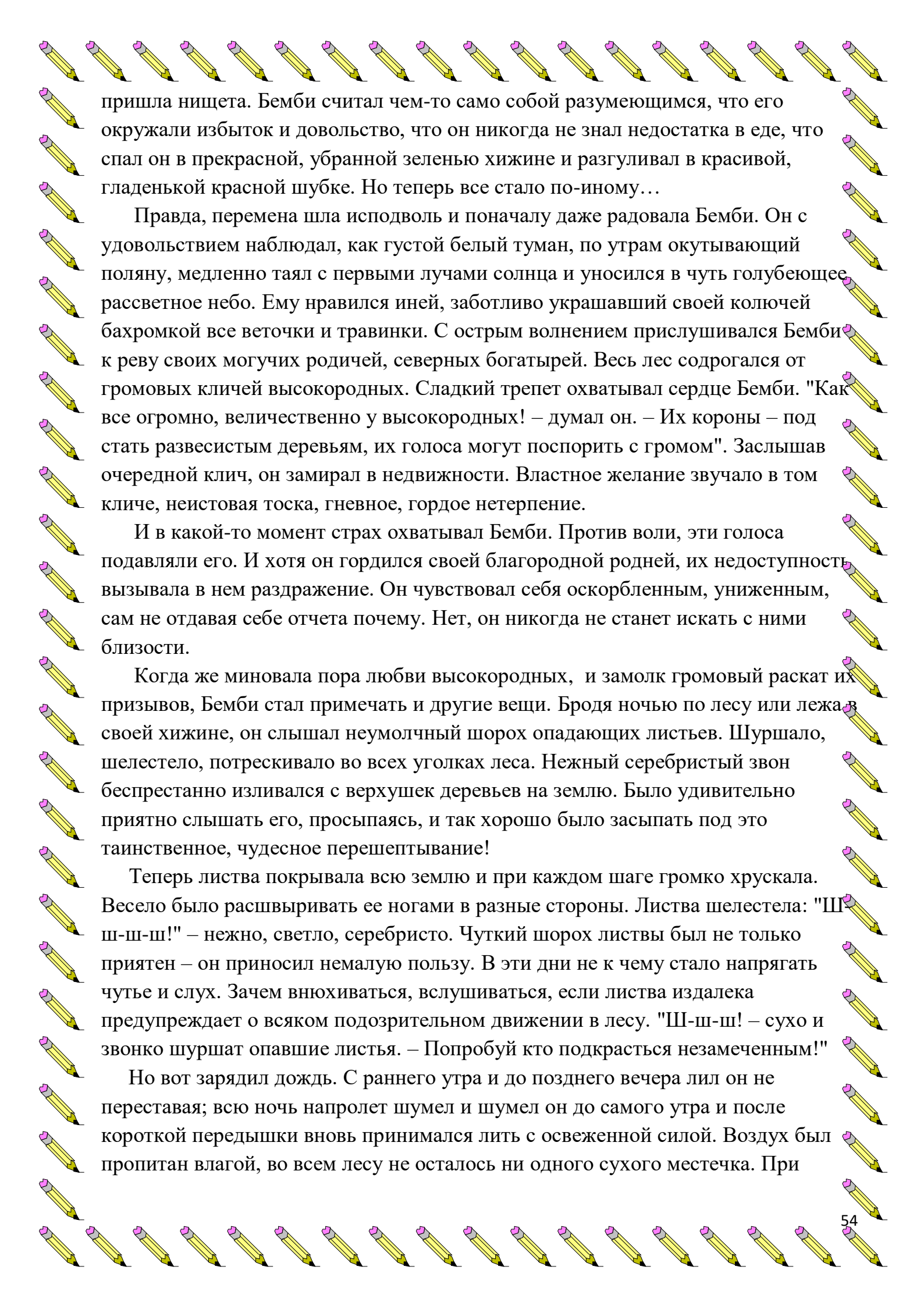
– Нет, правда! – пылко воскликнул второй. – Ты красив, как в первый день. А маленькие желтые прожилочки, еле-еле приметные, очень тебе идут. Уж поверь мне!

– Спасибо тебе, – растроганно прошептал второй. – Я тебе не верю... не совсем верю... Но спасибо за твою доброту. Ты всегда был так добр ко мне! Я только сейчас понял, какой ты добрый.

– Замолчи! – сказал первый и замолчал сам, потому что боль его была слишком сильна. Так, в молчании, прошли часы. Порыв мокрого ветра просквозил лес.

– Ах, вот оно!.. – проговорил второй лист. – Я... – Он потерял голос и, мягко оторвавшись от сука, полетел вниз.

Настала зима... Мир неузнаваемо изменился. И нелегко было Бемби приспособиться к этому изменившемуся миру. На смену прежнему богатству

пришла нищета. Бемби считал чем-то само собой разумеющимся, что его окружали избыток и довольство, что он никогда не знал недостатка в еде, что спал он в прекрасной, убранной зеленою хижине и разгуливал в красивой, гладенькой красной шубке. Но теперь все стало по-иному...

Правда, перемена шла исподволь и поначалу даже радовала Бемби. Он с удовольствием наблюдал, как густой белый туман, по утрам окутывающий поляну, медленно таял с первыми лучами солнца и уносился в чуть голубеющее рассветное небо. Ему нравился иней, заботливо украшавший своей колючей бахромкой все веточки и травинки. С острым волнением прислушивался Бемби к реву своих могучих родичей, северных богатырей. Весь лес содрогался от громовых кличей высокородных. Сладкий трепет охватывал сердце Бемби. "Как все огромно, величественно у высокородных! – думал он. – Их короны – под стать развесистым деревьям, их голоса могут поспорить с громом". Заслышав очередной клич, он замирал в неподвижности. Властное желание звучало в том кличе, неистовая тоска, гневное, гордое нетерпение.

И в какой-то момент страх охватывал Бемби. Против воли, эти голоса подавляли его. И хотя он гордился своей благородной родней, их недоступность вызвала в нем раздражение. Он чувствовал себя оскорбленным, униженным, сам не отдавая себе отчета почему. Нет, он никогда не станет искать с ними близости.

Когда же миновала пора любви высокородных, и замолк громовый раскат их призывов, Бемби стал примечать и другие вещи. Бродя ночью по лесу или лежа в своей хижине, он слышал неумолчный шорох опадающих листьев. Шуршало, шелестело, потрескивало во всех уголках леса. Нежный серебристый звон беспрестанно изливался с верхушек деревьев на землю. Было удивительно приятно слышать его, просыпаясь, и так хорошо было засыпать под это таинственное, чудесное перешептывание!

Теперь листва покрывала всю землю и при каждом шаге громко хрустала. Весело было расшвыривать ее ногами в разные стороны. Листва шелестела: "Ш-ш-ш-ш!" – нежно, светло, серебристо. Чуткий шорох листвы был не только приятен – он приносил немалую пользу. В эти дни не к чему стало напрягать чутье и слух. Зачем внюхиваться, вслушиваться, если листва издали предупреждает о всяком подозрительном движении в лесу. "Ш-ш-ш! – сухо и звонко шуршат опавшие листья. – Попробуй кто подкрасться незамеченным!"

Но вот зарядил дождь. С раннего утра и до позднего вечера лил он не переставая; всю ночь напролет шумел и шумел он до самого утра и после короткой передышки вновь принимался лить с освеженной силой. Воздух был пропитан влагой, во всем лесу не осталось ни одного сухого местечка. При

каждой попытке ущипнуть травку рот мгновенно наполнялся водой, и стоило лишь слегка потереть кустик, чтоб потоки воды залили глаза и нос.

Теперь Бемби изведаль, как мучительно день и ночь находиться во власти студёных потоков воды. Он, правда, ещё не мерз по-настоящему, но он тосковал по теплу и жалко трясся в своей насквозь промокшей шубке.

Листва уж больше не шуршала. Она лежала на земле, мягкая и тяжёлая, спрессованная дождем и потерявшая свою чуткость. А затем задул северный ветер, и Бемби узнал, что такое мороз. Как ни прижимайся к матери, ничто не защитит тебя от стужи. Прежде так приятно было лежать в тесноте хижины, чувствуя живое материнское тепло с одного бока, но сейчас это тепло не сообщалось телу, пронизанному ледяной ознобью.

Ветер дул днём и ночью. Казалось, в бешеной злобе хочет он вырвать с корнем лес и унести его прочь или, растрепав в воздухе, уничтожить. Деревья скрипели в могучем противоборстве, они стойко сопротивлялись яростному натиску. Слышался их стонущий треск, слышались громкие выстрелы лопавшихся сучьев, слышался яростный грохот сломленного ствола большого дерева и горестный всхлип, вырвавшийся из всех ран его разбитого, умирающего тела. Затем не стало слышно ничего, кроме ветра: его угрюмый вой заглушил все остальные звуки.

Тут-то и пришла нужда. Ветер и дождь чисто сделали свое дело. Ни одного листочка не сохранилось на кустах и деревьях. Лесные исполины стояли нагие, обобранные и жалобно простирали к небу свои голые коричневые ветви-руки. Трава на лужайке пожухла и стала такой низенькой, будто выросла назад в землю. Голой и бесприютной выглядела хижина. С тех пор как исчезли ее зелёные стены, там уже нельзя было чувствовать себя так надёжно, как прежде, к тому же со всех сторон пронзительно дуло...

Однажды утром молоденькая сорока летела над лужайкой. Что-то белое, прохладное упало ей на глаза светлой и легкой вуалькой, ещё и ещё, и вот мириады белых мягких сверкающих хлопьев зареяли вокруг нее. Сорока захлопала крыльями и взмыла вверх. Тщетно. Мягкие, прохладные хлопья слепили ей глаза и здесь. Она ещё набрала высоту.

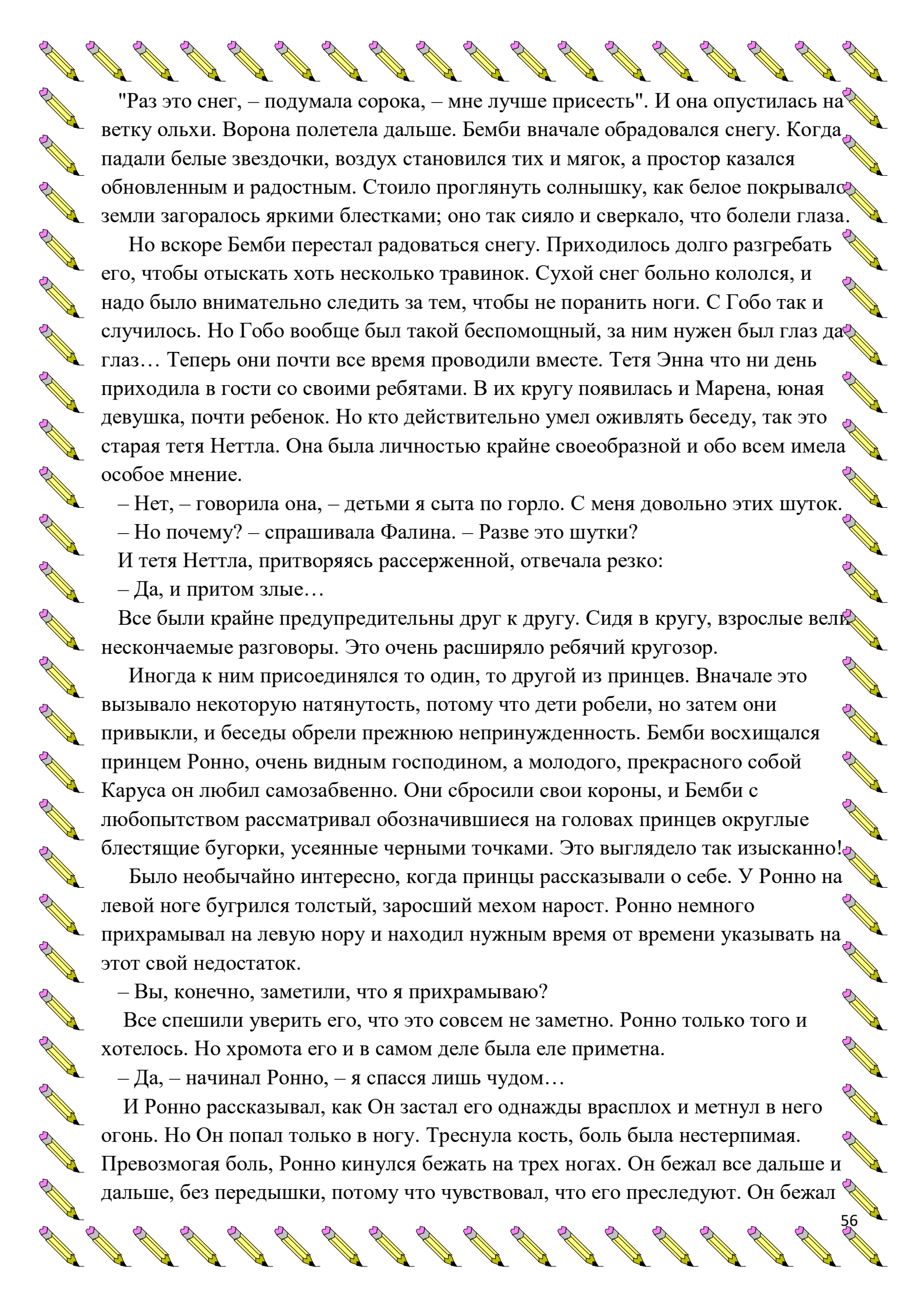
– Не трудись понапрасну, дорогая! – крикнула ей ворона, летевшая в том же направлении. – Вам не уйти от этих хлопьев. Это снег.

– Снег? – удивленно повторила сорока, борясь с метелью.

– Ну да, – сказала ворона. – Сейчас зима, и это снег.

– Простите, – сказала сорока, – я только в мае вышла из гнезда. Я не знаю, что такое зима.

– Бывает, – заметила ворона. – Но ничего, вы ещё узнаете!..

"Раз это снег, – подумала сорока, – мне лучше присесть". И она опустилась на ветку ольхи. Ворона полетела дальше. Бемби вначале обрадовался снегу. Когда падали белые звездочки, воздух становился тих и мягок, а простор казался обновленным и радостным. Стоило проглянуть солнышку, как белое покрывало земли загоралось яркими блестками; оно так сияло и сверкало, что болели глаза.

Но вскоре Бемби перестал радоваться снегу. Приходилось долго разгребать его, чтобы отыскать хоть несколько травинок. Сухой снег больно кололся, и надо было внимательно следить за тем, чтобы не поранить ноги. С Гобо так и случилось. Но Гобо вообще был такой беспомощный, за ним нужен был глаз да глаз... Теперь они почти все время проводили вместе. Тетя Энна что ни день приходила в гости со своими ребятами. В их кругу появилась и Марена, юная девушка, почти ребенок. Но кто действительно умел оживлять беседу, так это старая тетя Неттла. Она была личностью крайне своеобразной и обо всем имела особое мнение.

– Нет, – говорила она, – детьми я сыта по горло. С меня довольно этих шуток.

– Но почему? – спрашивала Фалина. – Разве это шутки?

И тетя Неттла, притворяясь рассерженной, отвечала резко:

– Да, и притом злые...

Все были крайне предупредительны друг к другу. Сидя в кругу, взрослые вели нескончаемые разговоры. Это очень расширяло ребячий кругозор.

Иногда к ним присоединялся то один, то другой из принцев. Вначале это вызывало некоторую натянутость, потому что дети робели, но затем они привыкли, и беседы обрели прежнюю непринужденность. Бемби восхищался принцем Ронно, очень видным господином, а молодого, прекрасного собой Каруса он любил самозабвенно. Они сбросили свои короны, и Бемби с любопытством рассматривал обозначившиеся на головах принцев округлые блестящие бугорки, усеянные черными точками. Это выглядело так изысканно!

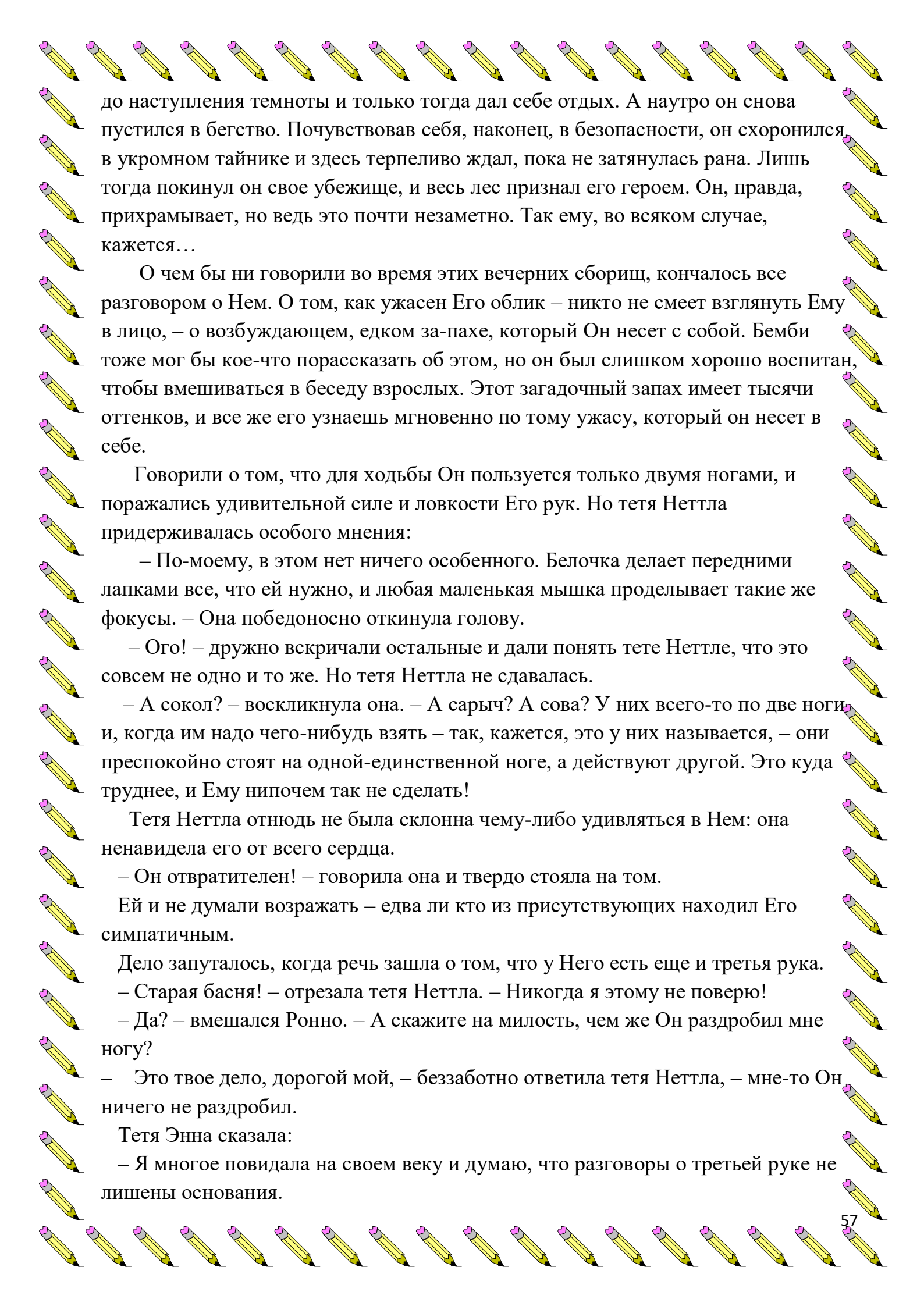
Было необычайно интересно, когда принцы рассказывали о себе. У Ронно на левой ноге бугрился толстый, заросший мехом нарост. Ронно немного прихрамывал на левую ногу и находил нужным время от времени указывать на этот свой недостаток.

– Вы, конечно, заметили, что я прихрамываю?

Все спешили уверить его, что это совсем не заметно. Ронно только того и хотелось. Но хромота его и в самом деле была еле приметна.

– Да, – начинал Ронно, – я спасся лишь чудом...

И Ронно рассказывал, как Он застал его однажды врасплох и метнул в него огонь. Но Он попал только в ногу. Треснула кость, боль была нестерпимая. Превозмогая боль, Ронно кинулся бежать на трех ногах. Он бежал все дальше и дальше, без передышки, потому что чувствовал, что его преследуют. Он бежал

до наступления темноты и только тогда дал себе отдых. А наутро он снова пустился в бегство. Почувствовав себя, наконец, в безопасности, он схоронился в укромном тайнике и здесь терпеливо ждал, пока не затянулась рана. Лишь тогда покинул он свое убежище, и весь лес признал его героем. Он, правда, прихрамывает, но ведь это почти незаметно. Так ему, во всяком случае, кажется...

О чем бы ни говорили во время этих вечерних сборищ, кончалось все разговором о Нем. О том, как ужасен Его облик – никто не смеет взглянуть Ему в лицо, – о возбуждающем, едком за-пахе, который Он несет с собой. Бемби тоже мог бы кое-что порассказать об этом, но он был слишком хорошо воспитан, чтобы вмешиваться в беседу взрослых. Этот загадочный запах имеет тысячи оттенков, и все же его узнаешь мгновенно по тому ужасу, который он несет в себе.

Говорили о том, что для ходьбы Он пользуется только двумя ногами, и поражались удивительной силе и ловкости Его рук. Но тетя Неттла придерживалась особого мнения:

– По-моему, в этом нет ничего особенного. Белочка делает передними лапками все, что ей нужно, и любая маленькая мышка проделывает такие же фокусы. – Она победоносно откинула голову.

– Ого! – дружно вскричали остальные и дали понять тете Неттле, что это совсем не одно и то же. Но тетя Неттла не сдавалась.

– А сокол? – воскликнула она. – А сарыч? А сова? У них всего-то по две ноги, и, когда им надо чего-нибудь взять – так, кажется, это у них называется, – они преспокойно стоят на одной-единственной ноге, а действуют другой. Это куда труднее, и Ему нипочем так не сделать!

Тетя Неттла отнюдь не была склонна чему-либо удивляться в Нем: она ненавидела его от всего сердца.

– Он отвратителен! – говорила она и твердо стояла на том.

Ей и не думали возражать – едва ли кто из присутствующих находил Его симпатичным.

Дело запуталось, когда речь зашла о том, что у Него есть еще и третья рука.

– Старая басня! – отрезала тетя Неттла. – Никогда я этому не поверю!

– Да? – вмешался Ронно. – А скажите на милость, чем же Он раздробил мне ногу?

– Это твое дело, дорогой мой, – беззаботно ответила тетя Неттла, – мне-то Он ничего не раздробил.

Тетя Энна сказала:

– Я многое повидала на своем веку и думаю, что разговоры о третьей руке не лишены основания.

Юный Карус заметил вежливо:

– Я присоединяюсь к вам. Дело в том, что я знаком с одной вороной... Карус замялся и обвел взглядом присутствующих: не смеются ли над ним; но, увидев внимание на лицах слушателей, успокоился и продолжал: – Ворона чрезвычайно сведуща... Я позволю себе это заметить, удивительно сведуща. И она говорит, что Он в самом деле пользуется третьей рукой, хотя и не всегда. Третья рука, говорит ворона, очень злая. Она не растет у Него из тела, как две другие, Он носит ее за плечом. Ворона утверждает, что всегда может заранее сказать, опасен Он или нет. Если Он приходит без третьей руки, Его нечего опасаться...

Тетя Неттла засмеялась:

– Твоя ворона чрезвычайно глупа, дорогой Карус, можешь мне поверить. Будь у нее хоть какой-то умишко, она бы знала, что Он всегда опасен.

Но с ней не согласились.

Мать Бемби сказала:

– Все же среди Них попадаются и такие, что не опасны. Это как-то сразу чувствуется.

– Ах, вот что! – усмехнулась тетя Неттла. – И, конечно, ты спокойно ждешь, когда Он приблизится, чтоб сказать ему: добрый вечер!

– Нет, – мягко ответила мать, – я все-таки убегаю...

Нежданно Фалина воскликнула: – Нужно всегда удирать!

Все засмеялись. Но постепенно веселье, вызванное выходкой Фалины, стихло. Оленям казалось, будто что-то мрачное, давяще-душное нависло над ними. Ведь как ни называй это – третьей ли рукой или как-то иначе, – гибель не заговоришь словом. Немногие сталкивались с Ним вплотную, большинство знало о Его повадках лишь понаслышке. Вот Он стоит вдалеке, недвижно, и вдруг что-то такое происходит, раздается громкий треск, подобный удару грома, вылетает огонь. Это чья-то смерть.

Олени тесно прижались друг к другу, всей слабостью сердца ощущая ту темную власть, которая безраздельно господствовала над ними. Жадно внимали они рассказам, полным ужаса и крови. События недавних дней перемежались с преданиями далекой старины, ибо Он был всегда и всегда нес с собой смерть, и каждый невольно думал, чем бы умиловать Его, как избежать Его роковой власти.

– Как же так получается, – сказал вдруг Карус, – что Он убивает на расстоянии?

– А ты бы спросил свою умную ворону, – усмехнулась тетя Неттла.

– Я уж спрашивал, она сама не знает...

– Кстати, Он убивает и ворон на деревьях, когда захочет, – заметил Ронно.

– И фазанов в воздухе, – вставила тетя Энна.

Мать Бемби сказала:

– Он швыряет свою руку. Так мне говорила моя бабушка.

– Да? – усомнилась тетя Неттла. – А что же это такое, что так громко хлопает?

– Когда Он бросает свою руку, – пояснила мать Бемби, – вспыхивает огонь и ударяет гром. Он весь состоит из огня.

– Простите, – сказал Ронно, – то, что Он весь из огня, конечно, верно, но насчет руки вы заблуждаетесь. Рукой нельзя нанести такую рану, какую вы видите. Это, скорее, зуб. Он мечет в нас зуб. Понимаете – зуб, это многое объясняет. Мы же знаем, что бывают смертельные укусы.

Юный Карус глубоко вздохнул:

– Он никогда не перестанет нас преследовать.

Тогда заговорила Марена, девушка, почти ребенок:

– Говорят, в один прекрасный день Он придет к нам и будет так же добр, как мы. Он будет с нами играть. Весь лес станет счастливым, наступит всеобщее примирение.

– Нет уж! – со смехом воскликнула тетя Неттла. – Пускай лучше Он будет сам по себе, а нас оставит в покое.

Тетя Энна сказала:

– Но... так тоже нельзя говорить...

– Почему же? – возразила тетя Неттла. – Я Ему ни на грош не верю.

Помилуйте! С тех пор как мы себя помним, Он убивает нас: наших сестер, братьев, матерей. С тех пор как существует мир, нет для нас покоя. Он убивает нас всегда, когда увидит, а мы должны с Ним мириться? Какая все это чепуха!

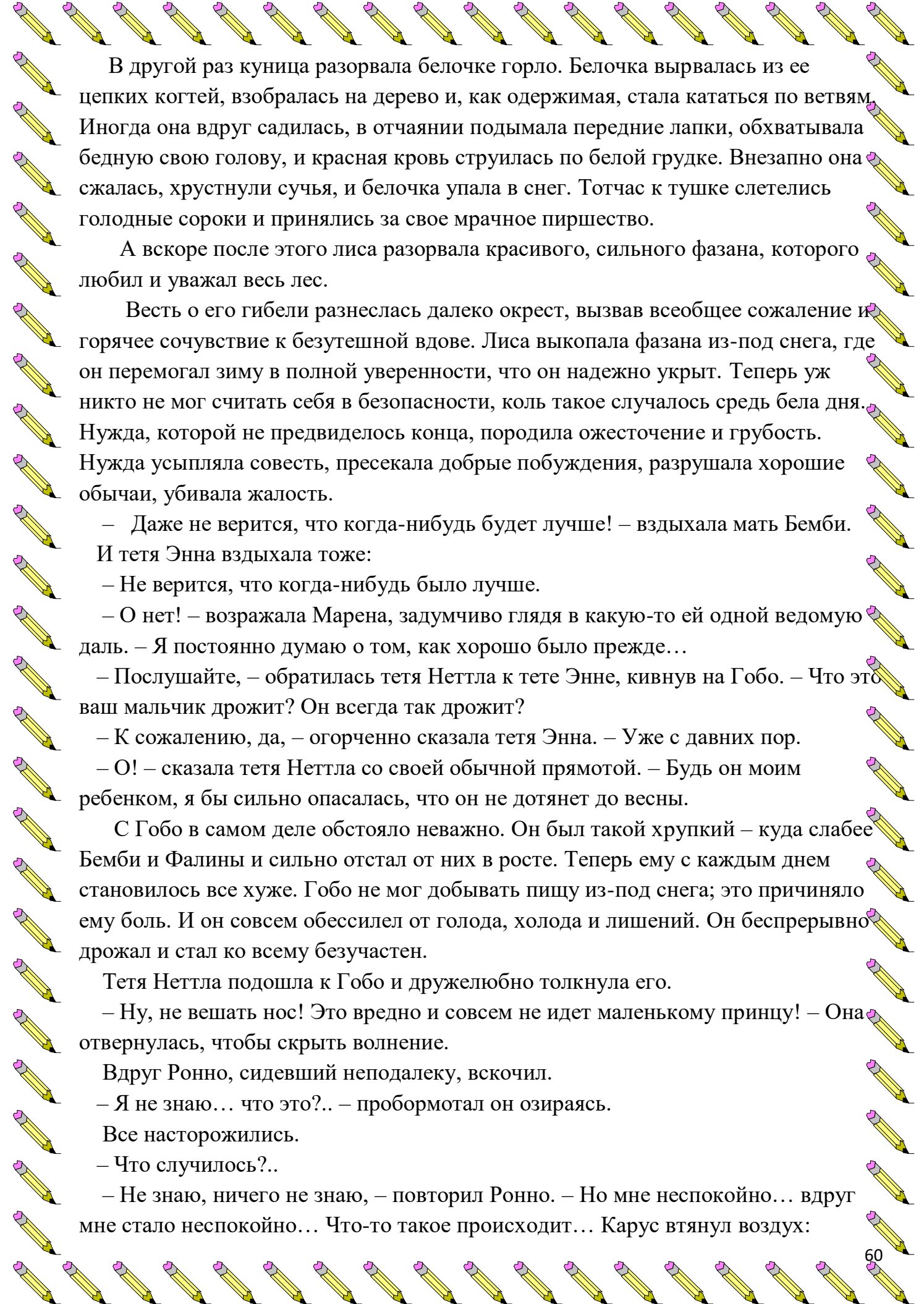
Марена обвела всех большими глазами, источающими спокойный, ясный свет: – Всеобщее примирение – не чепуха, оно должно когда-нибудь наступить.

Тетя Неттла отвернулась.

– Пойду-ка, поищу чего-нибудь поесть, – сказала она ворчливо и покинула общество.

Зима продолжалась. Порой непогода стихала – ненадолго опять валил снег, наметывая огромные, непролазные сугробы. Когда же пригревало солнце, снег подтаивал. Ночью его прихватывало морозом, на поверхности застывала тонкая ледяная корочка. Стоило поскользнуться, и корочка трескалась, острые ее края больно ранили нежные суставы ног.

Последние дни стоял трескучий мороз. Ядреный, звенящий воздух был чист и прозрачен. Но в притихшем, будто очарованном, лесу вершились страшные, кровавые дела. Ворона напала на маленького больного сына зайца и заклевала его насмерть. Долго звучал в лесу его тонкий, страдающий голосок. Друг-приятель заяц находился в это время в пути, и, когда до него дошло печальное известие, он едва не лишился рассудка.

В другой раз куница разорвала белочке горло. Белочка вырвалась из ее цепких когтей, взобралась на дерево и, как одержимая, стала кататься по ветвям. Иногда она вдруг садилась, в отчаянии подымала передние лапки, обхватывала бедную свою голову, и красная кровь струилась по белой грудке. Внезапно она сжалась, хрустнули сучья, и белочка упала в снег. Тотчас к тушке слетелись голодные сороки и принялись за свое мрачное пиршество.

А вскоре после этого лиса разорвала красивого, сильного фазана, которого любил и уважал весь лес.

Весть о его гибели разнеслась далеко окрест, вызвав всеобщее сожаление и горячее сочувствие к безутешной вдове. Лиса выкопала фазана из-под снега, где он перемогал зиму в полной уверенности, что он надежно укрыт. Теперь уж никто не мог считать себя в безопасности, коль такое случилось среди бела дня. Нужда, которой не предвиделось конца, породила ожесточение и грубость. Нужда усыпляла совесть, пресекала добрые побуждения, разрушала хорошие обычаи, убивала жалость.

– Даже не верится, что когда-нибудь будет лучше! – вздыхала мать Бемби.

И тетя Энна вздыхала тоже:

– Не верится, что когда-нибудь было лучше.

– О нет! – возражала Марена, задумчиво глядя в какую-то ей одной ведомую даль. – Я постоянно думаю о том, как хорошо было прежде...

– Послушайте, – обратилась тетя Неттла к тете Энне, кивнув на Гобо. – Что это ваш мальчик дрожит? Он всегда так дрожит?

– К сожалению, да, – огорченно сказала тетя Энна. – Уже с давних пор.

– О! – сказала тетя Неттла со своей обычной прямоотой. – Будь он моим ребенком, я бы сильно опасалась, что он не дотянет до весны.

С Гобо в самом деле обстояло неважно. Он был такой хрупкий – куда слабее Бемби и Фалины и сильно отстал от них в росте. Теперь ему с каждым днем становилось все хуже. Гобо не мог добывать пищу из-под снега; это причиняло ему боль. И он совсем обессилел от голода, холода и лишений. Он непрерывно дрожал и стал ко всему безучастен.

Тетя Неттла подошла к Гобо и дружелюбно толкнула его.

– Ну, не вешать нос! Это вредно и совсем не идет маленькому принцу! – Она отвернулась, чтобы скрыть волнение.

Вдруг Ронно, сидевший неподалеку, вскочил.

– Я не знаю... что это?.. – пробормотал он озираясь.

Все насторожились.

– Что случилось?..

– Не знаю, ничего не знаю, – повторил Ронно. – Но мне беспокойно... вдруг мне стало беспокойно... Что-то такое происходит... Карус втянул воздух:

– Я ничего не чувствую.

Оба стояли, наострив уши и глубоко втягивая ноздрями воздух.

– Ничего... вроде ничего... – проговорили они.

– И все же, – убежденно произнес Ронно, – вам меня не разубедить... что-то такое происходит... Марена сказала:

– Кричали вороны...

– Они снова кричат! – быстро добавила Фалина.

Теперь и остальные слышали вороний карк.

– Вон они летят! – воскликнул Карус.

Все дружно подняли головы. Высоко над кронами деревьев летела воронья стая. Они летели с окраины леса, с того последнего рубежа, откуда всегда приходила опасность.

Вороны сердито переговаривались.

– Ну что, разве я не прав? – сказал Ронно. – Сразу видно – что-то надвигается.

– Что же делать? – испуганно прошептала мать Бемби.

– Бежать! – воскликнула тетя Энна.

– Ждать, – убежденно сказал Ронно.

– С детьми? – переспросила тетя Энна. – Ждать, когда Гобо еле передвигает ноги?

– Ну, хорошо, – сказал Ронно, – уходите. По-моему, это бессмысленно, но я не хочу, чтобы меня потом упрекали;

– Идем, Гобо! Фалина, идем! – И тетя Энна вместе со своими детьми двинулась вперед.

Остальные остались на месте. Они стояли тихо, прислушиваясь и дрожа общей дрожью.

– Только этого не доставало ко всему, что нам пришлось пережить! – сказала тетя Неттла.

Сорочий таратор слышался в той же стороне леса, откуда прилетели вороны. – Внимание!.. Внимание!.. Внимание!.. – трещали они. Их еще не было видно, но отчетливо слышался предостерегающий, вразнобой, вперевив крик:

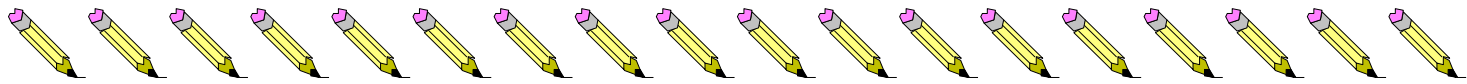
– Вни-вни-вни-ма-ние!..

Но вот сороки показались. Перелетая с дерева на дерево, носились они взад вперед испуганно и неутомимо.

– Гха-х! – вскричала сойка и громко прокричала знакомый всем сигнал тревоги.

Внезапно олени тесно сбились в кучу. То был Он!

Волна невыносимого запаха плыла сквозь чащу, дурманила голову, ужасом холодила сердце. Взбудораженный лес наполнился движением, щебетом,

песком. В ветвях шныряли синицы – сотни маленьких пушистых комочков – и пищали изо всех силенок:

– Вперед! Вперед!

С паническим криком пронесся черный дятел. Сквозь темную сетку обнаженного кустарника было видно, как на снегу металась узкая, длинная тень. То были фазаны. Посреди них мелькало что-то красное, вероятно лиса. Но никто теперь не боялся ее. Тяжкий, невыносимый запах тек сквозь лес, примиряя всех его обитателей в общем страхе, в общем стремлении спастись, во что бы то ни стало.

Этот таинственный, давящий запах пронизывал лес с такой неслыханной, небывалой силой, что все поняли: на этот раз Он не один. Он идет с себе подобными.

Не двигаясь, смотрели олени на встрепанных, растерянных синиц и дроздов, на белок, отчаянно скачущих со ствола на ствол, и думали, что всем этим малюткам, в сущности, нечего бояться. И все же олени понимали их: ведь и эти малютки чувляли Его, а ни одно лесное существо не может вынести Его приближение...

Вот прискакал друг-приятель заяц, на миг остановился и поспешно заскакал дальше.

– Что там происходит? – крикнул ему вдогон Карус.

Друг заяц присел, но лишь повел глазами, говорить он не мог.

– К чему спрашивать? – сумрачно проговорил Ронно.

Друг заяц глотнул воздуха.

– Мы окружены, – прошептал он беззвучно. – Выхода нет. Всюду Он!

И в тот же миг все услышали Его голос. Десять, двадцать, тридцать раз подряд Он прокричал: – Хо-хо-хо-хо! Ха-ха-ха-ха!..

Это звучало сокрушительно, как буря или ураган. Он колошматил по стволам деревьев, заставляя их громко стонать. Это было ужасно. Шорох и свист раздвигаемых кустов, стон деревьев, гром и треск ломаемых сучьев сопровождал каждый Его шаг. Он шел сюда, в самую чашу.

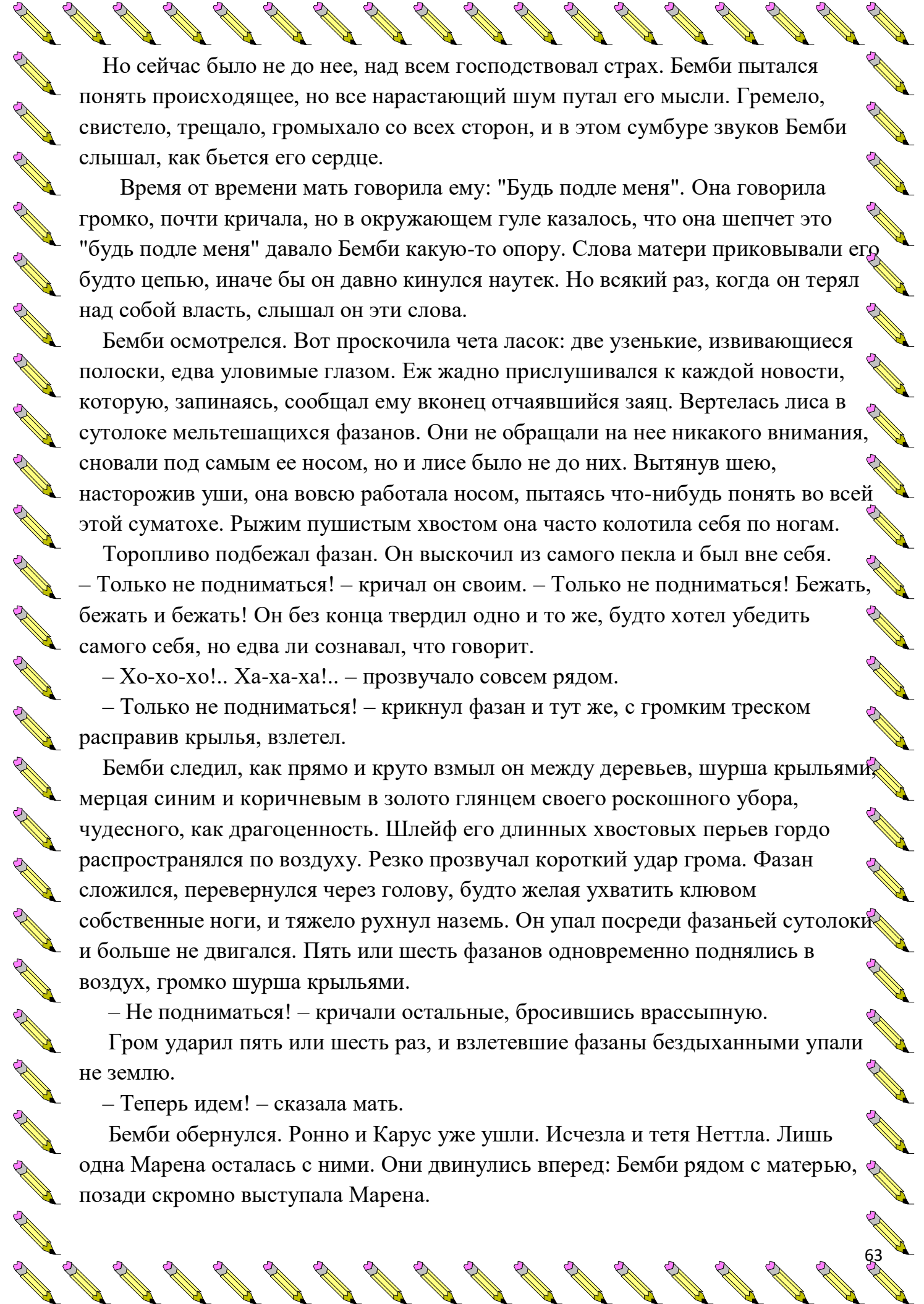
Там, откуда Он шел, послышались короткие, свистящие трели, всхлопы широких крыльев – это поднялся фазан. Секунду или две было слышно, как набирает он высоту, и тут раздался резкий удар грома. Тишина. Затем глухой удар о землю.

– Он убит, – трепеща, сказала мать Бемби.

– Первая жертва, – добавил Ронно.

Марена, юная девушка, почти ребенок, сказала:

– В этот час погибнут многие из нас. И я буду среди них.

Но сейчас было не до нее, над всем господствовал страх. Бемби пытался понять происходящее, но все нарастающий шум путал его мысли. Гремело, свистело, трещало, громыхало со всех сторон, и в этом сумбуре звуков Бемби слышал, как бьется его сердце.

Время от времени мать говорила ему: "Будь подле меня". Она говорила громко, почти кричала, но в окружающем гуле казалось, что она шепчет это "будь подле меня" давало Бемби какую-то опору. Слова матери приковывали его будто цепью, иначе бы он давно кинулся наутек. Но всякий раз, когда он терял над собой власть, слышал он эти слова.

Бемби осмотрелся. Вот проскочила чета ласок: две узенькие, извивающиеся полоски, едва уловимые глазом. Еж жадно прислушивался к каждой новости, которую, запинаясь, сообщал ему вконец отчаявшийся заяц. Вертелась лиса в сутолоке мельтешащихся фазанов. Они не обращали на нее никакого внимания, сновали под самым ее носом, но и лисе было не до них. Вытянув шею, насторожив уши, она всю работала носом, пытаясь что-нибудь понять во всей этой суматохе. Рыжим пушистым хвостом она часто колотила себя по ногам.

Торопливо подбежал фазан. Он выскочил из самого пекла и был вне себя. – Только не подниматься! – кричал он своим. – Только не подниматься! Бежать, бежать и бежать! Он без конца твердил одно и то же, будто хотел убедить самого себя, но едва ли сознавал, что говорит.

– Хо-хо-хо!.. Ха-ха-ха!.. – прозвучало совсем рядом.

– Только не подниматься! – крикнул фазан и тут же, с громким треском расправив крылья, взлетел.

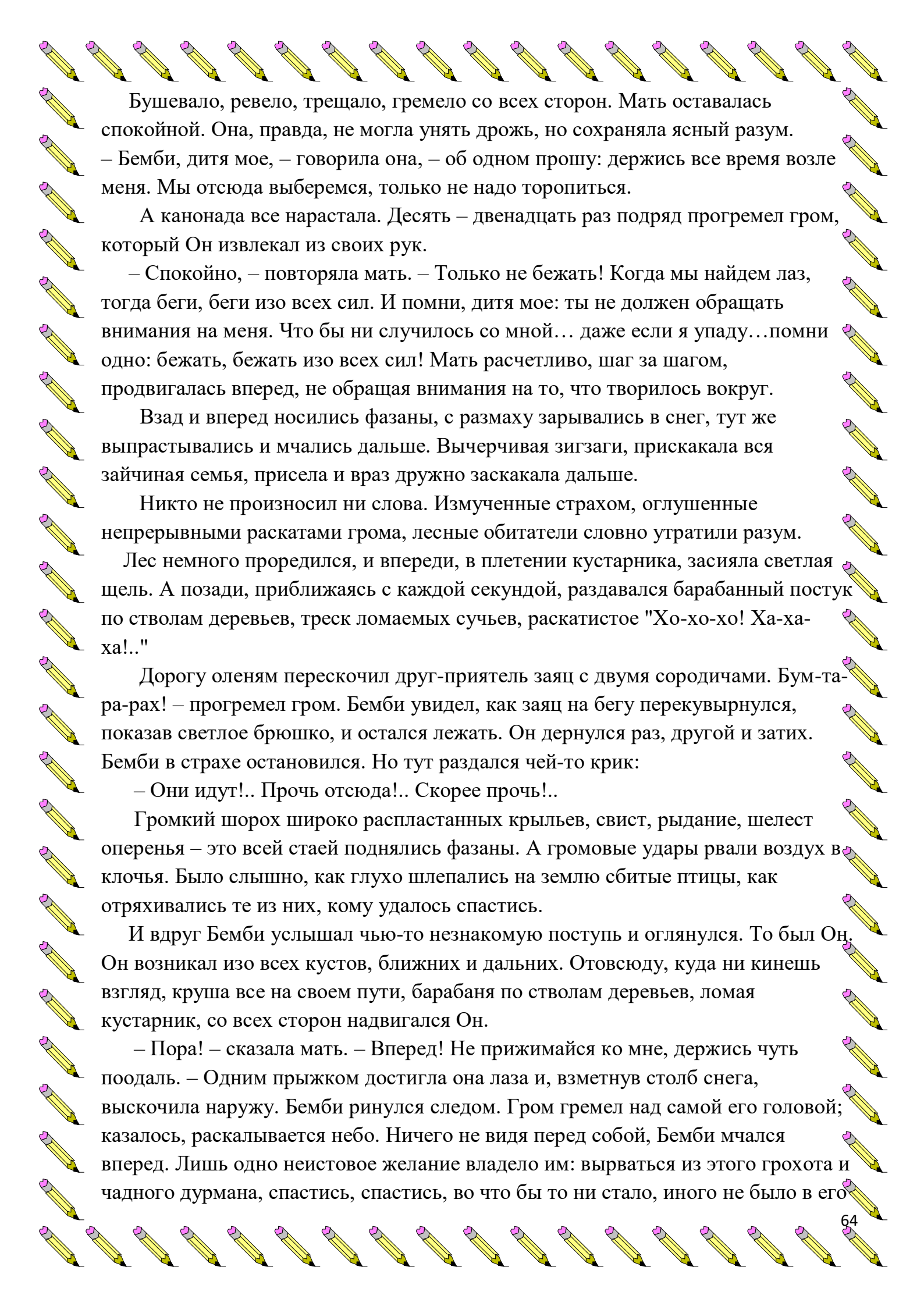
Бемби следил, как прямо и круто взмыл он между деревьев, шурша крыльями, мерцая синим и коричневым в золото глянец своего роскошного убора, чудесного, как драгоценность. Шлейф его длинных хвостовых перьев гордо распространялся по воздуху. Резко прозвучал короткий удар грома. Фазан сложился, перевернулся через голову, будто желая ухватить клювом собственные ноги, и тяжело рухнул наземь. Он упал посреди фазаньей сутолоки и больше не двигался. Пять или шесть фазанов одновременно поднялись в воздух, громко шурша крыльями.

– Не подниматься! – кричали остальные, бросившись врассыпную.

Гром ударил пять или шесть раз, и взлетевшие фазаны бездыханными упали на землю.

– Теперь идем! – сказала мать.

Бемби обернулся. Ронно и Карус уже ушли. Исчезла и тетя Неттла. Лишь одна Марена осталась с ними. Они двинулись вперед: Бемби рядом с матерью, позади скромно выступала Марена.

Бушевало, ревело, трещало, гремело со всех сторон. Мать оставалась спокойной. Она, правда, не могла унять дрожь, но сохраняла ясный разум. – Бемби, дитя мое, – говорила она, – об одном прошу: держись все время возле меня. Мы отсюда выберемся, только не надо торопиться.

А канонада все нарастала. Десять – двенадцать раз подряд прогремел гром, который Он извлекал из своих рук.

– Спокойно, – повторяла мать. – Только не бежать! Когда мы найдем лаз, тогда беги, беги изо всех сил. И помни, дитя мое: ты не должен обращать внимания на меня. Что бы ни случилось со мной... даже если я упаду... помни одно: бежать, бежать изо всех сил! Мать расчетливо, шаг за шагом, продвигалась вперед, не обращая внимания на то, что творилось вокруг.

Взад и вперед носились фазаны, с размаху зарывались в снег, тут же выпрастывались и мчались дальше. Вычерчивая зигзаги, прискакала вся зайчиная семья, присела и враз дружно заскакала дальше.

Никто не произносил ни слова. Измученные страхом, оглушенные непрерывными раскатами грома, лесные обитатели словно утратили разум.

Лес немного проредился, и впереди, в плетении кустарника, засияла светлая щель. А позади, приближаясь с каждой секундой, раздавался барабанный постук по стволам деревьев, треск ломаемых сучьев, раскатистое "Хо-хо-хо! Ха-ха-ха!.."

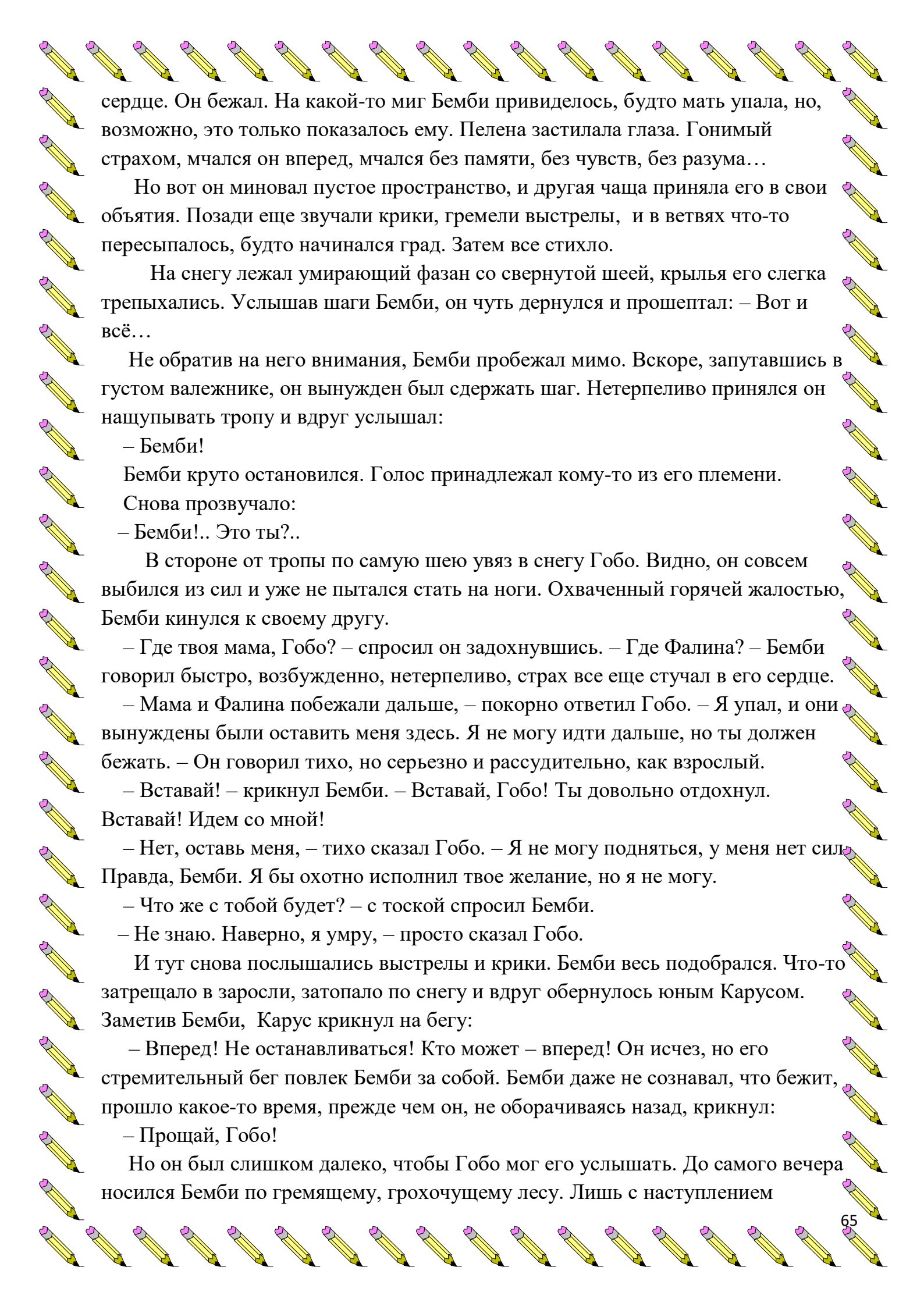
Дорогу оленям перескочил друг-приятель заяц с двумя сородичами. Бум-та-ра-рах! – прогремел гром. Бемби увидел, как заяц на бегу перекувырнулся, показав светлое брюшко, и остался лежать. Он дернулся раз, другой и затих. Бемби в страхе остановился. Но тут раздался чей-то крик:

– Они идут!.. Прочь отсюда!.. Скорее прочь!..

Громкий шорох широко распластанных крыльев, свист, рыдание, шелест оперенья – это всей стаей поднялись фазаны. А громовые удары рвали воздух в клочья. Было слышно, как глухо шлепались на землю сбитые птицы, как отряхивались те из них, кому удалось спастись.

И вдруг Бемби услышал чью-то незнакомую поступь и оглянулся. То был Он. Он возникал изо всех кустов, ближних и дальних. Отовсюду, куда ни кинешь взгляд, круша все на своем пути, барабаня по стволам деревьев, ломая кустарник, со всех сторон надвигался Он.

– Пора! – сказала мать. – Вперед! Не прижимайся ко мне, держись чуть поодаль. – Одним прыжком достигла она лаза и, взметнув столб снега, выскочила наружу. Бемби ринулся следом. Гром гремел над самой его головой; казалось, раскалывается небо. Ничего не видя перед собой, Бемби мчался вперед. Лишь одно неистовое желание владело им: вырваться из этого грохота и чадного дурмана, спастись, спастись, во что бы то ни стало, иного не было в его

сердце. Он бежал. На какой-то миг Бемби привиделось, будто мать упала, но, возможно, это только показалось ему. Пелена застилала глаза. Гонимый страхом, мчался он вперед, мчался без памяти, без чувств, без разума...

Но вот он миновал пустое пространство, и другая чаща приняла его в свои объятия. Позади еще звучали крики, гремели выстрелы, и в ветвях что-то пересыпалось, будто начинался град. Затем все стихло.

На снегу лежал умирающий фазан со свернутой шеей, крылья его слегка трепыхались. Услышав шаги Бемби, он чуть дернулся и прошептал: – Вот и всё...

Не обратив на него внимания, Бемби пробежал мимо. Вскоре, запутавшись в густом валежнике, он вынужден был сдерживать шаг. Нетерпеливо принялся он нащупывать тропу и вдруг услышал:

– Бемби!

Бемби круто остановился. Голос принадлежал кому-то из его племени.

Снова прозвучало:

– Бемби!.. Это ты?..

В стороне от тропы по самую шею увяз в снегу Гобо. Видно, он совсем выбился из сил и уже не пытался стать на ноги. Охваченный горячей жалостью, Бемби кинулся к своему другу.

– Где твоя мама, Гобо? – спросил он задохнувшись. – Где Фалина? – Бемби говорил быстро, возбужденно, нетерпеливо, страх все еще стучал в его сердце.

– Мама и Фалина побежали дальше, – покорно ответил Гобо. – Я упал, и они вынуждены были оставить меня здесь. Я не могу идти дальше, но ты должен бежать. – Он говорил тихо, но серьезно и рассудительно, как взрослый.

– Вставай! – крикнул Бемби. – Вставай, Гобо! Ты довольно отдохнул. Вставай! Идем со мной!

– Нет, оставь меня, – тихо сказал Гобо. – Я не могу подняться, у меня нет сил. Правда, Бемби. Я бы охотно исполнил твое желание, но я не могу.

– Что же с тобой будет? – с тоской спросил Бемби.

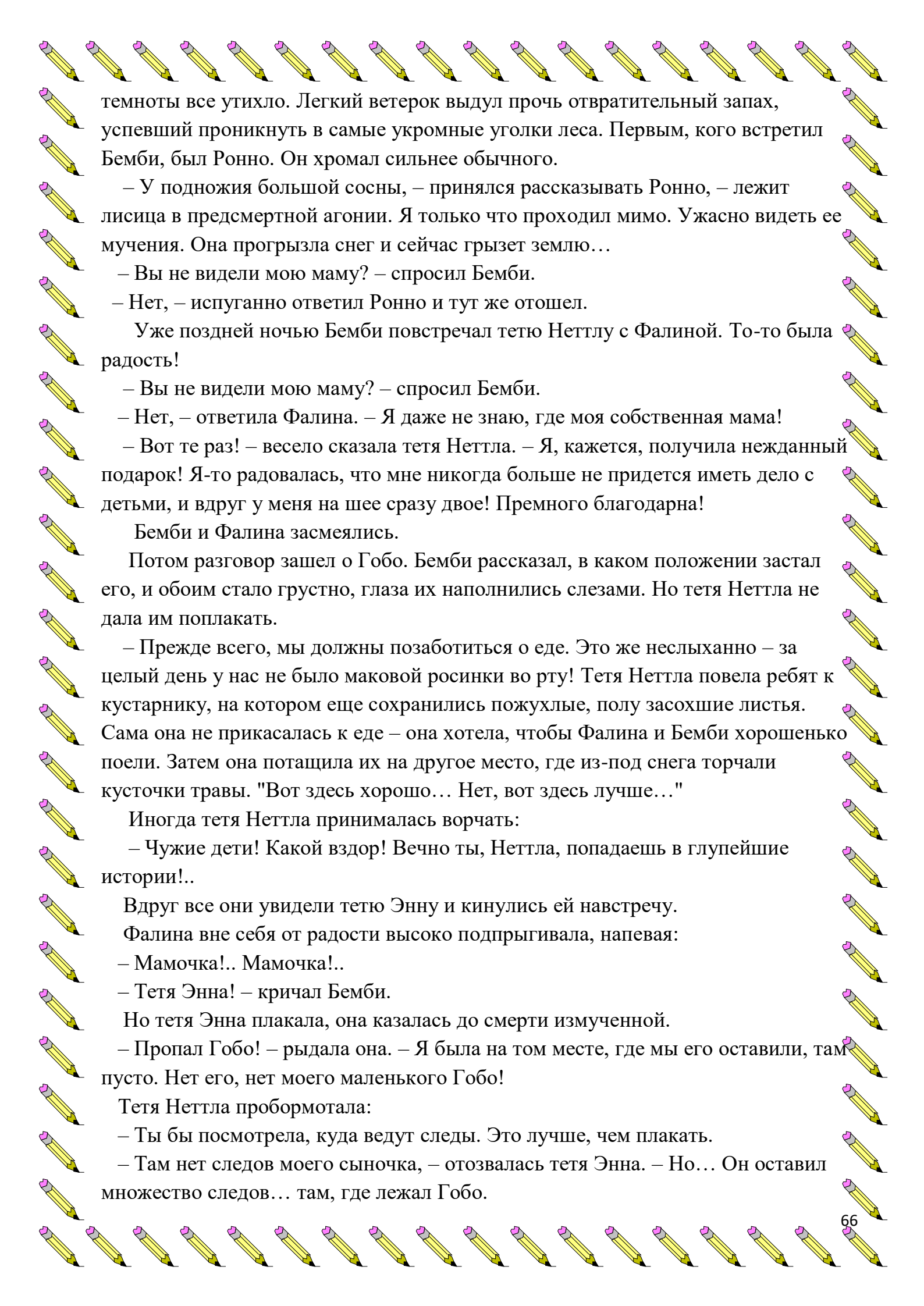
– Не знаю. Наверно, я умру, – просто сказал Гобо.

И тут снова послышались выстрелы и крики. Бемби весь подобрался. Что-то затрещало в заросли, затопало по снегу и вдруг обернулось юным Карусом. Заметив Бемби, Карус крикнул на бегу:

– Вперед! Не останавливаться! Кто может – вперед! Он исчез, но его стремительный бег повлек Бемби за собой. Бемби даже не сознавал, что бежит, прошло какое-то время, прежде чем он, не оборачиваясь назад, крикнул:

– Прощай, Гобо!

Но он был слишком далеко, чтобы Гобо мог его услышать. До самого вечера носился Бемби по гремящему, грохочущему лесу. Лишь с наступлением

темноты все утихло. Легкий ветерок выдул прочь отвратительный запах, успевший проникнуть в самые укромные уголки леса. Первым, кого встретил Бемби, был Ронно. Он хромал сильнее обычного.

– У подножия большой сосны, – принялся рассказывать Ронно, – лежит лисица в предсмертной агонии. Я только что проходил мимо. Ужасно видеть ее мучения. Она прогрызла снег и сейчас грызет землю...

– Вы не видели мою маму? – спросил Бемби.

– Нет, – испуганно ответил Ронно и тут же отошел.

Уже поздней ночью Бемби повстречал тетю Неттлу с Фалиной. То-то была радость!

– Вы не видели мою маму? – спросил Бемби.

– Нет, – ответила Фалина. – Я даже не знаю, где моя собственная мама!

– Вот те раз! – весело сказала тетя Неттла. – Я, кажется, получила неожиданный подарок! Я-то радовалась, что мне никогда больше не придется иметь дело с детьми, и вдруг у меня на шее сразу двое! Премного благодарна!

Бемби и Фалина засмеялись.

Потом разговор зашел о Гобо. Бемби рассказал, в каком положении застал его, и обоим стало грустно, глаза их наполнились слезами. Но тетя Неттла не дала им поплакать.

– Прежде всего, мы должны позаботиться о еде. Это же неслыханно – за целый день у нас не было маковой росинки во рту! Тетя Неттла повела ребят к кустарнику, на котором еще сохранились пожухлые, полу засохшие листья. Сама она не прикасалась к еде – она хотела, чтобы Фалина и Бемби хорошенько поели. Затем она потащила их на другое место, где из-под снега торчали кусточки травы. "Вот здесь хорошо... Нет, вот здесь лучше..."

Иногда тетя Неттла принималась ворчать:

– Чужие дети! Какой вздор! Вечно ты, Неттла, попадаешь в глупейшие истории!..

Вдруг все они увидели тетю Энну и кинулись ей навстречу.

Фалина вне себя от радости высоко подпрыгивала, напевая:

– Мамочка!.. Мамочка!..

– Тетя Энна! – кричал Бемби.

Но тетя Энна плакала, она казалась до смерти измученной.

– Пропал Гобо! – рыдала она. – Я была на том месте, где мы его оставили, там пусто. Нет его, нет моего маленького Гобо!

Тетя Неттла пробормотала:

– Ты бы посмотрела, куда ведут следы. Это лучше, чем плакать.

– Там нет следов моего сыночка, – отозвалась тетя Энна. – Но... Он оставил множество следов... там, где лежал Гобо.

Наступило молчание, и тогда Бемби с глубоким унынием спросил:

– Тетя Энна... ты не видела мою маму?

– Нет... – тихо ответила тетя Энна.

Бемби никогда больше не видал своей матери...

Луга давно расцвели. Зеленели кусты и деревья, но новорожденные листочки были совсем крошечные. Озаренные нежным светом раннего утра, свежие, будто улыбающиеся, они напоминали детей, только что пробудившихся от сна. Стоя перед кустом орешника, Бемби терся своей молодой короной о ствол. Это было необычайно приятно! Кроме того, это было необходимо, потому что луб и мех еще обволакивали его рога. Конечно, этот некрасивый чехол и так отпал бы, в конце концов, но тому, кто любит порядок, лучше самому позаботиться о себе. И Бемби так старательно чистил свою корону, что лубяная оболочка рвалась в клочья и длинными лохмотьями свешивалась ему на уши.

И в какой-то миг, надав орешник рогами, Бемби почувствовал, что его корона крепче ствола орешника. Это ощущение наполнило его гордостью и силой. Все яростнее насккивал он на орешник, срывая с него лоскуты коры. Обнажившееся белое тело дерева быстро покрывалось на воздухе красным налетом ржавчины. Но Бемби не жалел дерево, напротив – свежие раны орешника еще сильнее возбуждали его. Вскоре и окружающие орешник кусты бузины покрылись глубокими метинами...

– Ну, еще немного – и все будет в порядке, – произнес рядом с Бемби чей-то юный голосок.

Бемби вскинул голову и увидел белочку, с дружеским вниманием следившую за его работой.

– Тья-ха! – резко и коротко всхохотнул кто-то в вышине.

Бемби и белочка не успели испугаться, как из чащобы дубовых ветвей прозвучал голос дятла:

– Извините, пожалуйста... Я не могу удержаться от смеха, когда вижу такое!..

– Что, собственно, вас так рассмешило? – вежливо спросил Бемби.

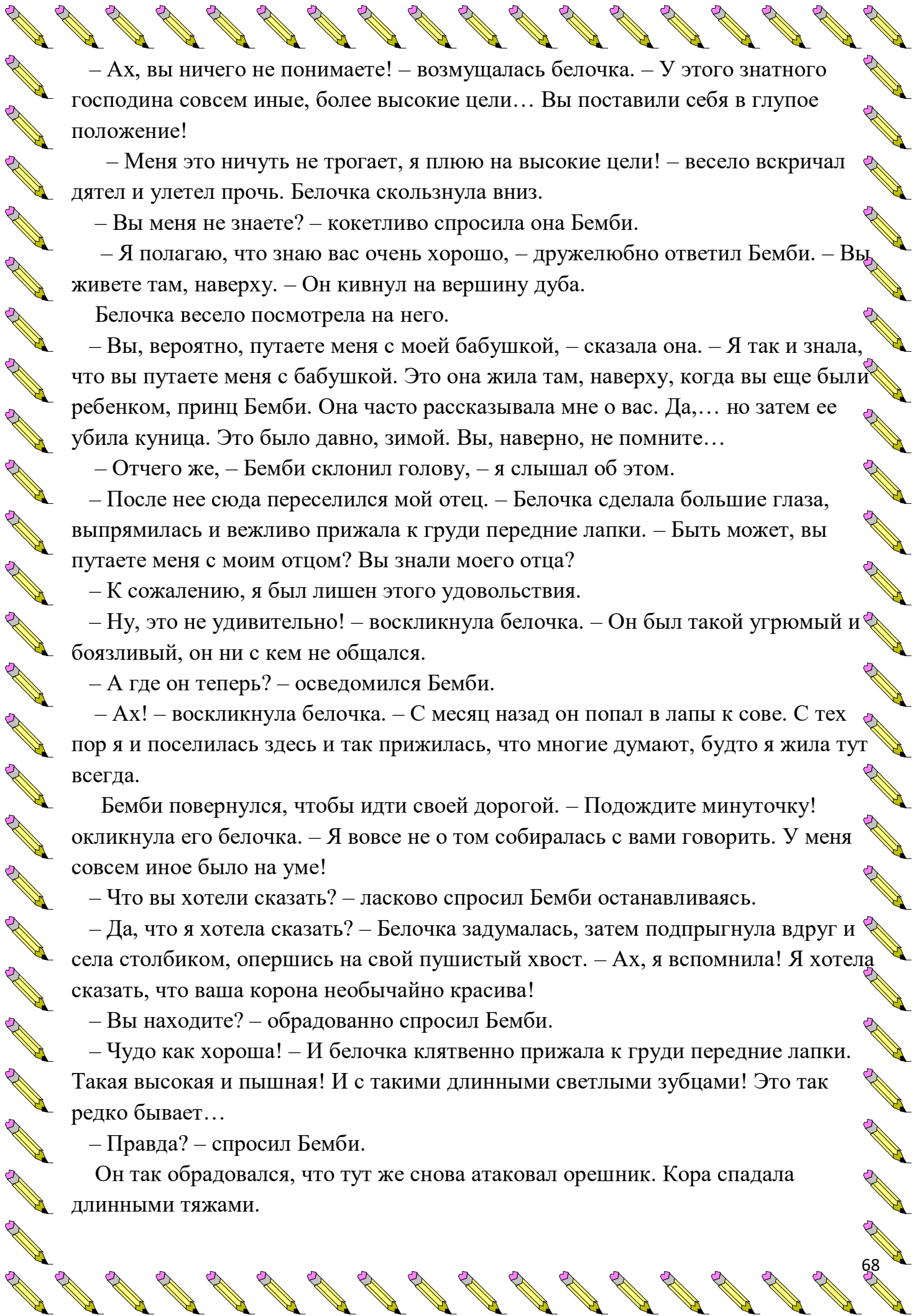
– Ну, – сказал дятел, – вы совсем не умеете взяться за дело. Прежде всего следует выбирать стволы потолще, на тонких стволах они вообще не водятся.

– Кого вы имеете в виду? – спросил Бемби. – Жуков, разумеется! – засмеялся дятел. – Жуков и личинок. Смотрите, как это делается. – И он забарабанил по стволу: тук, тук, тук!..

Белочка прошмыгнула по стволу и, найдя дятла, принялась его бранить:

– Ну что вы болтаете? Какое принцу дело до всяких жуков и личинок?

– А почему же нет? – удивился дятел. – Они очень вкусны. – Он с хрустом раскусил жука, проглотил его и вновь застучал клювом по коре дуба.

– Ах, вы ничего не понимаете! – возмущалась белочка. – У этого знатного господина совсем иные, более высокие цели... Вы поставили себя в глупое положение!

– Меня это ничуть не трогает, я плюю на высокие цели! – весело вскричал дятел и улетел прочь. Белочка скользнула вниз.

– Вы меня не знаете? – кокетливо спросила она Бемби.

– Я полагаю, что знаю вас очень хорошо, – дружелюбно ответил Бемби. – Вы живете там, наверху. – Он кивнул на вершину дуба.

Белочка весело посмотрела на него.

– Вы, вероятно, путаете меня с моей бабушкой, – сказала она. – Я так и знала, что вы путаете меня с бабушкой. Это она жила там, наверху, когда вы еще были ребенком, принц Бемби. Она часто рассказывала мне о вас. Да... но затем ее убила куница. Это было давно, зимой. Вы, наверно, не помните...

– Отчего же, – Бемби склонил голову, – я слышал об этом.

– После нее сюда переселился мой отец. – Белочка сделала большие глаза, выпрямилась и вежливо прижала к груди передние лапки. – Быть может, вы путаете меня с моим отцом? Вы знали моего отца?

– К сожалению, я был лишен этого удовольствия.

– Ну, это не удивительно! – воскликнула белочка. – Он был такой угрюмый и боязливый, он ни с кем не общался.

– А где он теперь? – осведомился Бемби.

– Ах! – воскликнула белочка. – С месяц назад он попал в лапы к сове. С тех пор я и поселилась здесь и так прижилась, что многие думают, будто я жила тут всегда.

Бемби повернулся, чтобы идти своей дорогой. – Подождите минуточку! окликнула его белочка. – Я вовсе не о том собиралась с вами говорить. У меня совсем иное было на уме!

– Что вы хотели сказать? – ласково спросил Бемби останавливаясь.

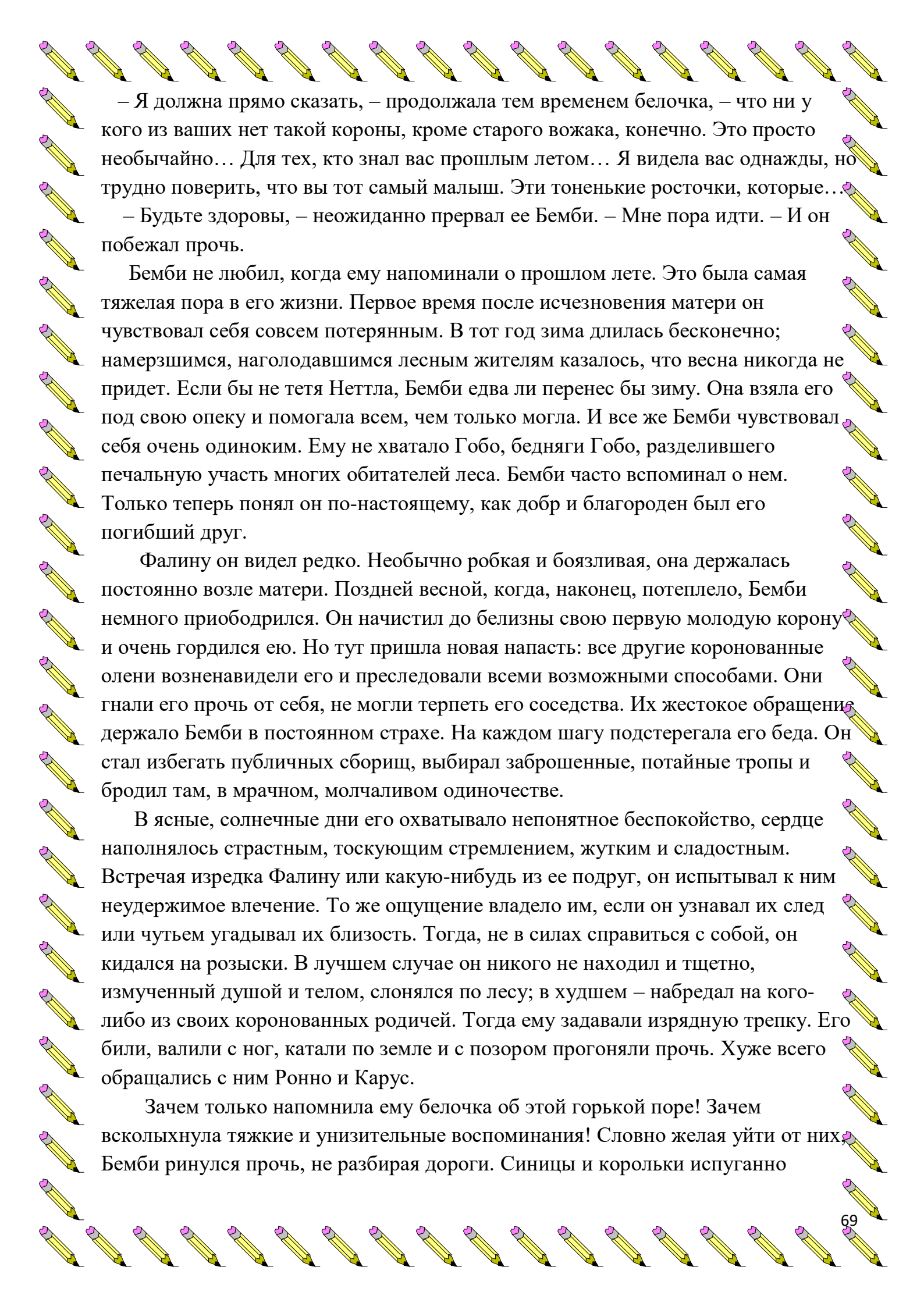
– Да, что я хотела сказать? – Белочка задумалась, затем подпрыгнула вдруг и села столбиком, опершись на свой пушистый хвост. – Ах, я вспомнила! Я хотела сказать, что ваша корона необычайно красива!

– Вы находите? – обрадованно спросил Бемби.

– Чудо как хороша! – И белочка клятвенно прижала к груди передние лапки. Такая высокая и пышная! И с такими длинными светлыми зубцами! Это так редко бывает...

– Правда? – спросил Бемби.

Он так обрадовался, что тут же снова атаковал орешник. Кора спадала длинными тяжами.

– Я должна прямо сказать, – продолжала тем временем белочка, – что ни у кого из ваших нет такой короны, кроме старого вожака, конечно. Это просто необычайно... Для тех, кто знал вас прошлым летом... Я видела вас однажды, но трудно поверить, что вы тот самый малыш. Эти тоненькие росточки, которые...

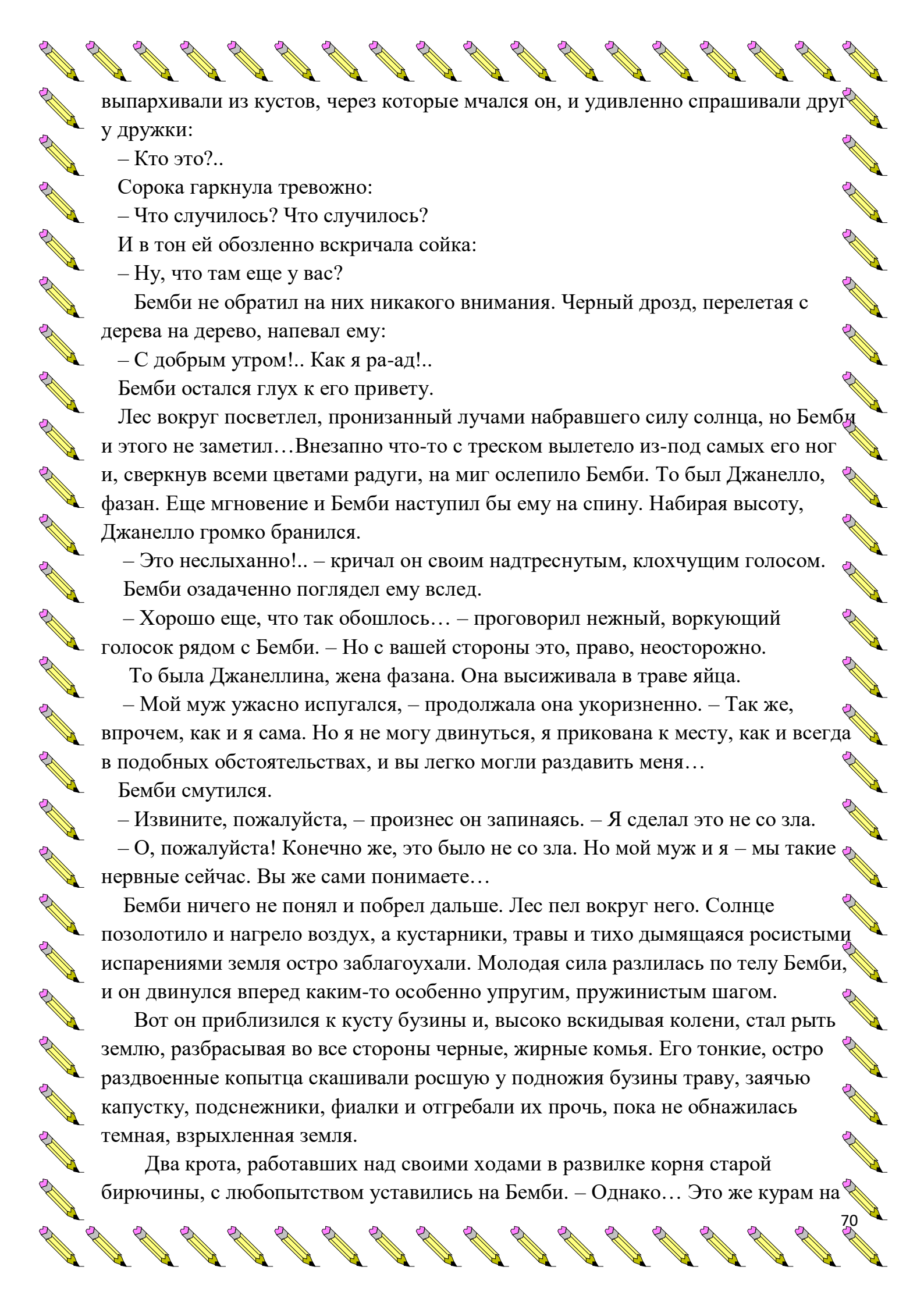
– Будьте здоровы, – неожиданно прервал ее Бемби. – Мне пора идти. – И он побежал прочь.

Бемби не любил, когда ему напоминали о прошлом лете. Это была самая тяжелая пора в его жизни. Первое время после исчезновения матери он чувствовал себя совсем потерянным. В тот год зима длилась бесконечно; намерзшимся, наголодавшимся лесным жителям казалось, что весна никогда не придет. Если бы не тетя Неттла, Бемби едва ли перенес бы зиму. Она взяла его под свою опеку и помогала всем, чем только могла. И все же Бемби чувствовал себя очень одиноким. Ему не хватало Гобо, бедняги Гобо, разделившего печальную участь многих обитателей леса. Бемби часто вспоминал о нем. Только теперь понял он по-настоящему, как добр и благороден был его погибший друг.

Фалину он видел редко. Необычно робкая и боязливая, она держалась постоянно возле матери. Поздней весной, когда, наконец, потеплело, Бемби немного приободрился. Он начистил до белизны свою первую молодую корону и очень гордился ею. Но тут пришла новая напасть: все другие коронованные олени возненавидели его и преследовали всеми возможными способами. Они гнали его прочь от себя, не могли терпеть его соседства. Их жестокое обращение держало Бемби в постоянном страхе. На каждом шагу подстерегала его беда. Он стал избегать публичных сборищ, выбирал заброшенные, потайные тропы и бродил там, в мрачном, молчаливом одиночестве.

В ясные, солнечные дни его охватывало непонятное беспокойство, сердце наполнялось страстным, тоскующим стремлением, жутким и сладостным. Встречая изредка Фалину или какую-нибудь из ее подруг, он испытывал к ним неудержимое влечение. То же ощущение владело им, если он узнавал их след или чутьем угадывал их близость. Тогда, не в силах справиться с собой, он кидался на розыски. В лучшем случае он никого не находил и тщетно, измученный душой и телом, слонялся по лесу; в худшем – набредал на кого-либо из своих коронованных родичей. Тогда ему задавали изрядную трепку. Его били, валили с ног, катали по земле и с позором прогоняли прочь. Хуже всего обращались с ним Ронно и Карус.

Зачем только напомнила ему белочка об этой горькой поре! Зачем всколыхнула тяжкие и унижительные воспоминания! Словно желая уйти от них, Бемби ринулся прочь, не разбирая дороги. Синицы и корошки испуганно

выпархивали из кустов, через которые мчался он, и удивленно спрашивали дру
у дружки:

– Кто это?..

Сорока гаркнула тревожно:

– Что случилось? Что случилось?

И в тон ей обозленно вскричала сойка:

– Ну, что там еще у вас?

Бемби не обратил на них никакого внимания. Черный дрозд, перелетая с
дерева на дерево, напевал ему:

– С добрым утром!.. Как я ра-ад!..

Бемби остался глух к его привету.

Лес вокруг посветлел, пронизанный лучами набравшего силу солнца, но Бемби
и этого не заметил... Внезапно что-то с треском вылетело из-под самых его ног
и, сверкнув всеми цветами радуги, на миг ослепило Бемби. То был Джанелло,
фазан. Еще мгновение и Бемби наступил бы ему на спину. Набирая высоту,
Джанелло громко бранился.

– Это неслыханно!.. – кричал он своим надтреснутым, клохчущим голосом.

Бемби озадаченно поглядел ему вслед.

– Хорошо еще, что так обошлось... – проговорил нежный, воркующий
голосок рядом с Бемби. – Но с вашей стороны это, право, неосторожно.

То была Джанеллина, жена фазана. Она высидывала в траве яйца.

– Мой муж ужасно испугался, – продолжала она укоризненно. – Так же,
впрочем, как и я сама. Но я не могу двинуться, я прикована к месту, как и всегда
в подобных обстоятельствах, и вы легко могли раздавить меня...

Бемби смутился.

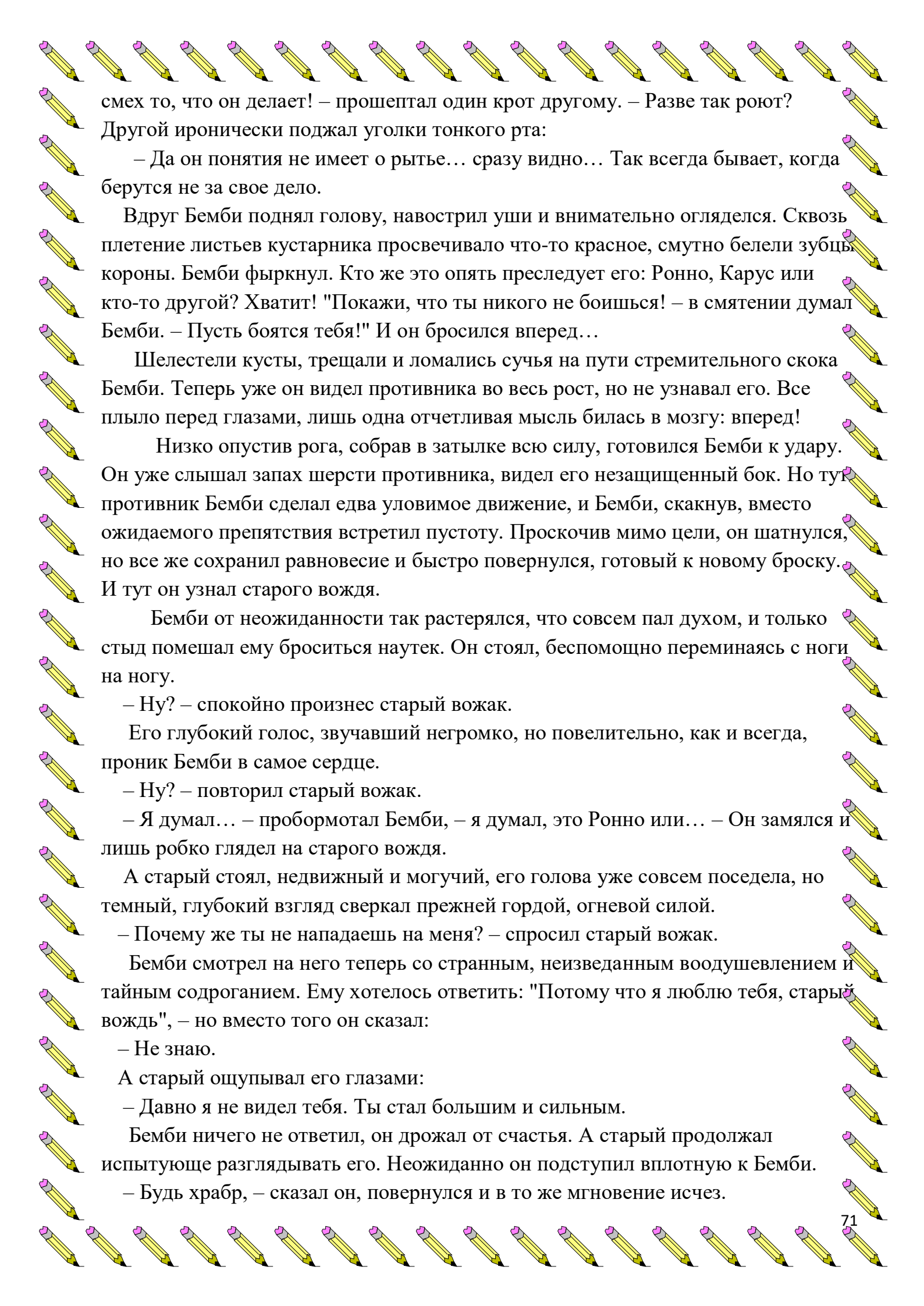
– Извините, пожалуйста, – произнес он запинаясь. – Я сделал это не со зла.

– О, пожалуйста! Конечно же, это было не со зла. Но мой муж и я – мы такие
нервные сейчас. Вы же сами понимаете...

Бемби ничего не понял и побрел дальше. Лес пел вокруг него. Солнце
позолотило и нагрело воздух, а кустарники, травы и тихо дымящаяся росистыми
испарениями земля остро заблагоухали. Молодая сила разлилась по телу Бемби,
и он двинулся вперед каким-то особенно упругим, пружинистым шагом.

Вот он приблизился к кусту бузины и, высоко вскидывая колени, стал рыть
землю, разбрасывая во все стороны черные, жирные комья. Его тонкие, остро
раздвоенные копытца скашивали росшую у подножия бузины траву, заячью
капустку, подснежники, фиалки и отгребали их прочь, пока не обнажилась
темная, взрыхленная земля.

Два крота, работавших над своими ходами в развилке корня старой
бирючины, с любопытством уставились на Бемби. – Однако... Это же курам на

смех то, что он делает! – прошептал один крот другому. – Разве так роют?

Другой иронически поджал уголки тонкого рта:

– Да он понятия не имеет о рытье... сразу видно... Так всегда бывает, когда берутся не за свое дело.

Вдруг Бемби поднял голову, наострил уши и внимательно огляделся. Сквозь плетение листьев кустарника просвечивало что-то красное, смутно белели зубцы короны. Бемби фыркнул. Кто же это опять преследует его: Ронно, Карус или кто-то другой? Хватит! "Покажи, что ты никого не боишься! – в смятении думал Бемби. – Пусть боятся тебя!" И он бросился вперед...

Шелестели кусты, трещали и ломались сучья на пути стремительного скака Бемби. Теперь уже он видел противника во весь рост, но не узнавал его. Все плыло перед глазами, лишь одна отчетливая мысль билась в мозгу: вперед!

Низко опустив рога, собрав в затылке всю силу, готовился Бемби к удару. Он уже слышал запах шерсти противника, видел его незащищенный бок. Но тут противник Бемби сделал едва уловимое движение, и Бемби, скакнув, вместо ожидаемого препятствия встретил пустоту. Проскочив мимо цели, он шатнулся, но все же сохранил равновесие и быстро повернулся, готовый к новому броску. И тут он узнал старого вождя.

Бемби от неожиданности так растерялся, что совсем пал духом, и только стыд помешал ему броситься наутек. Он стоял, беспомощно переминаясь с ноги на ногу.

– Ну? – спокойно произнес старый вожак.

Его глубокий голос, звучавший негромко, но повелительно, как и всегда, проник Бемби в самое сердце.

– Ну? – повторил старый вожак.

– Я думал... – пробормотал Бемби, – я думал, это Ронно или... – Он замялся и лишь робко глядел на старого вождя.

А старый стоял, недвижимый и могучий, его голова уже совсем поседела, но темный, глубокий взгляд сверкал прежней гордой, огневой силой.

– Почему же ты не нападаешь на меня? – спросил старый вожак.

Бемби смотрел на него теперь со странным, неизведанным воодушевлением и тайным содроганием. Ему хотелось ответить: "Потому что я люблю тебя, старый вождь", – но вместо того он сказал:

– Не знаю.

А старый ощупывал его глазами:

– Давно я не видел тебя. Ты стал большим и сильным.

Бемби ничего не ответил, он дрожал от счастья. А старый продолжал испытующе разглядывать его. Неожиданно он подступил вплотную к Бемби.

– Будь храбр, – сказал он, повернулся и в то же мгновение исчез.

Бемби же долго оставался на месте...

Настало жаркое лето. И сладкая, влекущая, уже раз испытанная тоска вновь охватила Бемби. Она пела в его крови, горячим беспокойством пронизывала тело. Он без устали блуждал по лесу в страстной и напряженной погоне за неведомым. Однажды он встретил Фалину. Встретил совсем неожиданно и, отуманенный своей странной тоской, не сразу узнал ее. И вот она стоит перед ним... Несколько секунд Бемби созерцал ее молча, затем у него вырвалось:

– Фалина, какая ты стала красивая!

– А ты все-таки узнал меня? – спросила Фалина.

– Как мог я тебя не узнать! – вскричал Бемби. – Разве мы не выросли вместе?

Фалина вздохнула:

– Мы так долго не виделись... – И добавила: – Мы стали совсем чужими друг другу. – Это было сказано ее прежним легким, непринужденным тоном.

Теперь они стояли близко друг возле друга.

– Вот этой тропинкой, – после короткого молчания начал Бемби, – мы часто ходили с мамой, когда я был еще маленьким.

– Она ведет на поляну, – сказала Фалина.

– На поляне я впервые встретил тебя! – восторженно сказал Бемби. – Ты помнишь?

– Да, – ответила Фалина, – меня и Гобо. – Она тихонько вздохнула. – Бедный Гобо! И Бемби повторил:

– Бедный Гобо!

Они стали вспоминать прошлое, то и дело, спрашивая друг друга: "А помнишь?", "А это ты помнишь?"

Оказалось, что оба помнят все. Это радовало их и удивляло.

– Там, на поляне, – вспомнил Бемби, – мы играли в "догонялку". Помнишь?

– Кажется, это было вот так... – начала Фалина и вдруг с быстротой молнии скакнула в сторону.

В первое мгновение Бемби опешил, затем закричал счастливым голосом:

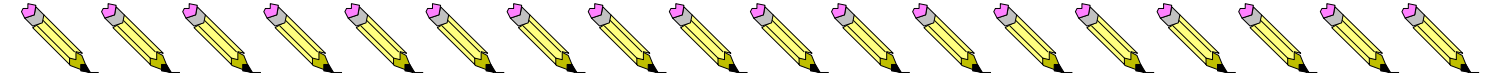
– погоди! погоди минуточку!

– Я не могу ждать, – поддразнила его Фалина. – Я очень тороплюсь. – И легкими прыжками заскакала через кусты и травы, описывая полукружья.

Бемби кинулся ей наперерез, быстро нагнал и преградил ей дорогу.

Теперь они вновь спокойно стояли рядом, болтали и смеялись. Им было легко и радостно. Внезапно Фалина высоко подпрыгнула, словно ее укололи, метнулась в сторону и вновь принялась кружить по поляне. Бемби припустил за ней. Но сейчас ему не удавалось так быстро ее поймать – Фалина ускользала.

– Подожди! – молил Бемби. – Ну, подожди же... Мне надо тебе что-то сказать!.. Фалина остановилась.

– Ну, что?.. – спросила она с любопытством.

Бемби молчал.

– Ах, вечно ты все выдумываешь! – И Фалина повернулась, будто намереваясь уйти.

– Подожди, – быстро сказал Бемби. – Я хотел... Я хотел тебя спросить... Ты любишь меня, Фалина?

Она посмотрела на него заинтересованно и выжидательно:

– Я не знаю.

– Но ты должна это знать, – настаивал Бемби. – Я же вот знаю, всем своим существом знаю, что люблю тебя. Ужасно люблю. Ну, скажи, что ты любишь меня.

– Может быть, и люблю... – ответила Фалина неуверенно.

– И ты всегда будешь со мной?

– Если ты как следует попросишь! – улыбнулась она.

– Я прошу тебя, Фалина! Любимая, дорогая, чудная моя Фалина! – вскричал Бемби. – Ты слышишь? Я прошу тебя всем сердцем!

– Ну, тогда я, конечно, буду с тобой, – нежно ответила Фалина и, кивнув ему, пошла прочь.

Восхищенный и растроганный Бемби двинулся за ней на почтительном расстоянии. Обогнув на опушке поляну, Фалина углубилась в чащу. Бемби хотел последовать за ней, но тут затрещали кусты, и перед ним предстал разъяренный Карус.

– Стой! – крикнул он.

Но, занятый одной лишь Фалиной, Бемби едва взглянул на него.

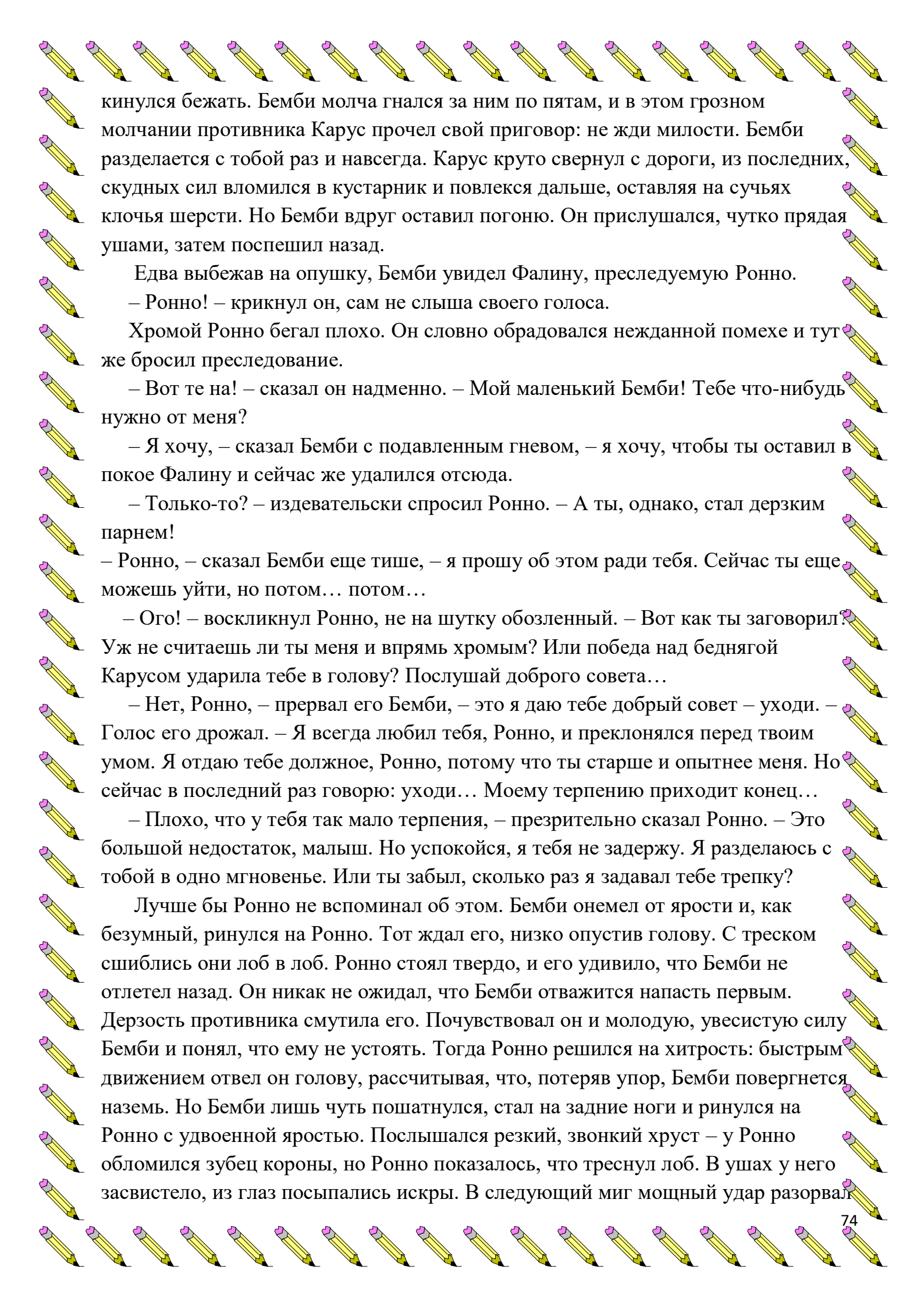
– Пусти! – сказал он торопливо. – Мне сейчас не до тебя.

– Прочь! – злобно прохрипел Карус. – Сию минуту прочь! Или я изувечу тебя! Я запрещаю тебе преследовать Фалину!

Эти слова пробудили в Бемби самые горькие, самые ненавистные воспоминания: как долго, как несправедливо, как беспощадно преследовали его, травили, мучили! Он не произнес ни слова, но вмиг, исполненный бешенства, опустил голову и ринулся на Каруса. Это был неотразимый удар. Прежде чем Карус мог сообразить, что же произошло, он уже лежал на земле. Карус тотчас вскочил, но едва он оказался на ногах, как новый мощный удар отбросил его в сторону. Карус зашатался, присел, чувствуя непривычную слабость во всех членах.

– Бемби! – крикнул он и хотел еще раз крикнуть. – Бем... – Но третий удар в лопатку едва не вышиб из него дух.

Карус отклонился в сторону, чтоб избежать очередного наскока Бемби, и вдруг странно похолодевшим сердцем понял: это гибель. Он повернулся и

кинулся бежать. Бемби молча гнался за ним по пятам, и в этом грозном молчании противника Карус прочел свой приговор: не жди милости. Бемби разделяется с тобой раз и навсегда. Карус круто свернул с дороги, из последних, скудных сил вломился в кустарник и повлекся дальше, оставляя на сучьях ключья шерсти. Но Бемби вдруг оставил погоню. Он прислушался, чутко прядая ушами, затем поспешил назад.

Едва выбежав на опушку, Бемби увидел Фалину, преследуемую Ронно.

– Ронно! – крикнул он, сам не слыша своего голоса.

Хромой Ронно бегал плохо. Он словно обрадовался неожиданной помехе и тут же бросил преследование.

– Вот те на! – сказал он надменно. – Мой маленький Бемби! Тебе что-нибудь нужно от меня?

– Я хочу, – сказал Бемби с подавленным гневом, – я хочу, чтобы ты оставил в покое Фалину и сейчас же удалился отсюда.

– Только-то? – издевательски спросил Ронно. – А ты, однако, стал дерзким парнем!

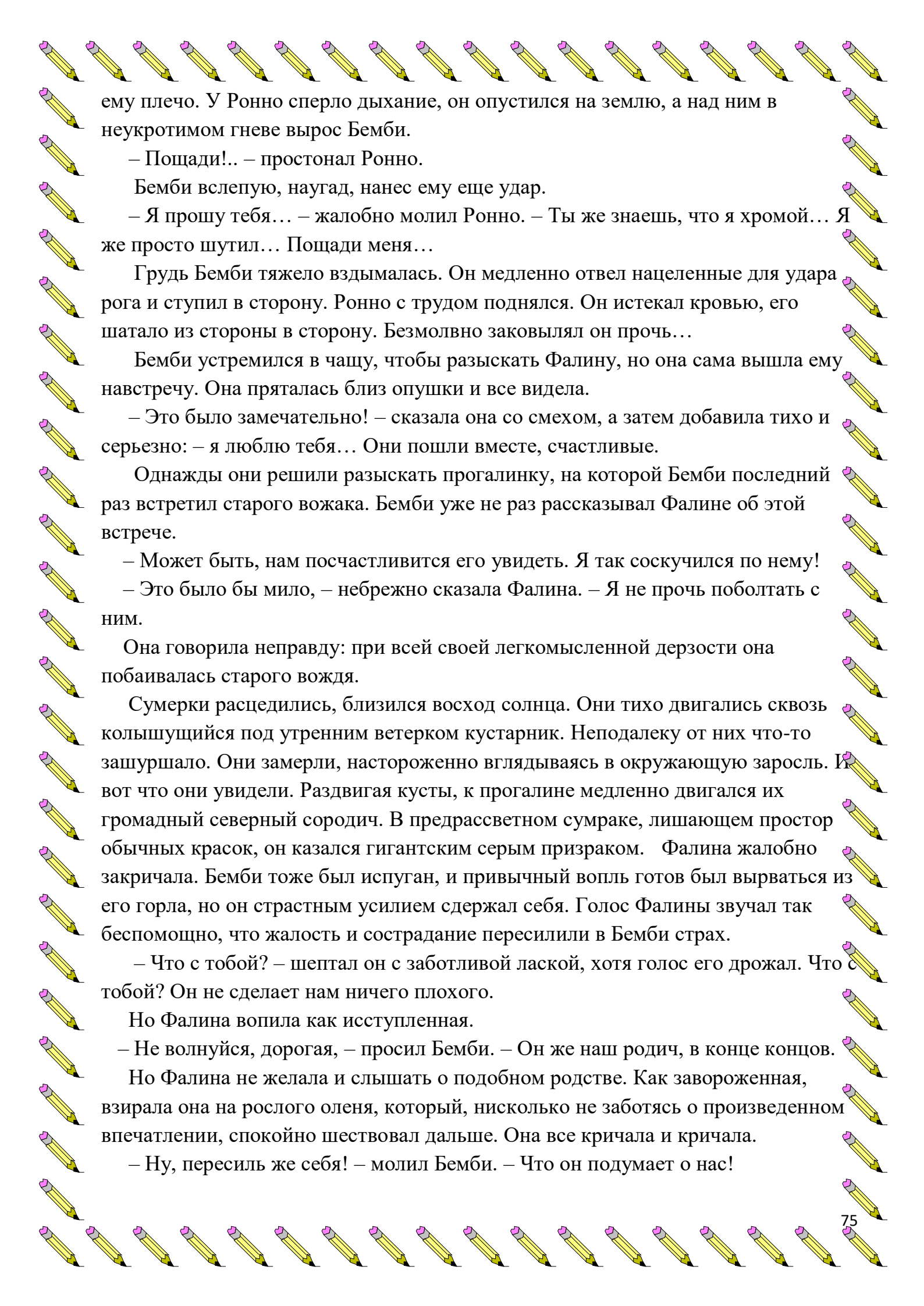
– Ронно, – сказал Бемби еще тише, – я прошу об этом ради тебя. Сейчас ты еще можешь уйти, но потом... потом...

– Ого! – воскликнул Ронно, не на шутку обозленный. – Вот как ты заговорил! Уж не считаешь ли ты меня и впрямь хромым? Или победа над беднягой Карусом ударила тебе в голову? Послушай доброго совета...

– Нет, Ронно, – прервал его Бемби, – это я даю тебе добрый совет – уходи. – Голос его дрожал. – Я всегда любил тебя, Ронно, и преклонялся перед твоим умом. Я отдаю тебе должное, Ронно, потому что ты старше и опытнее меня. Но сейчас в последний раз говорю: уходи... Моему терпению приходит конец...

– Плохо, что у тебя так мало терпения, – презрительно сказал Ронно. – Это большой недостаток, малыш. Но успокойся, я тебя не задержу. Я разделяюсь с тобой в одно мгновение. Или ты забыл, сколько раз я задавал тебе трепку?

Лучше бы Ронно не вспоминал об этом. Бемби онемел от ярости и, как безумный, ринулся на Ронно. Тот ждал его, низко опустив голову. С треском сшиблись они лоб в лоб. Ронно стоял твердо, и его удивило, что Бемби не отлетел назад. Он никак не ожидал, что Бемби отважится напасть первым. Дерзость противника смутила его. Почувствовал он и молодую, увесистую силу Бемби и понял, что ему не устоять. Тогда Ронно решился на хитрость: быстрым движением отвел он голову, рассчитывая, что, потеряв упор, Бемби повергнется наземь. Но Бемби лишь чуть пошатнулся, стал на задние ноги и ринулся на Ронно с удвоенной яростью. Послышался резкий, звонкий хруст – у Ронно обломился зубец короны, но Ронно показалось, что треснул лоб. В ушах у него засвистело, из глаз посыпались искры. В следующий миг мощный удар разорвал

ему плечо. У Ронно сперло дыхание, он опустился на землю, а над ним в неукротимом гневе вырос Бемби.

– Пощади!.. – простонал Ронно.

Бемби вслепую, наугад, нанес ему еще удар.

– Я прошу тебя... – жалобно молил Ронно. – Ты же знаешь, что я хромым... Я же просто шутил... Пощади меня...

Грудь Бемби тяжело вздымалась. Он медленно отвел нацеленные для удара рога и ступил в сторону. Ронно с трудом поднялся. Он истекал кровью, его шатало из стороны в сторону. Безмолвно заковылял он прочь...

Бемби устремился в чащу, чтобы разыскать Фалину, но она сама вышла ему навстречу. Она пряталась близ опушки и все видела.

– Это было замечательно! – сказала она со смехом, а затем добавила тихо и серьезно: – я люблю тебя... Они пошли вместе, счастливые.

Однажды они решили разыскать прогалинку, на которой Бемби последний раз встретил старого вожака. Бемби уже не раз рассказывал Фалине об этой встрече.

– Может быть, нам посчастливится его увидеть. Я так соскучился по нему!

– Это было бы мило, – небрежно сказала Фалина. – Я не прочь поболтать с ним.

Она говорила неправду: при всей своей легкомысленной дерзости она побаивалась старого вождя.

Сумерки расцедились, близился восход солнца. Они тихо двигались сквозь колышущийся под утренним ветерком кустарник. Неподалеку от них что-то зашуршало. Они замерли, настороженно вглядываясь в окружающую заросль. И вот что они увидели. Раздвигая кусты, к прогалине медленно двигался их громадный северный сородич. В предрассветном сумраке, лишаящем простор обычных красок, он казался гигантским серым призраком. Фалина жалобно закричала. Бемби тоже был испуган, и привычный вопль готов был вырваться из его горла, но он страстным усилием сдержал себя. Голос Фалины звучал так беспомощно, что жалость и сострадание пересилили в Бемби страх.

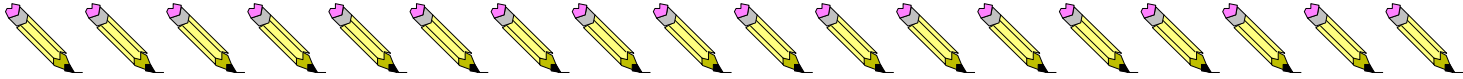
– Что с тобой? – шептал он с заботливой лаской, хотя голос его дрожал. Что с тобой? Он не сделает нам ничего плохого.

Но Фалина вопила как иступленная.

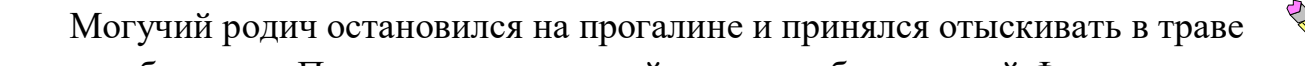
– Не волнуйся, дорогая, – просил Бемби. – Он же наш родич, в конце концов.

Но Фалина не желала и слышать о подобном родстве. Как замороженная, взирала она на рослого оленя, который, нисколько не заботясь о произведенном впечатлении, спокойно шествовал дальше. Она все кричала и кричала.

– Ну, пересиль же себя! – молил Бемби. – Что он подумает о нас!

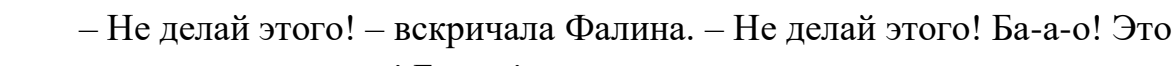
– Пусть думает что угодно! – воскликнула Фалина, не в силах овладеть собой.
– А-а-о!.. Ба-а-о!.. А-а-о! Это чересчур быть таким громадным!.. – Она продолжала вопить во все горло: – А-а-о!.. Ба-а-о!.. – а в промежутках между выкриками бросала Бемби: – Оставь меня в покое! Я не могу иначе! А-а-о!.. Ба-а-о!..

Могучий родич остановился на прогалине и принялся отыскивать в траве сочные былинки. Переводя растерянный взгляд с обезумевшей Фалины на спокойного, равнодушного богатыря, Бемби испытывал какое-то новое, незнакомое чувство. Успокаивая Фалину, он преодолел собственный страх, и сейчас ему было непонятно, как мог он раньше так теряться при встрече с этими высокородными.

– Глупо!.. Стыдно!.. – произнес он в сердцах. – Сейчас я пойду и познакомлюсь с ним.

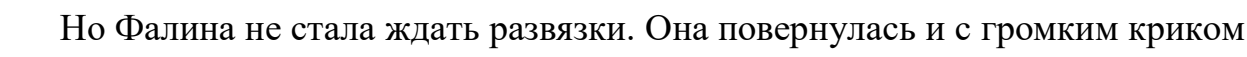
– Не делай этого! – вскричала Фалина. – Не делай этого! Ба-а-о! Это принесет нам несчастье! Ба-а-о!

– Я сделаю это непременно, – твердо возразил Бемби. Его оскорбляло и унижало высокомерное спокойствие оленя, не обращавшего на них никакого внимания.

– Я иду к нему, – сказал он. – А ты постарайся успокоиться, Фалина. Увидишь, все будет хорошо. – И он действительно пошел.

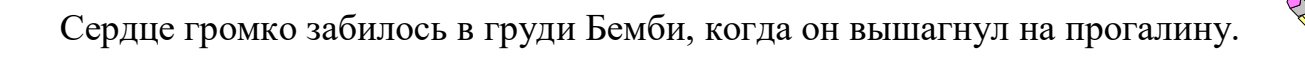
Но Фалина не стала ждать развязки. Она повернулась и с громким криком побежала прочь. Долго звучал ее голос:

– Ба-а-о!.. Ба-а-о!..

По чести говоря, Бемби охотно последовал бы ее примеру, но это уже было невозможно. Собравшись с духом, он пошел вперед.

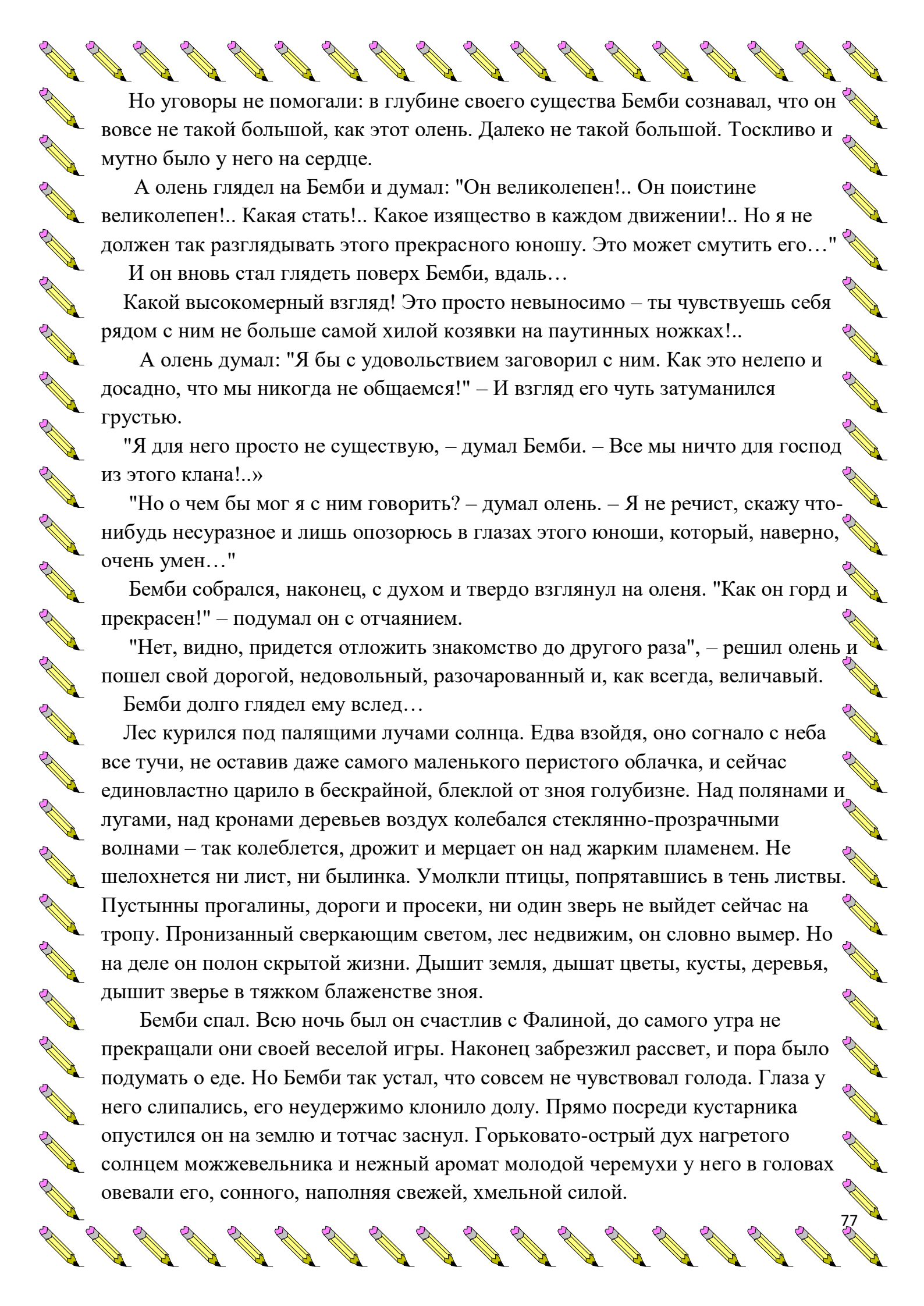
Сердце громко забилося в груди Бемби, когда он вышагнул на прогалину. Могучий олень вскинул голову, глянул на пришельца сверху вниз и тотчас же отвел взгляд. Высокомерие сказывалось в каждом его движении. И в том, как он смерил Бемби взглядом, и в том, как глядел вдаль поверх его головы.

Бемби растерялся, у него было твердое намерение заговорить с оленем. "Доброе утро, – хотел он сказать, – меня зовут Бемби. Могу ли спросить о вашем почтенном имени?" Вот и все! Но как же не просто оказалось это на деле! Приличие обязывало Бемби заговорить первым, раз он подошел к оленю, но боязнь показаться навязчивым затыкала ему рот.

Олень стоял величественный и неприступный, вид его сковывал, подавлял Бемби. Тщетно пытался он стряхнуть с себя эту странную оцепенелость, тщетно твердил себе: "Почему я робею? Я почти такой же большой, как он... Я такой же большой, как он..."

Но уговоры не помогали: в глубине своего существа Бемби сознавал, что он вовсе не такой большой, как этот олень. Далеко не такой большой. Тоскливо и мутно было у него на сердце.

А олень глядел на Бемби и думал: "Он великолепен!.. Он поистине великолепен!.. Какая стать!.. Какое изящество в каждом движении!.. Но я не должен так разглядывать этого прекрасного юношу. Это может смутить его..."

И он вновь стал глядеть поверх Бемби, вдаль...

Какой высокомерный взгляд! Это просто невыносимо – ты чувствуешь себя рядом с ним не больше самой хилой козявки на паутинных ножках!..

А олень думал: "Я бы с удовольствием заговорил с ним. Как это нелепо и досадно, что мы никогда не общаемся!" – И взгляд его чуть затуманился грустью.

"Я для него просто не существую, – думал Бемби. – Все мы ничто для господ из этого клана!..»

"Но о чем бы мог я с ним говорить? – думал олень. – Я не речист, скажу что-нибудь несурзкое и лишь опозорюсь в глазах этого юноши, который, наверно, очень умен..."

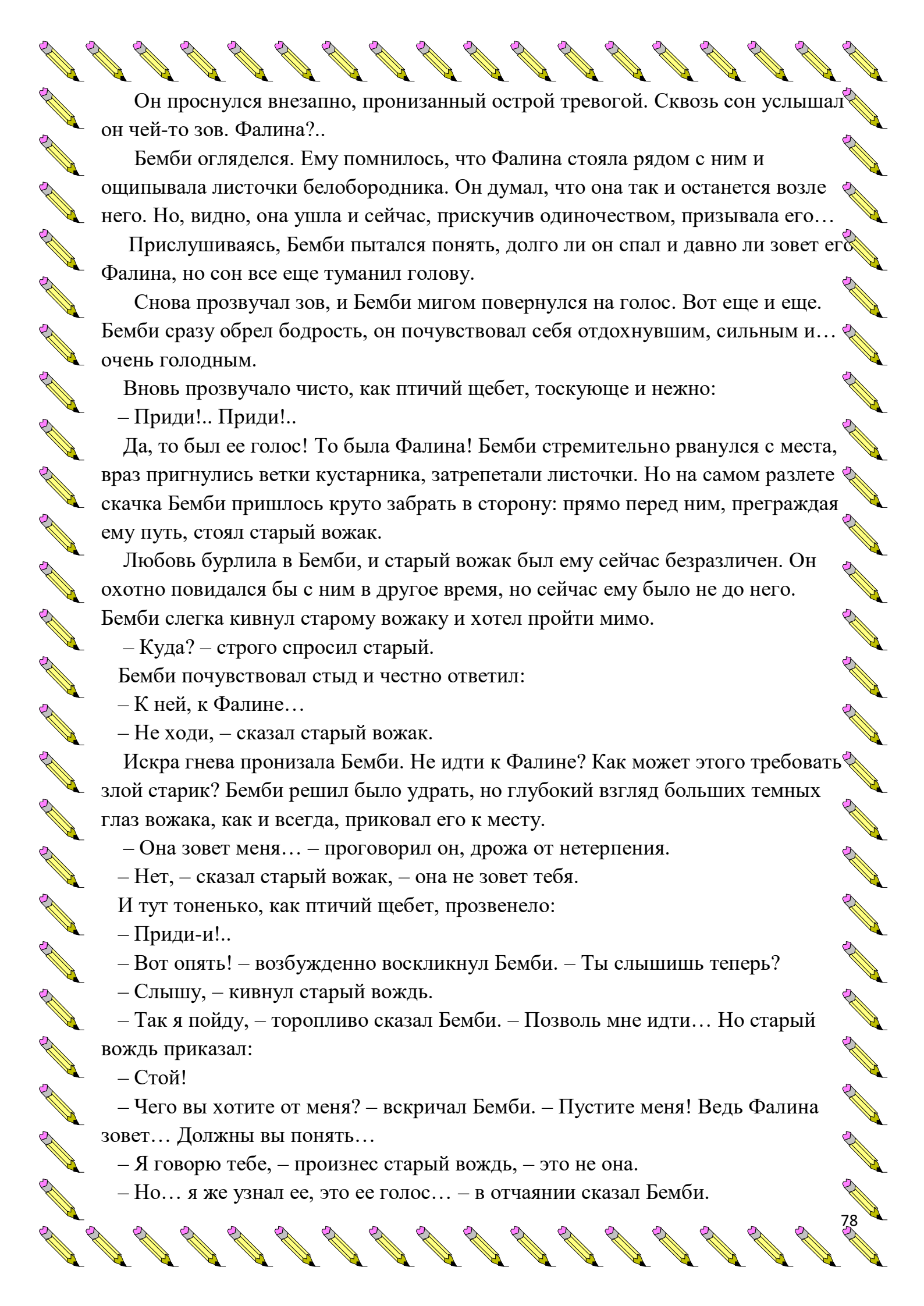
Бемби собрался, наконец, с духом и твердо взглянул на оленя. "Как он горд и прекрасен!" – подумал он с отчаянием.

"Нет, видно, придется отложить знакомство до другого раза", – решил олень и пошел свой дорогой, недовольный, разочарованный и, как всегда, величавый.

Бемби долго глядел ему вслед...

Лес курился под палящими лучами солнца. Едва взойдя, оно согнало с неба все тучи, не оставив даже самого маленького перистого облачка, и сейчас единовластно царило в бескрайной, блеклой от зноя голубизне. Над полянами и лугами, над кронами деревьев воздух колебался стеклянно-прозрачными волнами – так колеблется, дрожит и мерцает он над жарким пламенем. Не шелохнется ни лист, ни былинка. Умолкли птицы, попрятавшись в тень листвы. Пустынны прогалины, дороги и просеки, ни один зверь не выйдет сейчас на тропу. Пронизанный сверкающим светом, лес недвижим, он словно вымер. Но на деле он полон скрытой жизни. Дышит земля, дышат цветы, кусты, деревья, дышит зверье в тяжком блаженстве зноя.

Бемби спал. Всю ночь был он счастлив с Фалиной, до самого утра не прекращали они своей веселой игры. Наконец забрезжил рассвет, и пора было подумать о еде. Но Бемби так устал, что совсем не чувствовал голода. Глаза у него слипались, его неудержимо клонило долу. Прямо посреди кустарника опустился он на землю и тотчас заснул. Горьковато-острый дух нагретого солнцем можжевельника и нежный аромат молодой черемухи у него в головах оведали его, сонного, наполняя свежей, хмельной силой.

Он проснулся внезапно, пронизанный острой тревогой. Сквозь сон услышал он чей-то зов. Фалина?..

Бемби огляделся. Ему помнилось, что Фалина стояла рядом с ним и ощипывала листочки белобородника. Он думал, что она так и останется возле него. Но, видно, она ушла и сейчас, прискучив одиночеством, призывала его...

Прислушиваясь, Бемби пытался понять, долго ли он спал и давно ли зовет его Фалина, но сон все еще туманил голову.

Снова прозвучал зов, и Бемби мигом повернулся на голос. Вот еще и еще. Бемби сразу обрел бодрость, он почувствовал себя отдохнувшим, сильным и... очень голодным.

Вновь прозвучало чисто, как птичий щебет, тоскующе и нежно:

– Приди!.. Приди!..

Да, то был ее голос! То была Фалина! Бемби стремительно рванулся с места, враз пригнулись ветки кустарника, затрепетали листочки. Но на самом разлете скачка Бемби пришлось круто забрать в сторону: прямо перед ним, преграждая ему путь, стоял старый вожак.

Любовь бурлила в Бемби, и старый вожак был ему сейчас безразличен. Он охотно повидался бы с ним в другое время, но сейчас ему было не до него. Бемби слегка кивнул старому вожаку и хотел пройти мимо.

– Куда? – строго спросил старый.

Бемби почувствовал стыд и честно ответил:

– К ней, к Фалине...

– Не ходи, – сказал старый вожак.

Искра гнева пронизала Бемби. Не идти к Фалине? Как может этого требовать злой старик? Бемби решил было удрать, но глубокий взгляд больших темных глаз вожака, как и всегда, приковал его к месту.

– Она зовет меня... – проговорил он, дрожа от нетерпения.

– Нет, – сказал старый вожак, – она не зовет тебя.

И тут тоненько, как птичий щебет, прозвенело:

– Приди-и!..

– Вот опять! – возбужденно воскликнул Бемби. – Ты слышишь теперь?

– Слышу, – кивнул старый вождь.

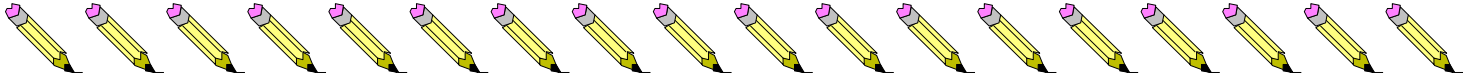
– Так я пойду, – торопливо сказал Бемби. – Позволь мне идти... Но старый вождь приказал:

– Стой!

– Чего вы хотите от меня? – вскричал Бемби. – Пустите меня! Ведь Фалина зовет... Должны вы понять...

– Я говорю тебе, – произнес старый вождь, – это не она.

– Но... я же узнал ее, это ее голос... – в отчаянии сказал Бемби.

– Послушай меня... – начал было старый вождь. Но тут снова прозвучал зов, и Бемби показалось, что земля горит у него под ногами.

– Пустите! – взмолился он. – Я скоро, я сразу же вернусь!..

– Нет, – печально сказал старый вождь. – Ты не вернешься. Никогда! Снова прозвучал зов.

– Я должен идти... Должен!.. – вне себя бормотал Бемби.

– Хорошо же, – печально сказал старый вождь, – мы пойдем вместе.

– Быстрее!.. – крикнул Бемби и прыгнул вперед.

– Не спеши! – повелительно сказал старый вождь. – Ты пойдешь позади меня. След в след.

Старый вождь двинулся вперед, и Бемби, нетерпеливо вздыхая, последовал за ним.

– Слушай, – говорил старый вождь, – какой бы ты ни слышал зов, оставайся при мне. Если это Фалина, она никуда от тебя не уйдет. Но это не Фалина. Верь мне и подчиняйся. Бемби молчал, он словно онемел от горя.

Медленно продвигались они вперед. О, старый знал, как надо ходить! Шаг его был беззвучен, ни один лист не шелохнулся на их пути, ни один сучок не хрустнул. А ведь старый пробирался сквозь густой кустарник, сквозь частое плетение зарослей. И Бемби, несмотря на все свое нетерпение, восхищался старым и пытался подражать ему.

Вновь и вновь звучал тоскующий призыв. Вдруг старый вождь резко забрал вправо. Бемби понял, что тот ведет в обход, и эта ненужная задержка привела его в отчаяние.

– При-и-ди!.. – слышалось снова, но теперь голос уже звучал в стороне.

Как ни мучительно текло время, но они все ближе и ближе подходили к голосу, неутомимо славшему в простор свой нежный призыв.

– Что бы ты ни увидел, – тихо сказал старый, – не двигайся... Слышишь?.. Внимательно следи за мной и делай то же, что и я... и не поддавайся страху...

Еще несколько шагов – и вдруг резкий, возбуждающий, хорошо знакомый запах ударил Бемби в ноздри. Он глотнул его так много, что едва удержался от вскрика. Как пригвожденный, замер он на месте, сердце его билось у самого горла.

Старый вождь хранил полное спокойствие.

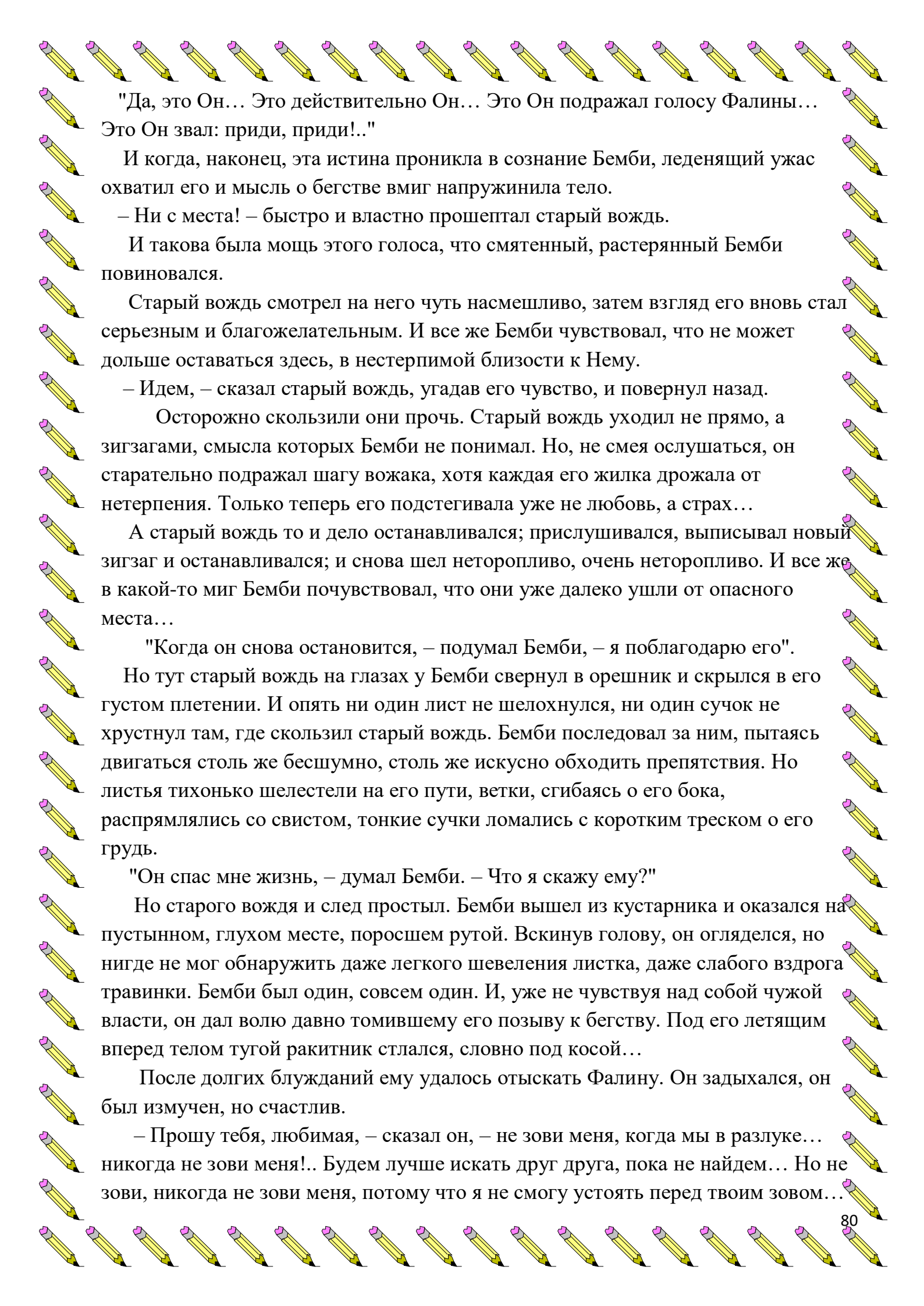
"Там!" – указал он Бемби взглядом.

А там, прислонившись к стволу дуба, полускрытый кустами орешника, совсем близко от них, стоял Он и тихонько звал:

– Приди!.. Приди!..

Его широкая спина была обращена к оленям, лицо оставалось скрытым.

Бемби был потрясен, он раз за разом повторял себе:

"Да, это Он... Это действительно Он... Это Он подражал голосу Фалины... Это Он звал: приди, приди!.."

И когда, наконец, эта истина проникла в сознание Бемби, леденящий ужас охватил его и мысль о бегстве вмиг напряжила тело.

– Ни с места! – быстро и властно прошептал старый вождь.

И такова была мощь этого голоса, что смятенный, растерянный Бемби повиновался.

Старый вождь смотрел на него чуть насмешливо, затем взгляд его вновь стал серьезным и благожелательным. И все же Бемби чувствовал, что не может дольше оставаться здесь, в нестерпимой близости к Нему.

– Идем, – сказал старый вождь, угадав его чувство, и повернул назад.

Осторожно скользили они прочь. Старый вождь уходил не прямо, а зигзагами, смысла которых Бемби не понимал. Но, не смея ослушаться, он старательно подражал шагу вожака, хотя каждая его жилка дрожала от нетерпения. Только теперь его подстегивала уже не любовь, а страх...

А старый вождь то и дело останавливался; прислушивался, выписывал новый зигзаг и останавливался; и снова шел неторопливо, очень неторопливо. И все же в какой-то миг Бемби почувствовал, что они уже далеко ушли от опасного места...

"Когда он снова остановится, – подумал Бемби, – я поблагодарю его".

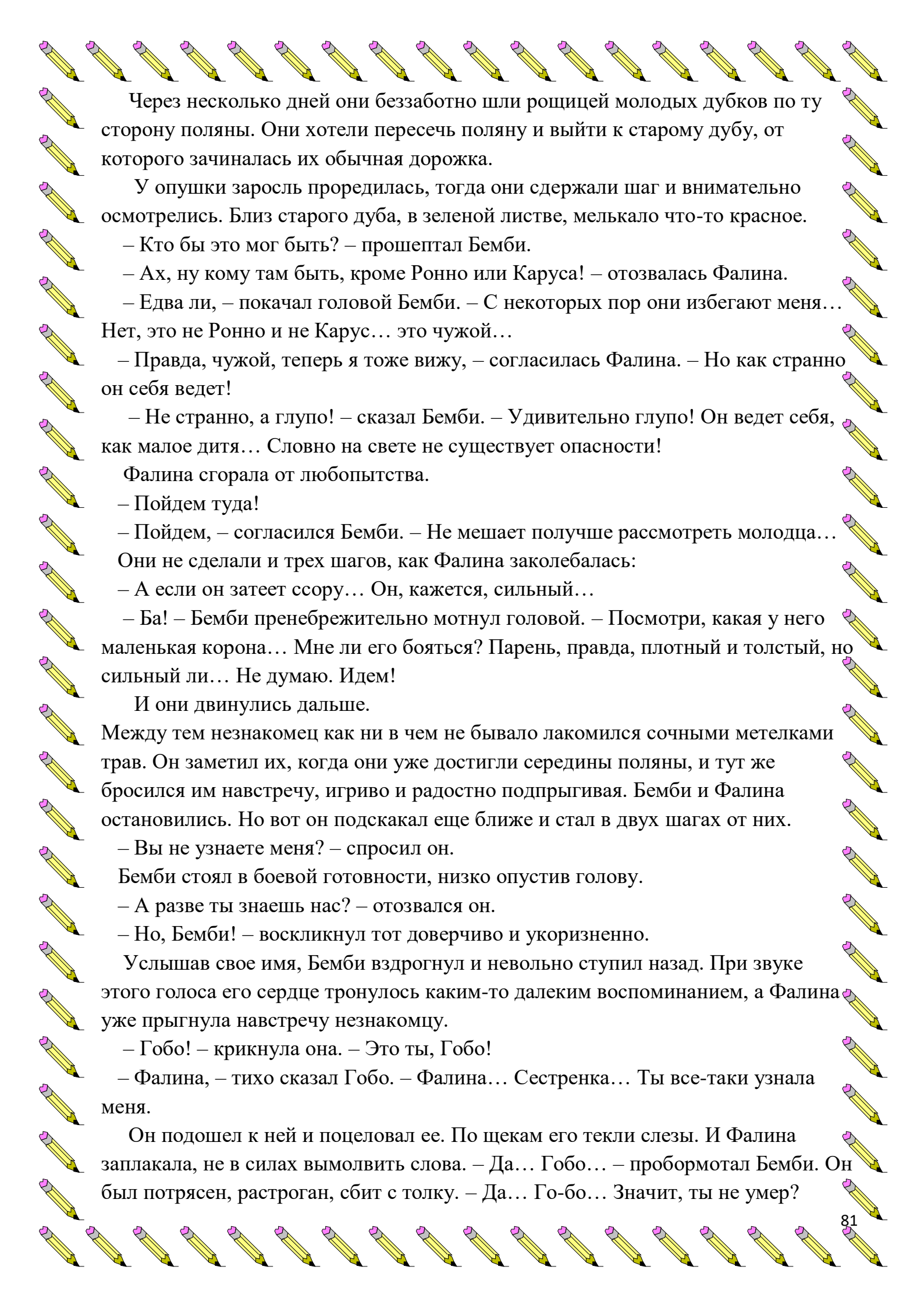
Но тут старый вождь на глазах у Бемби свернул в орешник и скрылся в его густом плетении. И опять ни один лист не шелохнулся, ни один сучок не хрустнул там, где скользил старый вождь. Бемби последовал за ним, пытаясь двигаться столь же бесшумно, столь же искусно обходить препятствия. Но листья тихонько шелестели на его пути, ветки, сгибаясь о его бока, распрямлялись со свистом, тонкие сучки ломались с коротким треском о его грудь.

"Он спас мне жизнь, – думал Бемби. – Что я скажу ему?"

Но старого вождя и след простыл. Бемби вышел из кустарника и оказался на пустынном, глухом месте, поросшем рутей. Вскинув голову, он огляделся, но нигде не мог обнаружить даже легкого шевеления листка, даже слабого вздрoga травинки. Бемби был один, совсем один. И, уже не чувствуя над собой чужой власти, он дал волю давно томившему его позыву к бегству. Под его летящим вперед телом тугой раakitник стлался, словно под косой...

После долгих блужданий ему удалось отыскать Фалину. Он задыхался, он был измучен, но счастлив.

– Прощу тебя, любимая, – сказал он, – не зови меня, когда мы в разлуке... никогда не зови меня!.. Будем лучше искать друг друга, пока не найдем... Но не зови, никогда не зови меня, потому что я не смогу устоять перед твоим зовом...

Через несколько дней они беззаботно шли рощицей молодых дубков по ту сторону поляны. Они хотели пересечь поляну и выйти к старому дубу, от которого зачиналась их обычная дорожка.

У опушки заросль проредилась, тогда они сдержали шаг и внимательно осмотрелись. Близ старого дуба, в зеленой листве, мелькало что-то красное.

– Кто бы это мог быть? – прошептал Бемби.

– Ах, ну кому там быть, кроме Ронно или Каруса! – отозвалась Фалина.

– Едва ли, – покачал головой Бемби. – С некоторых пор они избегают меня... Нет, это не Ронно и не Карус... это чужой...

– Правда, чужой, теперь я тоже вижу, – согласилась Фалина. – Но как странно он себя ведет!

– Не странно, а глупо! – сказал Бемби. – Удивительно глупо! Он ведет себя, как малое дитя... Словно на свете не существует опасности!

Фалина сторала от любопытства.

– Пойдем туда!

– Пойдем, – согласился Бемби. – Не мешает получше рассмотреть молодца...

Они не сделали и трех шагов, как Фалина заколебалась:

– А если он затеет ссору... Он, кажется, сильный...

– Ба! – Бемби пренебрежительно мотнул головой. – Посмотри, какая у него маленькая корона... Мне ли его бояться? Парень, правда, плотный и толстый, но сильный ли... Не думаю. Идем!

И они двинулись дальше.

Между тем незнакомец как ни в чем не бывало лакомился сочными метелками трав. Он заметил их, когда они уже достигли середины поляны, и тут же бросился им навстречу, игриво и радостно подпрыгивая. Бемби и Фалина остановились. Но вот он подскакал еще ближе и стал в двух шагах от них.

– Вы не узнаете меня? – спросил он.

Бемби стоял в боевой готовности, низко опустив голову.

– А разве ты знаешь нас? – отозвался он.

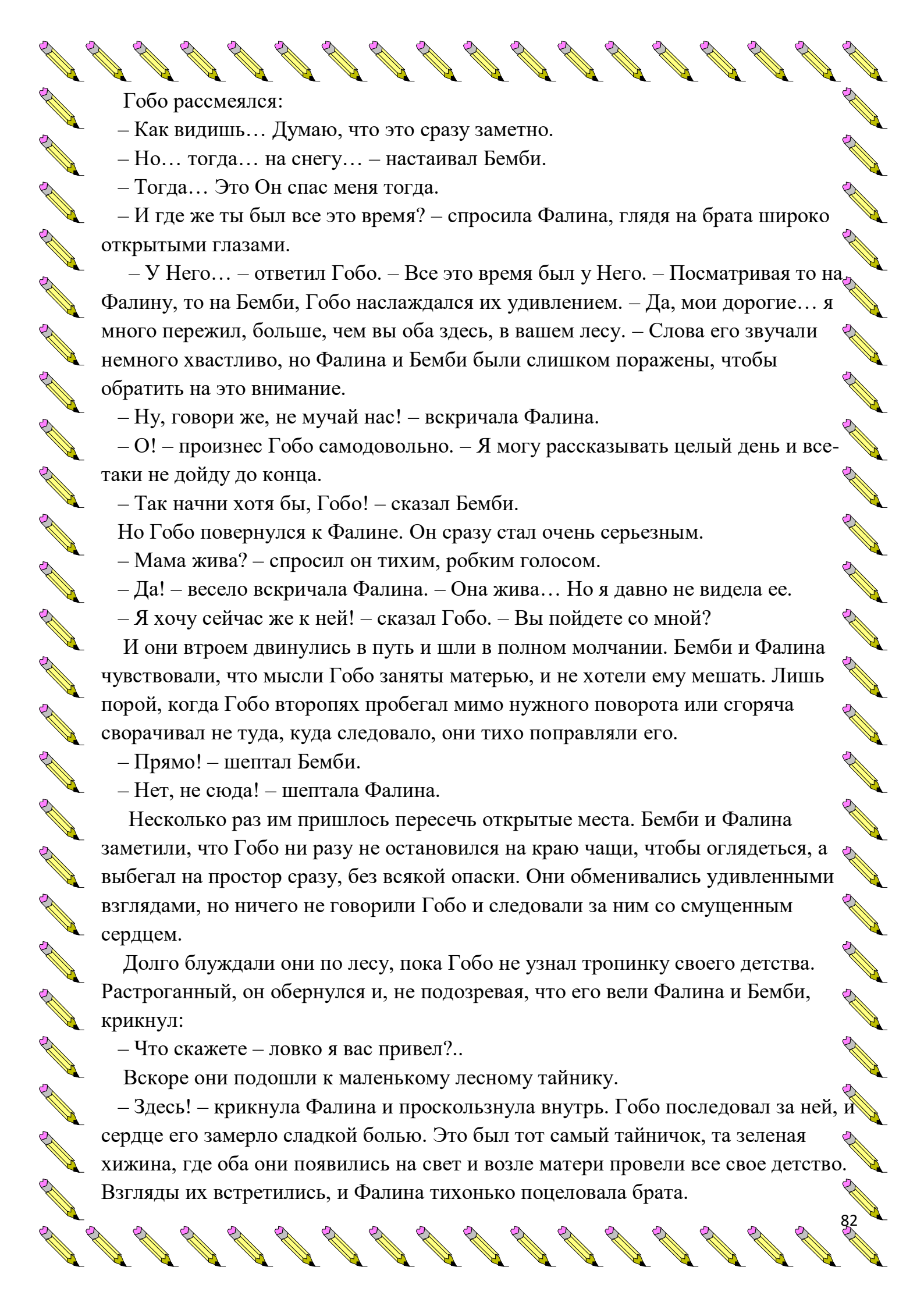
– Но, Бемби! – воскликнул тот доверчиво и укоризненно.

Услышав свое имя, Бемби вздрогнул и невольно ступил назад. При звуке этого голоса его сердце тронулось каким-то далеким воспоминанием, а Фалина уже прыгнула навстречу незнакомцу.

– Гобо! – крикнула она. – Это ты, Гобо!

– Фалина, – тихо сказал Гобо. – Фалина... Сестренка... Ты все-таки узнала меня.

Он подошел к ней и поцеловал ее. По щекам его текли слезы. И Фалина заплакала, не в силах вымолвить слова. – Да... Гобо... – пробормотал Бемби. Он был потрясен, растроган, сбит с толку. – Да... Го-бо... Значит, ты не умер?

Гобо рассмеялся:

– Как видишь... Думаю, что это сразу заметно.

– Но... тогда... на снегу... – настаивал Бемби.

– Тогда... Это Он спас меня тогда.

– И где же ты был все это время? – спросила Фалина, глядя на брата широко открытыми глазами.

– У Него... – ответил Гобо. – Все это время был у Него. – Посматривая то на Фалину, то на Бемби, Гобо наслаждался их удивлением. – Да, мои дорогие... я много пережил, больше, чем вы оба здесь, в вашем лесу. – Слова его звучали немного хвастливо, но Фалина и Бемби были слишком поражены, чтобы обратить на это внимание.

– Ну, говори же, не мучай нас! – вскричала Фалина.

– О! – произнес Гобо самодовольно. – Я могу рассказывать целый день и все-таки не дойду до конца.

– Так начни хотя бы, Гобо! – сказал Бемби.

Но Гобо повернулся к Фалине. Он сразу стал очень серьезным.

– Мама жива? – спросил он тихим, робким голосом.

– Да! – весело вскричала Фалина. – Она жива... Но я давно не видела ее.

– Я хочу сейчас же к ней! – сказал Гобо. – Вы пойдете со мной?

И они втроем двинулись в путь и шли в полном молчании. Бемби и Фалина чувствовали, что мысли Гобо заняты матерью, и не хотели ему мешать. Лишь порой, когда Гобо второпях пробежал мимо нужного поворота или сгоряча сворачивал не туда, куда следовало, они тихо поправляли его.

– Прямо! – шептал Бемби.

– Нет, не сюда! – шептала Фалина.

Несколько раз им пришлось пересечь открытые места. Бемби и Фалина заметили, что Гобо ни разу не остановился на краю чащи, чтобы оглядеться, а выбегал на простор сразу, без всякой опаски. Они обменивались удивленными взглядами, но ничего не говорили Гобо и следовали за ним со смущенным сердцем.

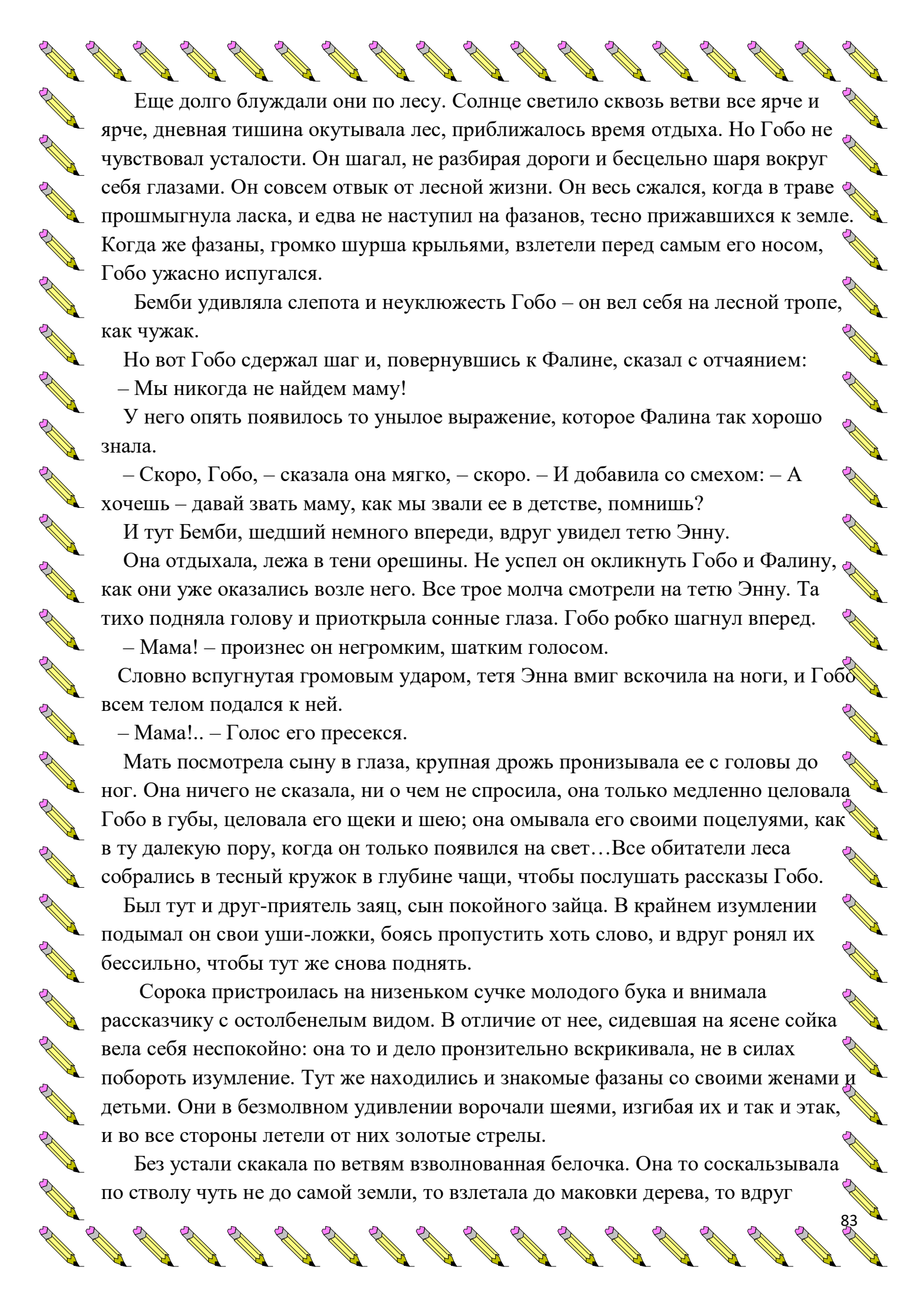
Долго блуждали они по лесу, пока Гобо не узнал тропинку своего детства. Растроганный, он обернулся и, не подозревая, что его вели Фалина и Бемби, крикнул:

– Что скажете – ловко я вас привел?..

Вскоре они подошли к маленькому лесному тайнику.

– Здесь! – крикнула Фалина и проскользнула внутрь. Гобо последовал за ней, и сердце его замерло сладкой болью. Это был тот самый тайничок, та зеленая хижина, где оба они появились на свет и возле матери провели все свое детство.

Взгляды их встретились, и Фалина тихонько поцеловала брата.

Еще долго блуждали они по лесу. Солнце светило сквозь ветви все ярче и ярче, дневная тишина окутывала лес, приближалось время отдыха. Но Гобо не чувствовал усталости. Он шагал, не разбирая дороги и бесцельно шаря вокруг себя глазами. Он совсем отвык от лесной жизни. Он весь сжался, когда в траве прошмыгнула ласка, и едва не наступил на фазанов, тесно прижавшихся к земле. Когда же фазаны, громко шурша крыльями, взлетели перед самым его носом, Гобо ужасно испугался.

Бемби удивляла слепота и неуклюжесть Гобо – он вел себя на лесной тропе, как чужак.

Но вот Гобо сдержал шаг и, повернувшись к Фалине, сказал с отчаянием:
– Мы никогда не найдем маму!

У него опять появилось то унылое выражение, которое Фалина так хорошо знала.

– Скоро, Гобо, – сказала она мягко, – скоро. – И добавила со смехом: – А хочешь – давай звать маму, как мы звали ее в детстве, помнишь?

И тут Бемби, шедший немного впереди, вдруг увидел тетю Энну.

Она отдыхала, лежа в тени орешины. Не успел он окликнуть Гобо и Фалину, как они уже оказались возле него. Все трое молча смотрели на тетю Энну. Та тихо подняла голову и приоткрыла сонные глаза. Гобо робко шагнул вперед.

– Мама! – произнес он негромким, шатким голосом.

Словно вспугнутая громовым ударом, тетя Энна вмиг вскочила на ноги, и Гобо всем телом подался к ней.

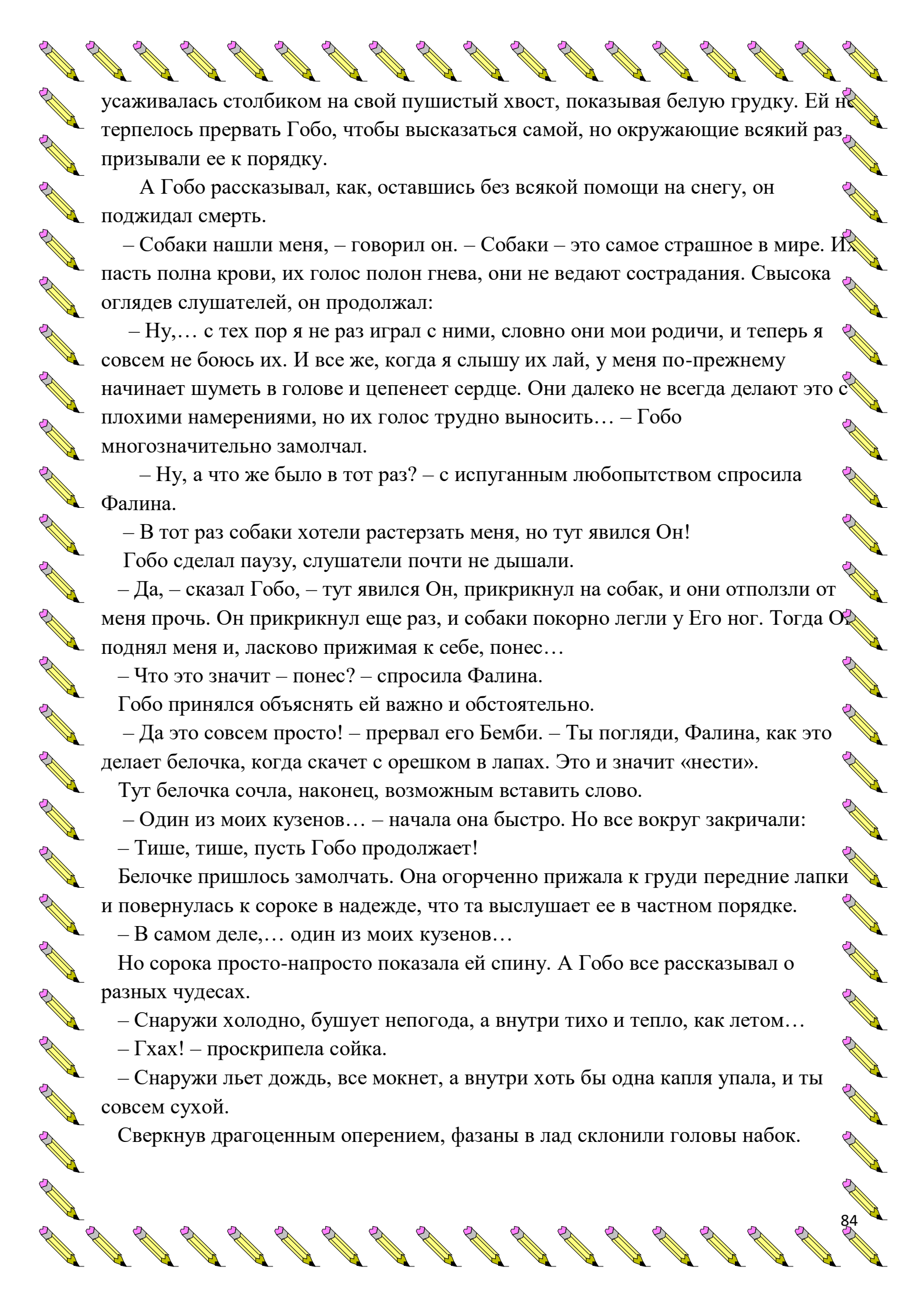
– Мама!.. – Голос его пресекался.

Мать посмотрела сыну в глаза, крупная дрожь пронизывала ее с головы до ног. Она ничего не сказала, ни о чем не спросила, она только медленно целовала Гобо в губы, целовала его щеки и шею; она омывала его своими поцелуями, как в ту далекую пору, когда он только появился на свет... Все обитатели леса собрались в тесный кружок в глубине чащи, чтобы послушать рассказы Гобо.

Был тут и друг-приятель заяц, сын покойного зайца. В крайнем изумлении подымал он свои уши-ложки, боясь пропустить хоть слово, и вдруг ронял их бессильно, чтобы тут же снова поднять.

Сорока пристроилась на низеньком сучке молодого бука и внимала рассказчику с остолбенелым видом. В отличие от нее, сидевшая на ясене сойка вела себя беспокойно: она то и дело пронзительно вскрикивала, не в силах побороть изумление. Тут же находились и знакомые фазаны со своими женами и детьми. Они в безмолвном удивлении ворочали шеями, изгибая их и так и этак, и во все стороны летели от них золотые стрелы.

Без устали скакала по ветвям взволнованная белочка. Она то соскальзывала по стволу чуть не до самой земли, то взлетала до маковки дерева, то вдруг

усаживалась столбиком на свой пушистый хвост, показывая белую грудку. Ей не терпелось прервать Гобо, чтобы высказаться самой, но окружающие всякий раз призывали ее к порядку.

А Гобо рассказывал, как, оставшись без всякой помощи на снегу, он поджидал смерть.

– Собаки нашли меня, – говорил он. – Собаки – это самое страшное в мире. Их пасть полна крови, их голос полон гнева, они не ведают сострадания. Свысока оглядев слушателей, он продолжал:

– Ну, ... с тех пор я не раз играл с ними, словно они мои родичи, и теперь я совсем не боюсь их. И все же, когда я слышу их лай, у меня по-прежнему начинает шуметь в голове и цепенеет сердце. Они далеко не всегда делают это с плохими намерениями, но их голос трудно выносить... – Гобо многозначительно замолчал.

– Ну, а что же было в тот раз? – с испуганным любопытством спросила Фалина.

– В тот раз собаки хотели растерзать меня, но тут явился Он!

Гобо сделал паузу, слушатели почти не дышали.

– Да, – сказал Гобо, – тут явился Он, прикрикнул на собак, и они отползли от меня прочь. Он прикрикнул еще раз, и собаки покорно легли у Его ног. Тогда Он поднял меня и, ласково прижимая к себе, понес...

– Что это значит – понес? – спросила Фалина.

Гобо принялся объяснять ей важно и обстоятельно.

– Да это совсем просто! – прервал его Бемби. – Ты погляди, Фалина, как это делает белочка, когда скачет с орешком в лапах. Это и значит «нести».

Тут белочка сочла, наконец, возможным вставить слово.

– Один из моих кузенов... – начала она быстро. Но все вокруг закричали:

– Тихе, тихе, пусть Гобо продолжает!

Белочке пришлось замолчать. Она огорченно прижала к груди передние лапки и повернулась к сороке в надежде, что та выслушает ее в частном порядке.

– В самом деле, ... один из моих кузенов...

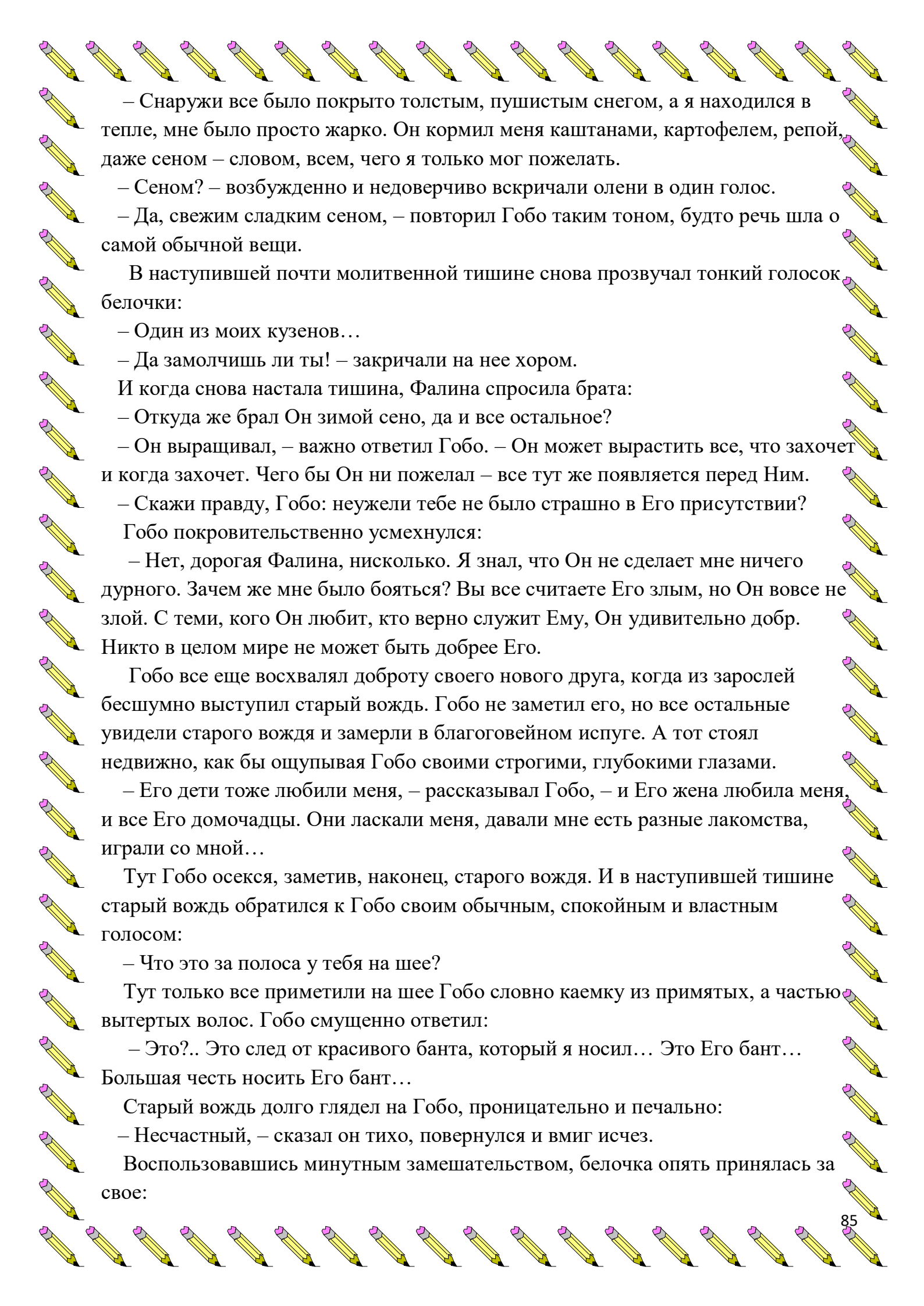
Но сорока просто-напросто показала ей спину. А Гобо все рассказывал о разных чудесах.

– Снаружи холодно, бушует непогода, а внутри тихо и тепло, как летом...

– Гхах! – проскрипела сойка.

– Снаружи льет дождь, все мокнет, а внутри хоть бы одна капля упала, и ты совсем сухой.

Сверкнув драгоценным оперением, фазаны в лад склонили головы набок.

– Снаружи все было покрыто толстым, пушистым снегом, а я находился в тепле, мне было просто жарко. Он кормил меня каштанами, картофелем, репой, даже сеном – словом, всем, чего я только мог пожелать.

– Сеном? – возбужденно и недоверчиво вскричали олени в один голос.

– Да, свежим сладким сеном, – повторил Гобо таким тоном, будто речь шла о самой обычной вещи.

В наступившей почти молитвенной тишине снова прозвучал тонкий голосок белочки:

– Один из моих кузенов...

– Да замолчишь ли ты! – закричали на нее хором.

И когда снова настала тишина, Фалина спросила брата:

– Откуда же брал Он зимой сено, да и все остальное?

– Он выращивал, – важно ответил Гобо. – Он может вырастить все, что захочет и когда захочет. Чего бы Он ни пожелал – все тут же появляется перед Ним.

– Скажи правду, Гобо: неужели тебе не было страшно в Его присутствии?

Гобо покровительственно усмехнулся:

– Нет, дорогая Фалина,нисколько. Я знал, что Он не сделает мне ничего дурного. Зачем же мне было бояться? Вы все считаете Его злым, но Он вовсе не злой. С теми, кого Он любит, кто верно служит Ему, Он удивительно добр. Никто в целом мире не может быть добрее Его.

Гобо все еще восхвалял доброту своего нового друга, когда из зарослей бесшумно выступил старый вождь. Гобо не заметил его, но все остальные увидели старого вождя и замерли в благоговейном испуге. А тот стоял недвижно, как бы ощупывая Гобо своими строгими, глубокими глазами.

– Его дети тоже любили меня, – рассказывал Гобо, – и Его жена любила меня, и все Его домочадцы. Они ласкали меня, давали мне есть разные лакомства, играли со мной...

Тут Гобо осекся, заметив, наконец, старого вождя. И в наступившей тишине старый вождь обратился к Гобо своим обычным, спокойным и властным голосом:

– Что это за полоса у тебя на шее?

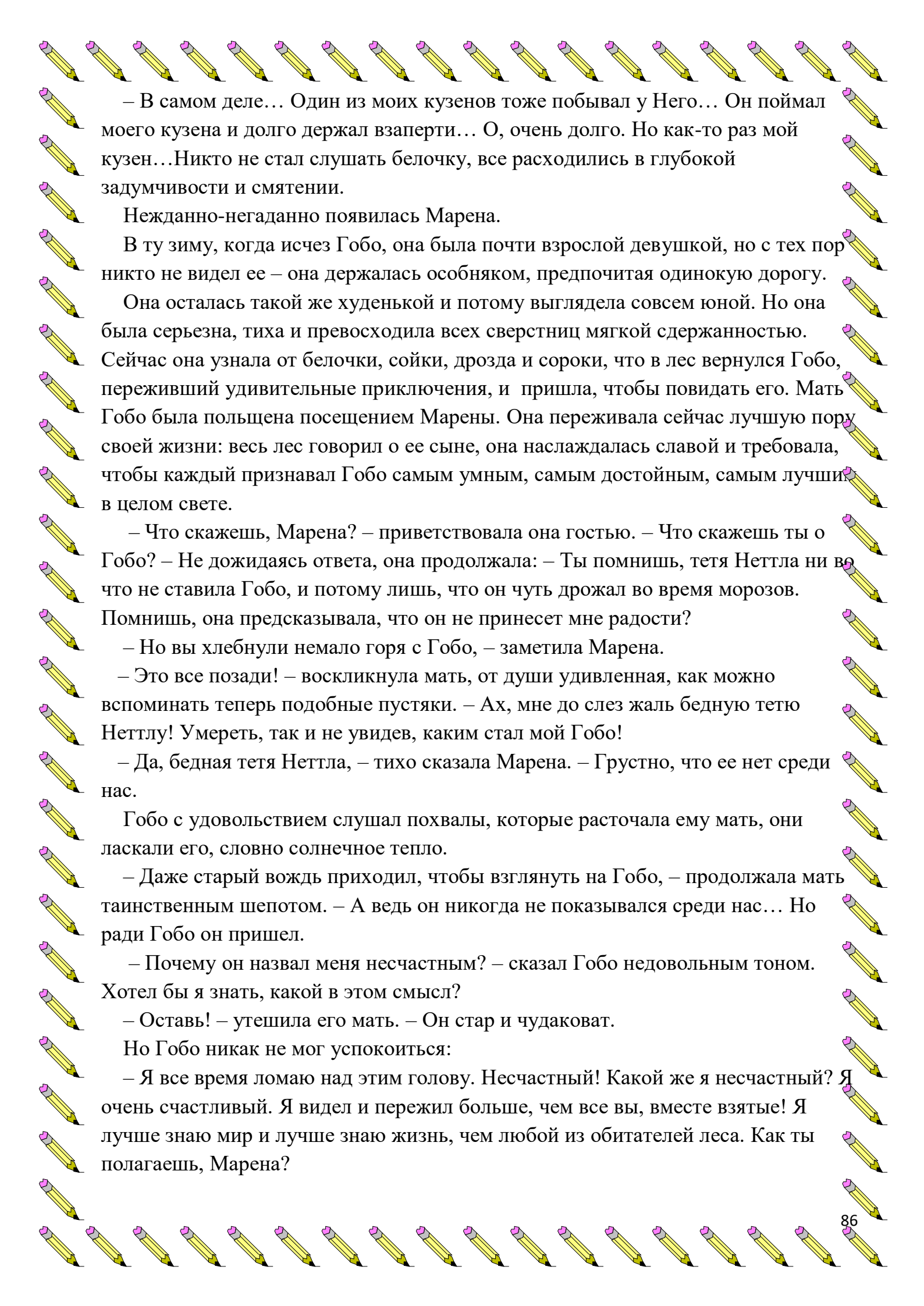
Тут только все приметили на шее Гобо словно каемку из примятых, а частью вытертых волос. Гобо смущенно ответил:

– Это?.. Это след от красивого банта, который я носил... Это Его бант... Большая честь носить Его бант...

Старый вождь долго глядел на Гобо, проницательно и печально:

– Несчастный, – сказал он тихо, повернулся и вмиг исчез.

Воспользовавшись минутным замешательством, белочка опять принялась за свое:

– В самом деле... Один из моих кузенов тоже побывал у Него... Он поймал моего кузена и долго держал взаперти... О, очень долго. Но как-то раз мой кузен... Никто не стал слушать белочку, все разошлись в глубокой задумчивости и смятении.

Нежданно-негаданно появилась Марена.

В ту зиму, когда исчез Гобо, она была почти взрослой девушкой, но с тех пор никто не видел ее – она держалась особняком, предпочитая одинокую дорогу.

Она осталась такой же худенькой и потому выглядела совсем юной. Но она была серьезна, тиха и превосходила всех сверстниц мягкой сдержанностью. Сейчас она узнала от белочки, сойки, дрозда и сороки, что в лес вернулся Гобо, переживший удивительные приключения, и пришла, чтобы повидать его. Мать Гобо была польщена посещением Марены. Она переживала сейчас лучшую пору своей жизни: весь лес говорил о ее сыне, она наслаждалась славой и требовала, чтобы каждый признавал Гобо самым умным, самым достойным, самым лучшим в целом свете.

– Что скажешь, Марена? – приветствовала она гостью. – Что скажешь ты о Гобо? – Не дожидаясь ответа, она продолжала: – Ты помнишь, тетя Неттла ни во что не ставила Гобо, и потому лишь, что он чуть дрожал во время морозов. Помнишь, она предсказывала, что он не принесет мне радости?

– Но вы хлебнули немало горя с Гобо, – заметила Марена.

– Это все позади! – воскликнула мать, от души удивленная, как можно вспоминать теперь подобные пустяки. – Ах, мне до слез жаль бедную тетю Неттлу! Умереть, так и не увидев, каким стал мой Гобо!

– Да, бедная тетя Неттла, – тихо сказала Марена. – Грустно, что ее нет среди нас.

Гобо с удовольствием слушал похвалы, которые расточала ему мать, они ласкали его, словно солнечное тепло.

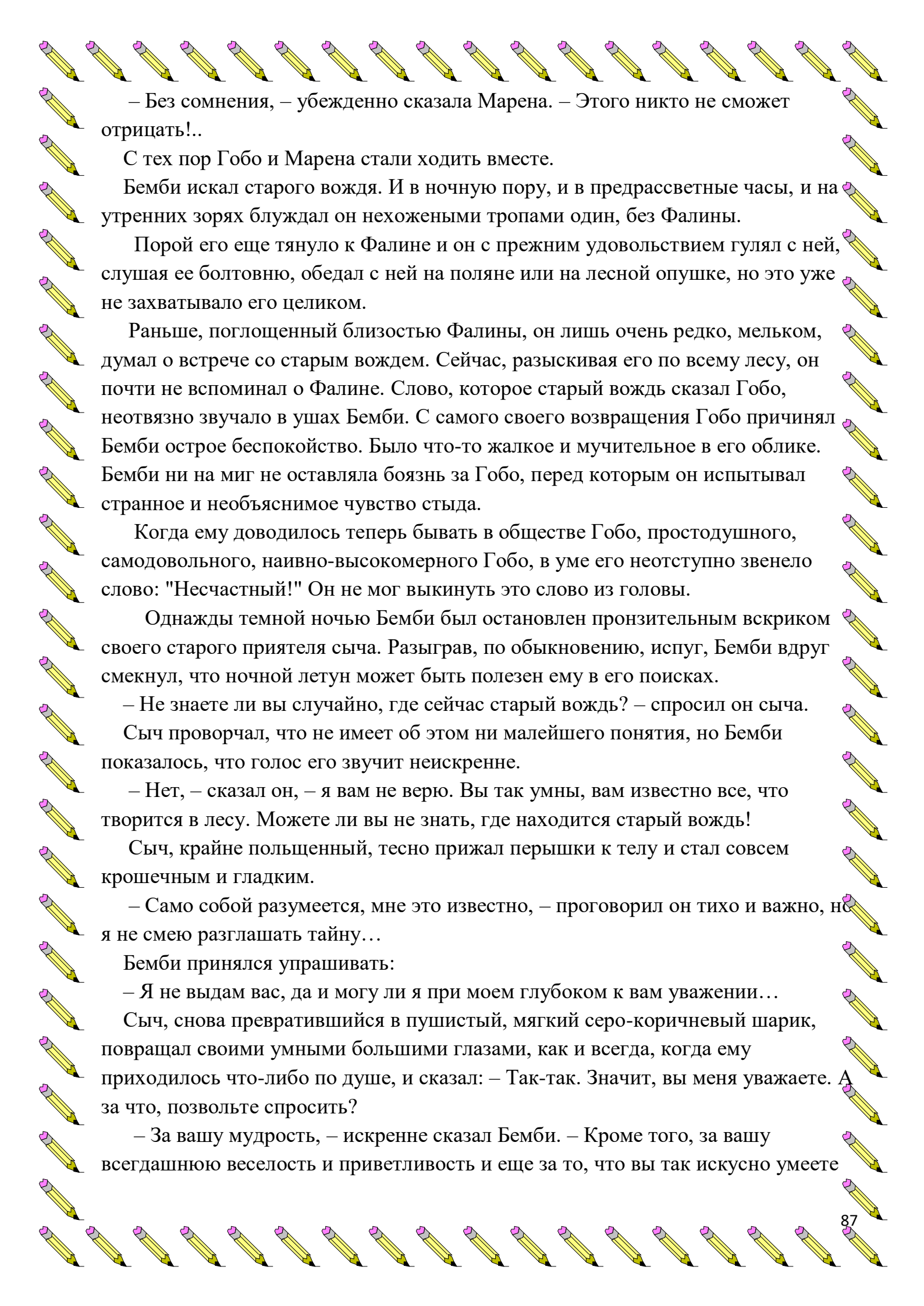
– Даже старый вождь приходил, чтобы взглянуть на Гобо, – продолжала мать таинственным шепотом. – А ведь он никогда не показывался среди нас... Но ради Гобо он пришел.

– Почему он назвал меня несчастным? – сказал Гобо недовольным тоном. Хотел бы я знать, какой в этом смысл?

– Оставь! – утешила его мать. – Он стар и чудаковат.

Но Гобо никак не мог успокоиться:

– Я все время ломаю над этим голову. Несчастный! Какой же я несчастный? Я очень счастливый. Я видел и пережил больше, чем все вы, вместе взятые! Я лучше знаю мир и лучше знаю жизнь, чем любой из обитателей леса. Как ты полагаешь, Марена?

– Без сомнения, – убежденно сказала Марена. – Этого никто не сможет отрицать!..

С тех пор Гобо и Марена стали ходить вместе.

Бемби искал старого вождя. И в ночную пору, и в предрассветные часы, и на утренних зорях блуждал он нехоженными тропами один, без Фалины.

Порой его еще тянуло к Фалине и он с прежним удовольствием гулял с ней, слушая ее болтовню, обедал с ней на поляне или на лесной опушке, но это уже не захватывало его целиком.

Раньше, поглощенный близостью Фалины, он лишь очень редко, мельком, думал о встрече со старым вождем. Сейчас, разыскивая его по всему лесу, он почти не вспоминал о Фалине. Слово, которое старый вождь сказал Гобо, неотвязно звучало в ушах Бемби. С самого своего возвращения Гобо причинял Бемби острое беспокойство. Было что-то жалкое и мучительное в его облике. Бемби ни на миг не оставляла боязнь за Гобо, перед которым он испытывал странное и необъяснимое чувство стыда.

Когда ему доводилось теперь бывать в обществе Гобо, простодушного, самодовольного, наивно-высокомерного Гобо, в уме его неотступно звенело слово: "Несчастный!" Он не мог выкинуть это слово из головы.

Однажды темной ночью Бемби был остановлен пронзительным вскриком своего старого приятеля сыча. Разыграв, по обыкновению, испуг, Бемби вдруг смекнул, что ночной летун может быть полезен ему в его поисках.

– Не знаете ли вы случайно, где сейчас старый вождь? – спросил он сыча.

Сыч проворчал, что не имеет об этом ни малейшего понятия, но Бемби показалось, что голос его звучит неискренне.

– Нет, – сказал он, – я вам не верю. Вы так умны, вам известно все, что творится в лесу. Можете ли вы не знать, где находится старый вождь!

Сыч, крайне польщенный, тесно прижал перышки к телу и стал совсем крошечным и гладким.

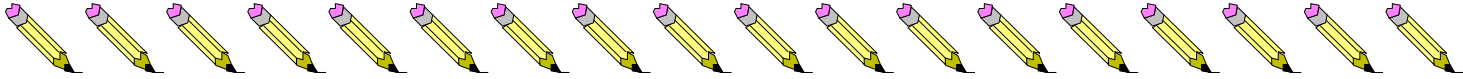
– Само собой разумеется, мне это известно, – проговорил он тихо и важно, но я не смею разглашать тайну...

Бемби принялся упрашивать:

– Я не выдам вас, да и могу ли я при моем глубоком к вам уважении...

Сыч, снова превратившийся в пушистый, мягкий серо-коричневый шарик, поворачивал своими умными большими глазами, как и всегда, когда ему приходилось что-либо по душе, и сказал: – Так-так. Значит, вы меня уважаете. А за что, позвольте спросить?

– За вашу мудрость, – искренне сказал Бемби. – Кроме того, за вашу всегдашнюю веселость и приветливость и еще за то, что вы так искусно умеете

пугать окружающих. Это так умно, необыкновенно умно! Если бы я обладал вашим талантом, это принесло бы мне большую пользу.

Сыч глубоко погрузил клюв в грудное оперение – он был счастлив.

– Ну, – сказал он, – мне известно, что старый очень расположен к вам.

– Почему вы так думаете? – спросил Бемби, и сердце его радостно забилося.

– Я совершенно уверен в этом, – ответил сыч. – Он от души расположен к вам, и я полагаю, это дает мне право открыть вам его местонахождение.

Он снова стянул свои перышки к телу, словно ожидая, что его в благодарность погладят.

– Знаете ли вы ров, заросший ивами?

– Да, – кивнул Бемби.

– А знаком ли вам молодой дубняк по ту сторону рва?

– Нет, – признался Бемби, – я еще не бывал на той стороне.

– Тогда слушайте меня внимательно, – прошептал сыч. – По ту сторону рва растет дубняк. За дубняком раскинулся кустарник, много кустарника: орешник, бузина, боярышник и бирючина. А посреди лежит старый, поверженный ветром бук. Там вы и должны искать. Но смотрите не выдавайте меня!

– Под стволом? – ошеломленно повторил Бемби.

– Ну да! – засмеялся сыч. – Ведь ствол лежит поперек глубокой ямы. Там вы и найдете старого вождя.

– Спасибо вам! – сказал Бемби от всего сердца. – Не знаю, сумею ли я отыскать его по этим приметам, но тысячу раз благодарю вас.

И он быстро побежал прочь. Сыч бесшумно следовал за ним и вдруг заорал над самым его ухом:

– У-ик! У-ик! У-ик!

Бемби всего передернуло.

– Вы испугались? – осведомился сыч. – Я напугал вас?

– Да... – пролепетал Бемби, и на этот раз он сказал правду.

Сыч заворковал, очень довольный:

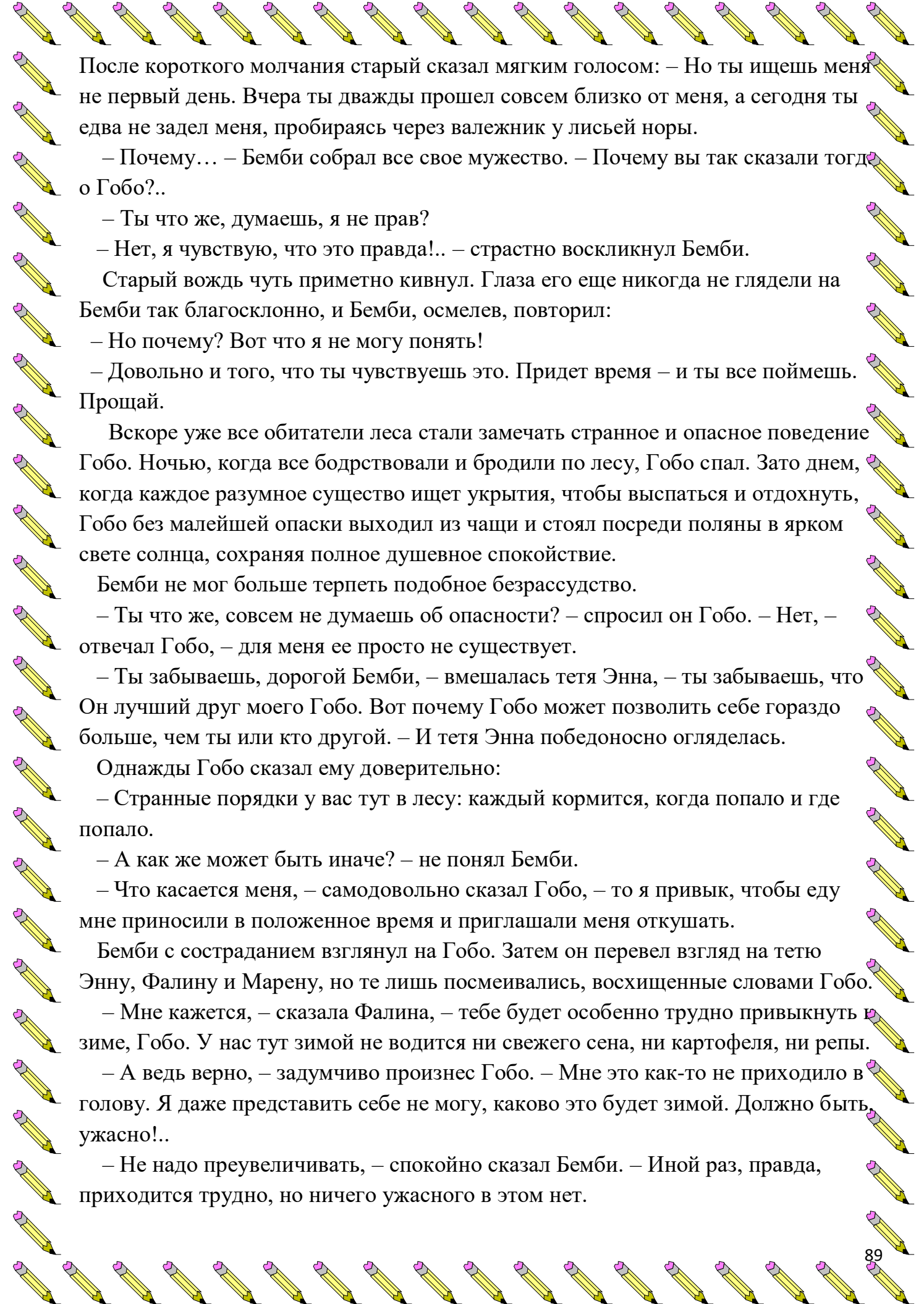
– Я только хотел еще раз напомнить вам – не выдавайте меня.

Но Бемби уже бежал дальше.

Когда он достиг края рва, из темной, мрачной глубины неожиданно и бесшумно вырос перед ним старый вождь.

– Меня уже нет там, куда ты стремишься, – сказал он. – Что тебе нужно от меня?

– Ничего... – пробормотал Бемби, охваченный внезапной робостью. – О... ничего особенного...

A decorative border of yellow pencil icons with pink erasers surrounds the text.

После короткого молчания старый сказал мягким голосом: – Но ты ищешь меня не первый день. Вчера ты дважды прошел совсем близко от меня, а сегодня ты едва не задел меня, пробираясь через валежник у лисьей норы.

– Почему... – Бемби собрал все свое мужество. – Почему вы так сказали тогда о Гобо?..

– Ты что же, думаешь, я не прав?

– Нет, я чувствую, что это правда!.. – страстно воскликнул Бемби.

Старый вождь чуть приметно кивнул. Глаза его еще никогда не глядели на Бемби так благосклонно, и Бемби, осмелев, повторил:

– Но почему? Вот что я не могу понять!

– Довольно и того, что ты чувствуешь это. Придет время – и ты все поймешь. Прощай.

Вскоре уже все обитатели леса стали замечать странное и опасное поведение Гобо. Ночью, когда все бодрствовали и бродили по лесу, Гобо спал. Зато днем, когда каждое разумное существо ищет укрытия, чтобы выспаться и отдохнуть, Гобо без малейшей опаски выходил из чащи и стоял посреди поляны в ярком свете солнца, сохраняя полное душевное спокойствие.

Бемби не мог больше терпеть подобное безрассудство.

– Ты что же, совсем не думаешь об опасности? – спросил он Гобо. – Нет, – отвечал Гобо, – для меня ее просто не существует.

– Ты забываешь, дорогой Бемби, – вмешалась тетя Энна, – ты забываешь, что Он лучший друг моего Гобо. Вот почему Гобо может позволить себе гораздо больше, чем ты или кто другой. – И тетя Энна победоносно огляделась.

Однажды Гобо сказал ему доверительно:

– Странные порядки у вас тут в лесу: каждый кормится, когда попало и где попало.

– А как же может быть иначе? – не понял Бемби.

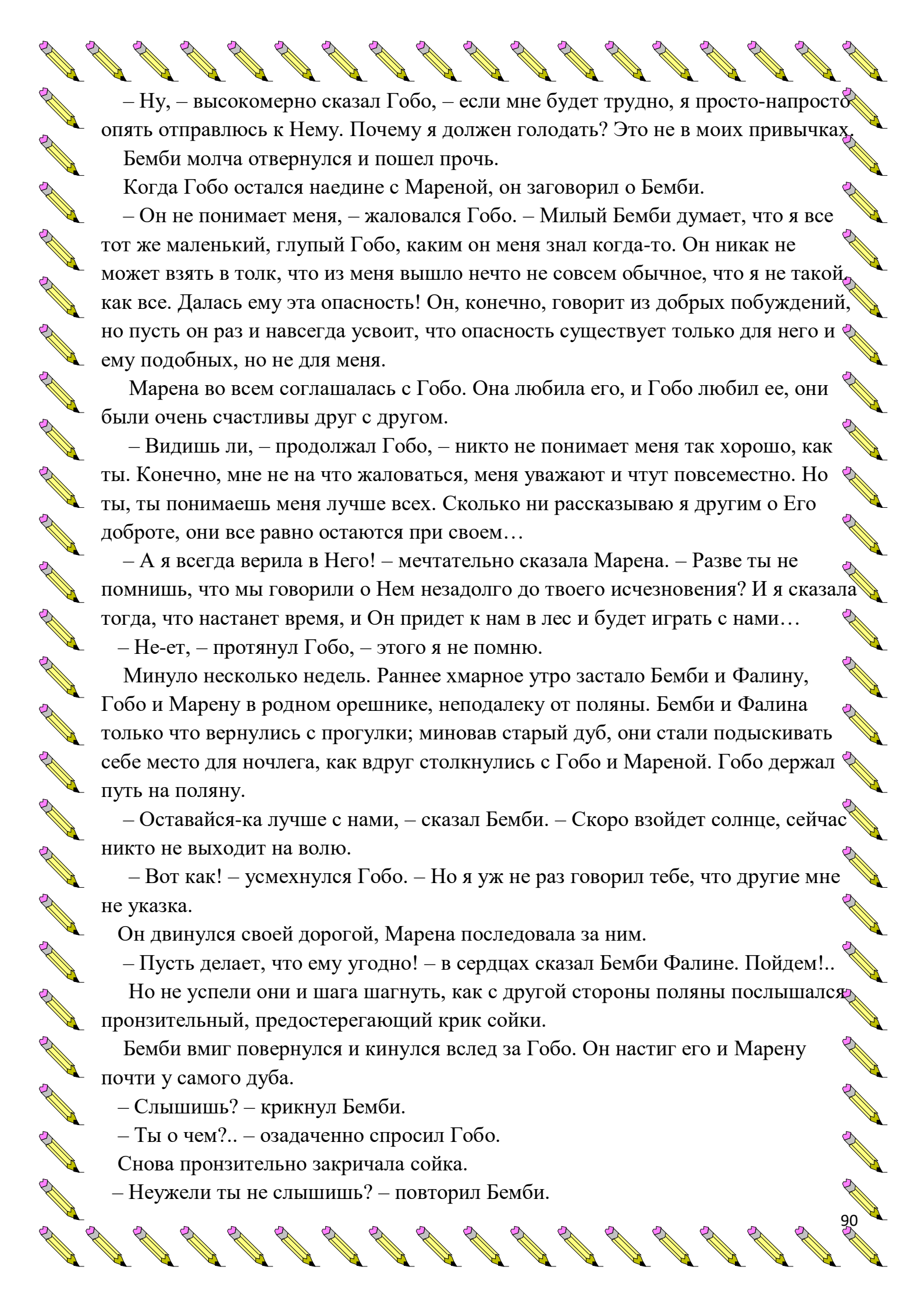
– Что касается меня, – самодовольно сказал Гобо, – то я привык, чтобы еду мне приносили в положенное время и приглашали меня откусать.

Бемби с состраданием взглянул на Гобо. Затем он перевел взгляд на тетю Энну, Фалину и Марену, но те лишь посмеивались, восхищенные словами Гобо.

– Мне кажется, – сказала Фалина, – тебе будет особенно трудно привыкнуть к зиме, Гобо. У нас тут зимой не водится ни свежего сена, ни картофеля, ни репы.

– А ведь верно, – задумчиво произнес Гобо. – Мне это как-то не приходило в голову. Я даже представить себе не могу, каково это будет зимой. Должно быть, ужасно!..

– Не надо преувеличивать, – спокойно сказал Бемби. – Иной раз, правда, приходится трудно, но ничего ужасного в этом нет.

– Ну, – высокомерно сказал Гобо, – если мне будет трудно, я просто-напросто опять отправлюсь к Нему. Почему я должен голодать? Это не в моих привычках.

Бемби молча отвернулся и пошел прочь.

Когда Гобо остался наедине с Мареной, он заговорил о Бемби.

– Он не понимает меня, – жаловался Гобо. – Милый Бемби думает, что я все тот же маленький, глупый Гобо, каким он меня знал когда-то. Он никак не может взять в толк, что из меня вышло нечто не совсем обычное, что я не такой как все. Далась ему эта опасность! Он, конечно, говорит из добрых побуждений, но пусть он раз и навсегда усвоит, что опасность существует только для него и ему подобных, но не для меня.

Марена во всем соглашалась с Гобо. Она любила его, и Гобо любил ее, они были очень счастливы друг с другом.

– Видишь ли, – продолжал Гобо, – никто не понимает меня так хорошо, как ты. Конечно, мне не на что жаловаться, меня уважают и чтут повсеместно. Но ты, ты понимаешь меня лучше всех. Сколько ни рассказываю я другим о Его доброте, они все равно остаются при своем...

– А я всегда верила в Него! – мечтательно сказала Марена. – Разве ты не помнишь, что мы говорили о Нем незадолго до твоего исчезновения? И я сказала тогда, что настанет время, и Он придет к нам в лес и будет играть с нами...

– Не-ет, – протянул Гобо, – этого я не помню.

Минуло несколько недель. Раннее хмарное утро застало Бемби и Фалину, Гобо и Марену в родном орешнике, неподалеку от поляны. Бемби и Фалина только что вернулись с прогулки; миновав старый дуб, они стали подыскивать себе место для ночлега, как вдруг столкнулись с Гобо и Мареной. Гобо держал путь на поляну.

– Оставайся-ка лучше с нами, – сказал Бемби. – Скоро взойдет солнце, сейчас никто не выходит на волю.

– Вот как! – усмехнулся Гобо. – Но я уж не раз говорил тебе, что другие мне не указка.

Он двинулся своей дорогой, Марена последовала за ним.

– Пусть делает, что ему угодно! – в сердцах сказал Бемби Фалине. Пойдем!..

Но не успели они и шага шагнуть, как с другой стороны поляны послышался пронзительный, предостерегающий крик сойки.

Бемби вмиг повернулся и кинулся вслед за Гобо. Он настиг его и Марену почти у самого дуба.

– Слышишь? – крикнул Бемби.

– Ты о чем?.. – озадаченно спросил Гобо.

Снова пронзительно закричала сойка.

– Неужели ты не слышишь? – повторил Бемби.

– Ах, ты о сойке!.. – спокойно сказал Гобо. – Но какое мне до нее дело?

– Это опасность! – пытался внушить ему Бемби. – Пойми ты – опасность!

Но вот затрещала сорока, за ней вторая, а вскоре и третья вплела свой стрекот в их тревожный переклик. Еще раз прокричала сойка, а высоко в воздухе подал свой сигнал ворона. Теперь и Фалина принялась уговаривать брата:

– Не выходи, Гобо! Это опасно! Остайся здесь! Ну, будь таким милым! Остайся сегодня с нами... Ведь там опасность!

Но Гобо только посмеивался:

– "Опасность"!.. "Опасность"!.. Какое мне дело до вашей опасности?

И тут Фалине пришла хорошая мысль:

– Пусть тогда один из нас выйдет первым, чтобы мы хоть знали...

Не успела Фалина договорить, как Марена одним прыжком выскочила из укрытия. Все трое стояли и смотрели ей вслед. Бемби и Фалина – затаив дыхание, Гобо – с нарочито покорным видом.

Они видели, как Марена медленной, колеблющейся походкой шаг за шагом продвигалась к поляне. Высоко подняв голову, она во все стороны обнюхивала воздух. Внезапно – молниеносный поворот, высокий прыжок, и словно мощным порывом ветра ее внесло обратно в чащу.

– Он!.. Он там! – лепетала она прерывающимся от ужаса голосом. – Я... я видела Его... Он там, по ту сторону, у ольхи...

– Надо бежать! – вскричал Бемби.

– Бежим, Гобо! – взмолилась Фалина.

А Марена беззвучно шептала:

– Прошу тебя, Гобо, бежим отсюда... я прошу тебя...

Но Гобо оставался невозмутим:

– Бегите, кто вас держит! А я пойду к Нему навстречу, чтобы приветствовать Его!

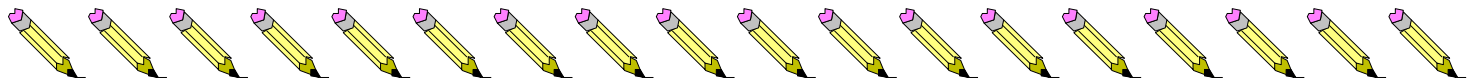
И он тут же без колебаний двинулся вперед.

Охваченные страхом за Гобо, остались стоять и видели, как уверенно и неторопливо вышел он на поляну.

Спокойно стоя посреди поляны, Гобо взглядом отыскивал ольху. Вот он радостно вскинул голову, видимо приветствуя своего друга, и тут грянул гром. Гобо подкинуло в воздух, он стремительно повернулся и неверными прыжками бросился обратно в чащу.

Бемби, Фалина и Марена всё еще стояли, оцепенев от ужаса, когда мимо них промчался Гобо. Они услышали его свистящее дыхание, враз повернулись, нагнали Гобо и, заключив его в середину, понеслись дальше.

У старого дуба Гобо упал.

Они сразу остановились: Марена рядом с Гобо, Бемби и Фалина немного поодаль.

Гобо лежал с развороченным боком. Слабым, неверным движением приподнял он голову.

– Марена... – проговорил он с трудом. – Марена... Он не узнал меня... Голос его прервался.

Буйно и грозно зашумели кусты на краю поляны. Марена наклонилась к Гобо:

– Он идет, Гобо, Он идет... Вставай же, ты должен встать!..

Гобо еще раз попытался приподнять голову, засучил ногами и сник.

С треском, шорохом, свистом раздвинулись кусты – и вышел Он.

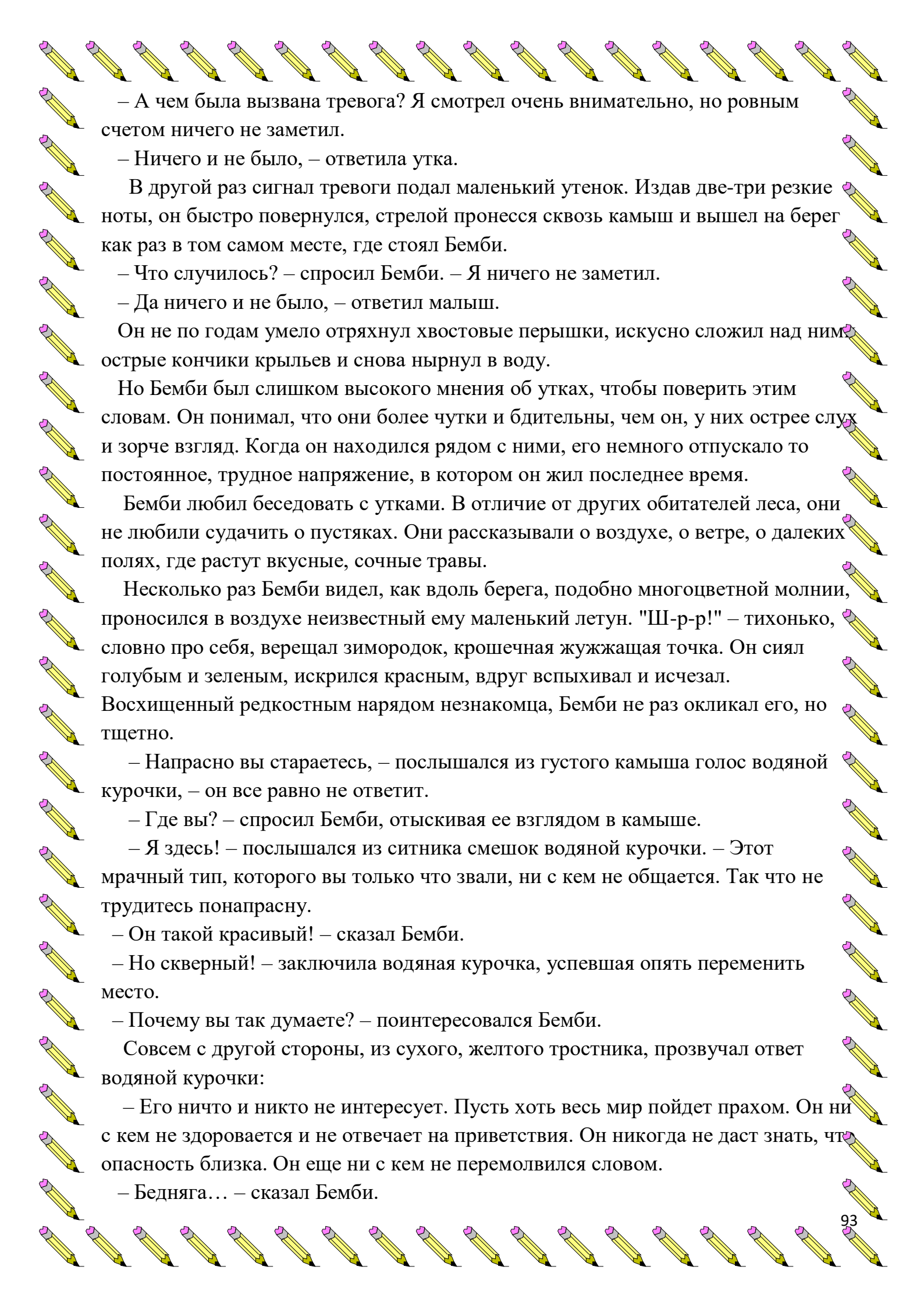
Марена увидела Его совсем близко. Медленно и бесшумно ступила она назад и скрылась в кустах орешника, затем легкими, неслышными скачками устремилась к Бемби и Фалине.

На пути она еще раз оглянулась и увидела, как Он склонился над поверженным и схватил его. Затем раздался звенящий предсмертный крик Гобо.

Бемби был один. Он шел на реку, тихо катившую свои воды между густыми тростниками и старыми ветлами. С тех пор как Бемби избрал одинокую дорогу, он все чаще и чаще приходил сюда. Здесь не было проторенных троп, и ему не грозила встреча с кем-либо из родичей. Он очень изменился за последнее время: посуровел и погрустнел, жизнь представлялась ему безнадежно мрачной. Он и сам не понимал, что с ним происходит, да и не пытался разобраться в этом. В голове его бродили какие-то смутные, сбивчивые мысли, но раздумье приносило лишь усталость. Бемби имел обыкновение подолгу стоять на речном берегу. Ему нравилось наблюдать течение воды на излучине; прохладное дыхание волн несло с собой незнакомый, горьковатый аромат, успокаивающий и освежающий душу. Бемби стоял и смотрел на уток, которых тут было множество – настоящее утиное царство! Они беспрерывно переговаривались друг с дружкой, всегда любезно умно и серьезно. Матери все время учили и воспитывали малышей, без устали сообщая им всё новые и новые полезные сведения. Порой то одна, то другая мать подавала сигнал опасности. Утята, не мешкая, кидались враспынную, совершенно беззвучно и очень быстро.

Бемби видел, как малыши, еще не умеющие летать, задавали стрекача в густом камыше. Они продвигались так ловко и осмотрительно, что ни одна камышинка не могла выдать их предательским вздрогом. И там и здесь маленькие темные тела быстро прошмыгивали в ситник. Короткий зов матери – и вся ватага вихрем неслась назад. В один миг выводок был в сборе и вновь принимался осторожно крейсировать в заводи. Бемби не переставал удивляться ловкой утиной повадке. Право, это было похоже на фокус!

Как-то раз после очередной тревоги Бемби спросил почтенную утку-мать:

– А чем была вызвана тревога? Я смотрел очень внимательно, но ровным счетом ничего не заметил.

– Ничего и не было, – ответила утка.

В другой раз сигнал тревоги подал маленький утенок. Издав две-три резкие ноты, он быстро повернулся, стрелой пронесся сквозь камыш и вышел на берег как раз в том самом месте, где стоял Бемби.

– Что случилось? – спросил Бемби. – Я ничего не заметил.

– Да ничего и не было, – ответил малыш.

Он не по годам умело отряхнул хвостовые перышки, искусно сложил над ними острые кончики крыльев и снова нырнул в воду.

Но Бемби был слишком высокого мнения об утках, чтобы поверить этим словам. Он понимал, что они более чутки и бдительны, чем он, у них острее слух и зорче взгляд. Когда он находился рядом с ними, его немного отпускало то постоянное, трудное напряжение, в котором он жил последнее время.

Бемби любил беседовать с утками. В отличие от других обитателей леса, они не любили судачить о пустяках. Они рассказывали о воздухе, о ветре, о далеких полях, где растут вкусные, сочные травы.

Несколько раз Бемби видел, как вдоль берега, подобно многоцветной молнии, проносился в воздухе неизвестный ему маленький летун. "Ш-р-р!" – тихонько, словно про себя, верещал зимородок, крошечная жужжащая точка. Он сиял голубым и зеленым, искрился красным, вдруг вспыхивал и исчезал. Восхищенный редкостным нарядом незнакомца, Бемби не раз окликал его, но тщетно.

– Напрасно вы стараетесь, – послышался из густого камыша голос водяной курочки, – он все равно не ответит.

– Где вы? – спросил Бемби, отыскивая ее взглядом в камыше.

– Я здесь! – послышался из ситника смешок водяной курочки. – Этот мрачный тип, которого вы только что звали, ни с кем не общается. Так что не трудитесь понапрасну.

– Он такой красивый! – сказал Бемби.

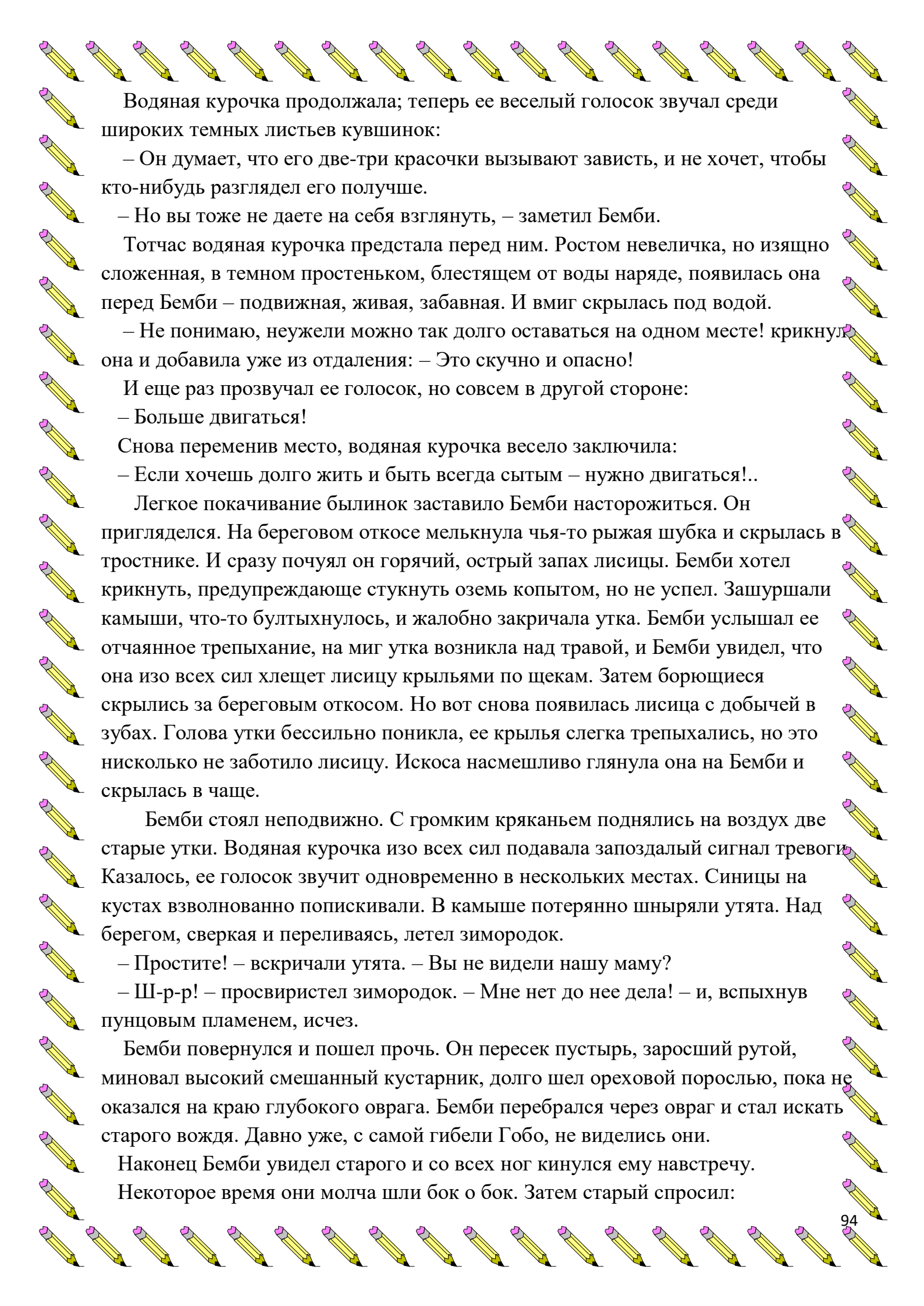
– Но скверный! – заключила водяная курочка, успевшая опять переменить место.

– Почему вы так думаете? – поинтересовался Бемби.

Совсем с другой стороны, из сухого, желтого тростника, прозвучал ответ водяной курочки:

– Его ничто и никто не интересует. Пусть хоть весь мир пойдет прахом. Он ни с кем не здоровается и не отвечает на приветствия. Он никогда не даст знать, что опасность близка. Он еще ни с кем не перемолвился словом.

– Бедняга... – сказал Бемби.

Водяная курочка продолжала; теперь ее веселый голосок звучал среди широких темных листьев кувшинок:

– Он думает, что его две-три красочки вызывают зависть, и не хочет, чтобы кто-нибудь разглядел его получше.

– Но вы тоже не даете на себя взглянуть, – заметил Бемби.

Тотчас водяная курочка предстала перед ним. Ростом невеличка, но изящно сложенная, в темном простеньком, блестящем от воды наряде, появилась она перед Бемби – подвижная, живая, забавная. И вмиг скрылась под водой.

– Не понимаю, неужели можно так долго оставаться на одном месте! крикнула она и добавила уже из отдаления: – Это скучно и опасно!

И еще раз прозвучал ее голосок, но совсем в другой стороне:

– Больше двигаться!

Снова переменив место, водяная курочка весело заключила:

– Если хочешь долго жить и быть всегда сытым – нужно двигаться!..

Легкое покачивание былинки заставило Бемби насторожиться. Он пригляделся. На береговом откосе мелькнула чья-то рыжая шубка и скрылась в тростнике. И сразу почувал он горячий, острый запах лисицы. Бемби хотел крикнуть, предупреждая стукнуть оземь копытом, но не успел. Зашуршали камыши, что-то бултыхнулось, и жалобно закричала утка. Бемби услышал ее отчаянное трепыхание, на миг утка возникла над травой, и Бемби увидел, что она изо всех сил хлещет лисицу крыльями по щекам. Затем борющиеся скрылись за береговым откосом. Но вот снова появилась лисица с добычей в зубах. Голова утки бессильно поникла, ее крылья слегка трепыхались, но это нисколько не заботило лисицу. Искоса насмешливо глянула она на Бемби и скрылась в чаще.

Бемби стоял неподвижно. С громким кряканьем поднялись на воздух две старые утки. Водяная курочка изо всех сил подавала запоздалый сигнал тревоги. Казалось, ее голосок звучит одновременно в нескольких местах. Синицы на кустах взволнованно попискивали. В камыше потерянно шныряли утята. Над берегом, сверкая и переливаясь, летел зимородок.

– Простите! – вскричали утята. – Вы не видели нашу маму?

– Ш-р-р! – просвиристал зимородок. – Мне нет до нее дела! – и, вспыхнув пунцовым пламенем, исчез.

Бемби повернулся и пошел прочь. Он пересек пустырь, заросший рутей, миновал высокий смешанный кустарник, долго шел ореховой порослью, пока не оказался на краю глубокого оврага. Бемби перебрался через овраг и стал искать старого вождя. Давно уже, с самой гибели Гобо, не виделись они.

Наконец Бемби увидел старого и со всех ног кинулся ему навстречу.

Некоторое время они молча шли бок о бок. Затем старый спросил:

– Ну, часто среди ваших вспоминают о нем?

Бемби догадался, что тот имеет в виду Гобо.

– Не знаю... я почти все время один... – И нерешительно добавил: – Но я... часто думаю о нем.

– Значит, ты теперь один?

– Да, – сказал Бемби и выжидательно посмотрел на старого. Но старый молчал. Они пошли дальше. Внезапно старый остановился.

– Ты ничего не слышишь? Бемби прислушался. Нет, он ничего не слышит.

– Идем! – воскликнул старый и поспешно зашагал вперед.

Бемби следовал за ним. И снова старый остановился:

– Ты все еще ничего не слышишь?

На этот раз Бемби уловил какой-то невнятный шорох. Похоже было, что где-то пригнулись и резко распрямились ветви. При этом что-то пухло и мягко ударилось о землю. Бемби приготовился к бегству.

– Идем туда! – приказал старый и, повернувшись на шум, устремился вперед.

– А там не опасно? – спросил на бегу Бемби.

– Как же!.. – мрачно отозвался старый. – Там большая опасность!

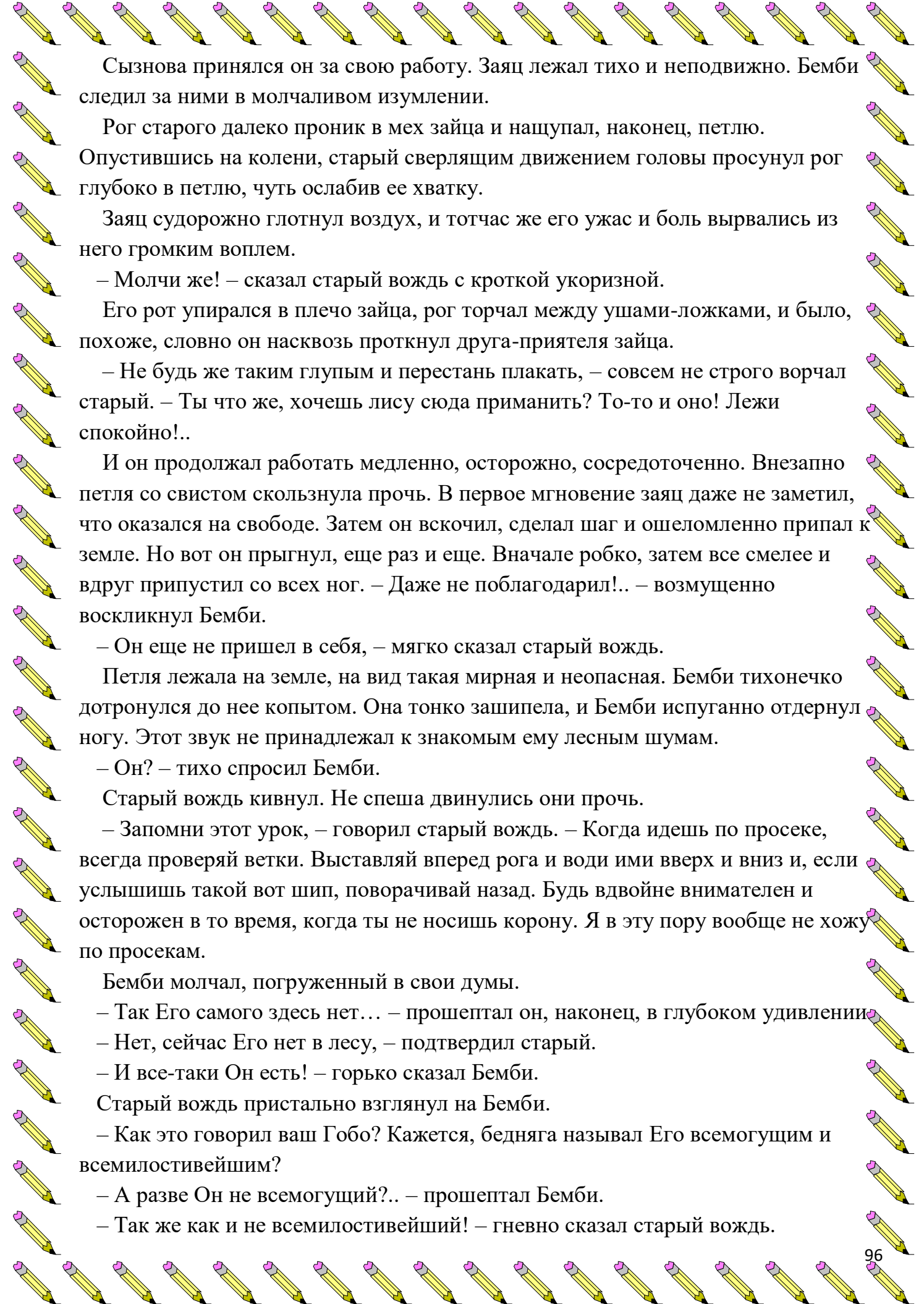
Вскоре они увидели рослый куст черемухи. Ее ветки порывисто раскачивались вверх и вниз, словно кто-то дергал и тряс. Подбежав ближе, они обнаружили, что здесь пролегает небольшая просека. И в самом начале просеки, на земле, простерся друг-приятель заяц. Он то метался в разные стороны, то вдруг замирал, то снова начинал метаться, причем каждое его движение отзывалось на ветвях черемухи. Бемби приметил тонкую нить, похожую на побег или усик растения. Туго натянутая нить спускалась с ветки, другим концом захлестнув шею зайца. Верно, друг-приятель заяц услышал, что кто-то идет. Он подскочил, упал, снова вскочил, порываясь бежать, но тут же кувырком полетел в траву и беспомощно забарахтался.

– Спокойно, друг заяц! Спокойно, это я! – сказал старый вождь мягким, исполненным сострадания голосом, пронявшим Бемби до самого сердца. – Только не двигайся! Главное – не двигайся!

Заяц послушался. Теперь он лежал совсем тихо, лишь из груди его вырывалось сдавленное, хрипкое дыхание. Старый взял губами ветку черемухи, пригнул книзу и наступил на ее конец. Плотно придавив ветку копытом, он одним ударом рогов переломил ее. Затем повернулся к зайцу:

– Крепись, как бы больно тебе ни было. Склонив голову набок, он прижал один из рогов короны к затылку зайца, глубоко просунул его за ушами-ложками в мех и стал нащупывать петлю. Короткая судорога пронизала тело зайца. Старый тотчас его отпустил.

– Спокойно! – сказал он. – Дело идет о жизни!

Сызнова принялся он за свою работу. Заяц лежал тихо и неподвижно. Бемби следил за ними в молчаливом изумлении.

Рог старого далеко проник в мех зайца и нащупал, наконец, петлю. Опустившись на колени, старый сверлящим движением головы просунул рог глубоко в петлю, чуть ослабив ее хватку.

Заяц судорожно глотнул воздух, и тотчас же его ужас и боль вырвались из него громким воплем.

– Молчи же! – сказал старый вождь с кроткой укоризной.

Его рот упирался в плечо зайца, рог торчал между ушами-ложками, и было, похоже, словно он насквозь проткнул друга-приятеля зайца.

– Не будь же таким глупым и перестань плакать, – совсем не строго ворчал старый. – Ты что же, хочешь лису сюда приманить? То-то и оно! Лежи спокойно!..

И он продолжал работать медленно, осторожно, сосредоточенно. Внезапно петля со свистом скользнула прочь. В первое мгновение заяц даже не заметил, что оказался на свободе. Затем он вскочил, сделал шаг и ошеломленно припал к земле. Но вот он прыгнул, еще раз и еще. Вначале робко, затем все смелее и вдруг припустил со всех ног. – Даже не поблагодарил!.. – возмущенно воскликнул Бемби.

– Он еще не пришел в себя, – мягко сказал старый вождь.

Петля лежала на земле, на вид такая мирная и неопасная. Бемби тихонечко дотронулся до нее копытом. Она тонко зашипела, и Бемби испуганно отдернул ногу. Этот звук не принадлежал к знакомым ему лесным шумам.

– Он? – тихо спросил Бемби.

Старый вождь кивнул. Не спеша двинулись они прочь.

– Запомни этот урок, – говорил старый вождь. – Когда идешь по просеке, всегда проверяй ветки. Выставляй вперед рога и води ими вверх и вниз и, если услышишь такой вот шип, поворачивай назад. Будь вдвойне внимателен и осторожен в то время, когда ты не носишь корону. Я в эту пору вообще не хожу по просекам.

Бемби молчал, погруженный в свои думы.

– Так Его самого здесь нет... – прошептал он, наконец, в глубоком удивлении.

– Нет, сейчас Его нет в лесу, – подтвердил старый.

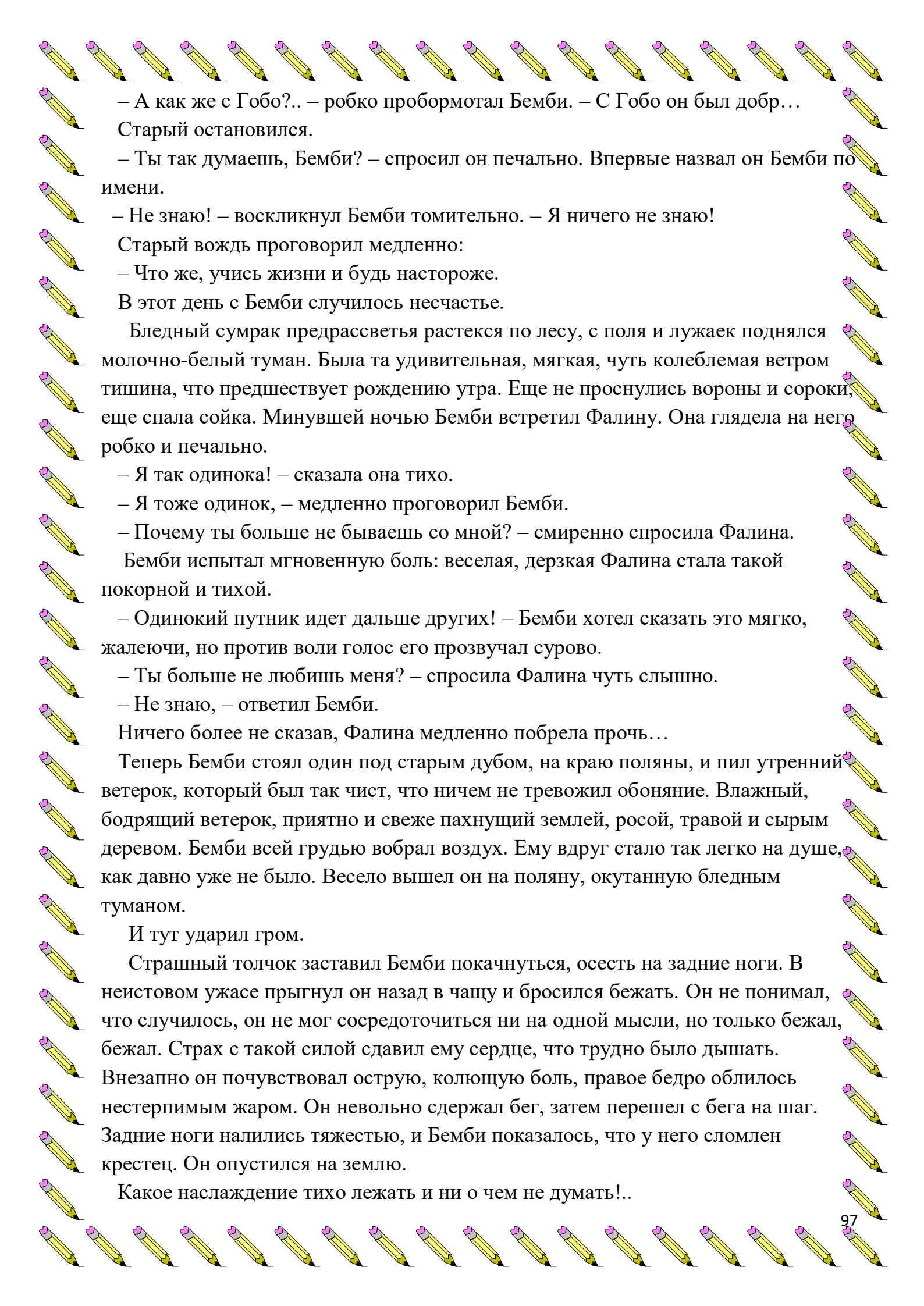
– И все-таки Он есть! – горько сказал Бемби.

Старый вождь пристально взглянул на Бемби.

– Как это говорил ваш Гобо? Кажется, бедняга называл Его всемогущим и все милостивейшим?

– А разве Он не всемогущий?.. – прошептал Бемби.

– Так же как и не все милостивейший! – гневно сказал старый вождь.

– А как же с Гобо?.. – робко пробормотал Бемби. – С Гобо он был добр... Старый остановился.

– Ты так думаешь, Бемби? – спросил он печально. Впервые назвал он Бемби по имени.

– Не знаю! – воскликнул Бемби томительно. – Я ничего не знаю!

Старый вождь проговорил медленно:

– Что же, учишься жизни и будь настороже.

В этот день с Бемби случилось несчастье.

Бледный сумрак предрассветья растекаясь по лесу, с поля и лужаек поднялся молочно-белый туман. Была та удивительная, мягкая, чуть колеблемая ветром тишина, что предшествует рождению утра. Еще не проснулись вороны и сороки, еще спала сойка. Минувшей ночью Бемби встретил Фалину. Она глядела на него робко и печально.

– Я так одинока! – сказала она тихо.

– Я тоже одинок, – медленно проговорил Бемби.

– Почему ты больше не бываешь со мной? – смиренно спросила Фалина.

Бемби испытал мгновенную боль: веселая, дерзкая Фалина стала такой покорной и тихой.

– Одинокий путник идет дальше других! – Бемби хотел сказать это мягко, жалеючи, но против воли голос его прозвучал сурово.

– Ты больше не любишь меня? – спросила Фалина чуть слышно.

– Не знаю, – ответил Бемби.

Ничего более не сказав, Фалина медленно побрела прочь...

Теперь Бемби стоял один под старым дубом, на краю поляны, ипил утренний ветерок, который был так чист, что ничем не тревожил обоняние. Влажный, бодрящий ветерок, приятно и свежо пахнувший землей, росой, травой и сырым деревом. Бемби всей грудью вобрал воздух. Ему вдруг стало так легко на душе, как давно уже не было. Весело вышел он на поляну, окутанную бледным туманом.

И тут ударил гром.

Страшный толчок заставил Бемби покачнуться, осесть на задние ноги. В неистовом ужасе прыгнул он назад в чащу и бросился бежать. Он не понимал, что случилось, он не мог сосредоточиться ни на одной мысли, но только бежал, бежал. Страх с такой силой сдавил ему сердце, что трудно было дышать. Внезапно он почувствовал острую, колющую боль, правое бедро облилось нестерпимым жаром. Он невольно сдержал бег, затем перешел с бега на шаг. Задние ноги налились тяжестью, и Бемби показалось, что у него сломлен крестец. Он опустился на землю.

Какое наслаждение тихо лежать и ни о чем не думать!..

– Вставай, Бемби! Вставай! – Он почувствовал, что кто-то толкает его в плечо.

Он приоткрыл глаза и увидел старого вождя.

– Я не могу... – Бемби и сам не знал, произнес ли он это вслух или только подумал.

– Вставай, Бемби, вставай! В голосе старого вождя было столько властного напора и вместе нежности, что даже боль, переполнявшая Бемби, на мгновение стихла.

– Вставай! Ну, вставай же!.. – Глубокий, мощный голос впервые дрогнул испугом. – Надо бежать, дитя мое!..

"Дитя мое!" Эти слова непроизвольно вырвались из сердца старого вождя, и вмиг Бемби встал на ноги.

– Вот так! – кивнул старый вождь, тяжело дыша. – Сейчас ты пойдешь со мной... Теперь ты всегда будешь со мной!..

Он быстро зашагал вперед. Бемби побрел за ним, но его томило желание опуститься на землю, смежить веки и потерять себя в неведомом боли забытии.

Старый вождь догадывался о том, что происходит с Бемби.

– Сейчас ты должен стерпеть любую боль. Ты не смеешь думать о покое... Думай только о спасении, только о спасении, и ни о чем больше... Ты слышишь меня, Бемби? Беги... иначе ты погиб... Думай о том, что Он идет по твоим следам и убьет тебя без сожаления. Ну, прибавь шагу... так... хорошо... Вперед, дитя мое, вперед!

Но Бемби уже ни о чем не думал. Каждый шаг причинял ему невыносимую муку, казалось, все его тело стало сплошной кровоточащей раной.

Старый вождь описывал широкий круг. Это длилось бесконечно долго. Сквозь пелену боли и слабости Бемби с удивлением обнаружил, что они вновь оказались у старого дуба. Тут старый вождь остановился, обнюхал землю и прошептал:

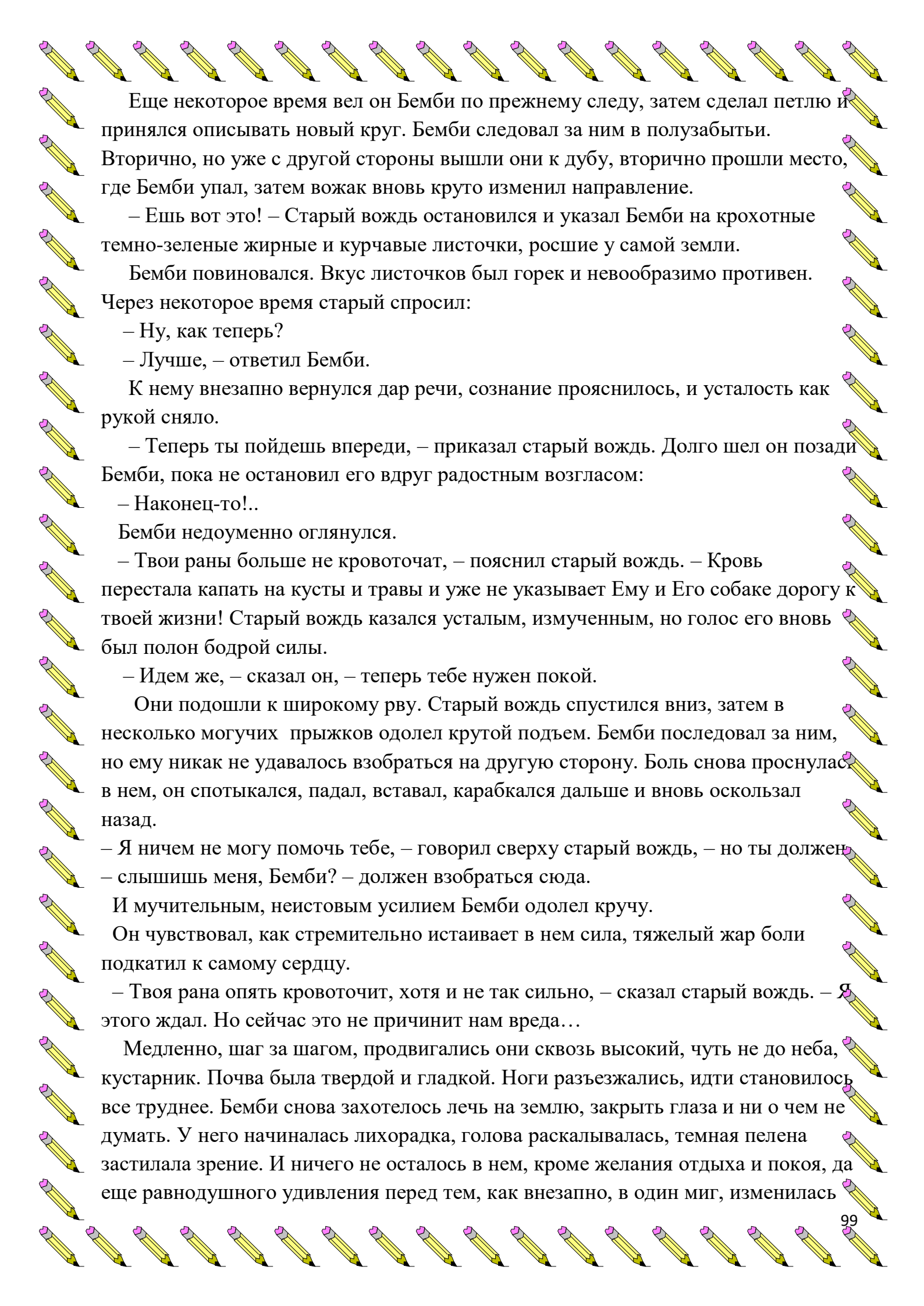
– Где-то здесь... поблизости... Он и Его собака... Вперед, быстрее! Они побежали. Внезапно старый вождь остановился.

– Ты видишь? – воскликнул он. – Вот тут ты лежал. Бемби увидел примятую траву и широкую лужу крови. Густая, темная кровь медленно впитывалась в землю.

– Чуешь? – Ноздри старого вождя трепетали. – Чуешь, Бемби? Они уже побывали на этом месте... Он и Его собака. Вперед!..

Они двинулись дальше. Бемби увидел кровавые капли на листьях кустов и стеблях трав. "Мы уже проходили тут..." – хотел он сказать и не мог.

– Ну вот... – с глубоким удовлетворением проговорил, наконец, старый вождь. – Сейчас мы зашли им в спину.

Еще некоторое время вел он Бемби по прежнему следу, затем сделал петлю и принялся описывать новый круг. Бемби следовал за ним в полузабытьи.

Вторично, но уже с другой стороны вышли они к дубу, вторично прошли место, где Бемби упал, затем вожак вновь круто изменил направление.

– Ешь вот это! – Старый вождь остановился и указал Бемби на крохотные темно-зеленые жирные и курчавые листочки, росшие у самой земли.

Бемби повиновался. Вкус листочков был горек и невообразимо противен. Через некоторое время старый спросил:

– Ну, как теперь?

– Лучше, – ответил Бемби.

К нему внезапно вернулся дар речи, сознание прояснилось, и усталость как рукой сняло.

– Теперь ты пойдешь впереди, – приказал старый вождь. Долго шел он позади Бемби, пока не остановил его вдруг радостным возгласом:

– Наконец-то!..

Бемби недоуменно оглянулся.

– Твои раны больше не кровоточат, – пояснил старый вождь. – Кровь перестала капать на кусты и травы и уже не указывает Ему и Его собаке дорогу к твоей жизни! Старый вождь казался усталым, измученным, но голос его вновь был полон бодрой силы.

– Идем же, – сказал он, – теперь тебе нужен покой.

Они подошли к широкому рву. Старый вождь спустился вниз, затем в несколько могучих прыжков одолел крутой подъем. Бемби последовал за ним, но ему никак не удавалось взобраться на другую сторону. Боль снова проснулась в нем, он спотыкался, падал, вставал, карабкался дальше и вновь оскользал назад.

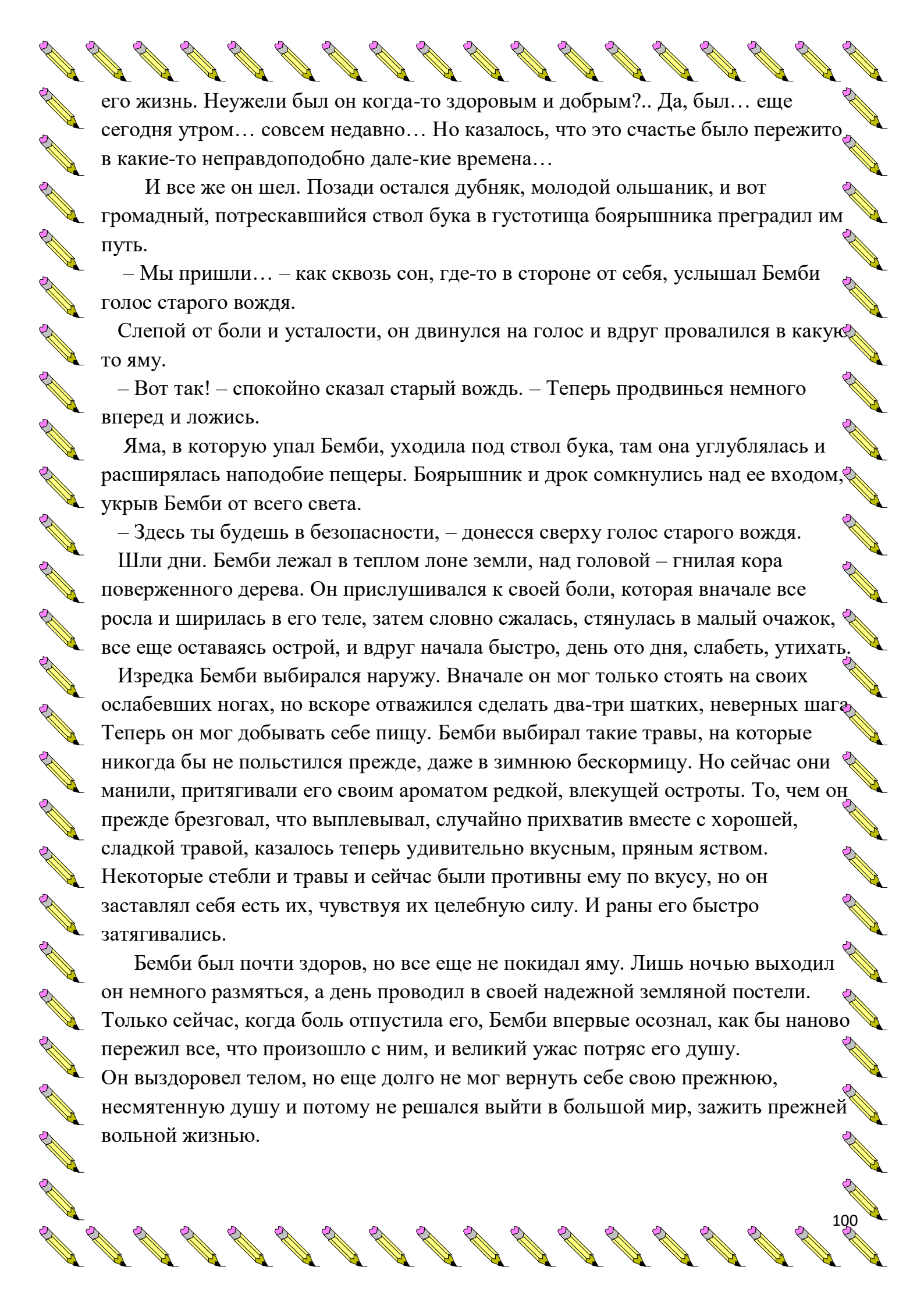
– Я ничем не могу помочь тебе, – говорил сверху старый вождь, – но ты должен слышать меня, Бемби? – должен взобраться сюда.

И мучительным, неистовым усилием Бемби одолел кручу.

Он чувствовал, как стремительно истает в нем сила, тяжелый жар боли подкатил к самому сердцу.

– Твоя рана опять кровоточит, хотя и не так сильно, – сказал старый вождь. – Я этого ждал. Но сейчас это не причинит нам вреда...

Медленно, шаг за шагом, продвигались они сквозь высокий, чуть не до неба, кустарник. Почва была твердой и гладкой. Ноги разъезжались, идти становилось все труднее. Бемби снова захотелось лечь на землю, закрыть глаза и ни о чем не думать. У него начиналась лихорадка, голова раскалывалась, темная пелена застилала зрение. И ничего не осталось в нем, кроме желания отдыха и покоя, да еще равнодушного удивления перед тем, как внезапно, в один миг, изменилась

его жизнь. Неужели был он когда-то здоровым и добрым?.. Да, был... еще сегодня утром... совсем недавно... Но казалось, что это счастье было пережито в какие-то неправдоподобно далекие времена...

И все же он шел. Позади остался дубняк, молодой ольшаник, и вот громадный, потрескавшийся ствол бука в густотища боярышника преградил им путь.

– Мы пришли... – как сквозь сон, где-то в стороне от себя, услышал Бемби голос старого вождя.

Слепой от боли и усталости, он двинулся на голос и вдруг провалился в какую-то яму.

– Вот так! – спокойно сказал старый вождь. – Теперь продвись немного вперед и ложись.

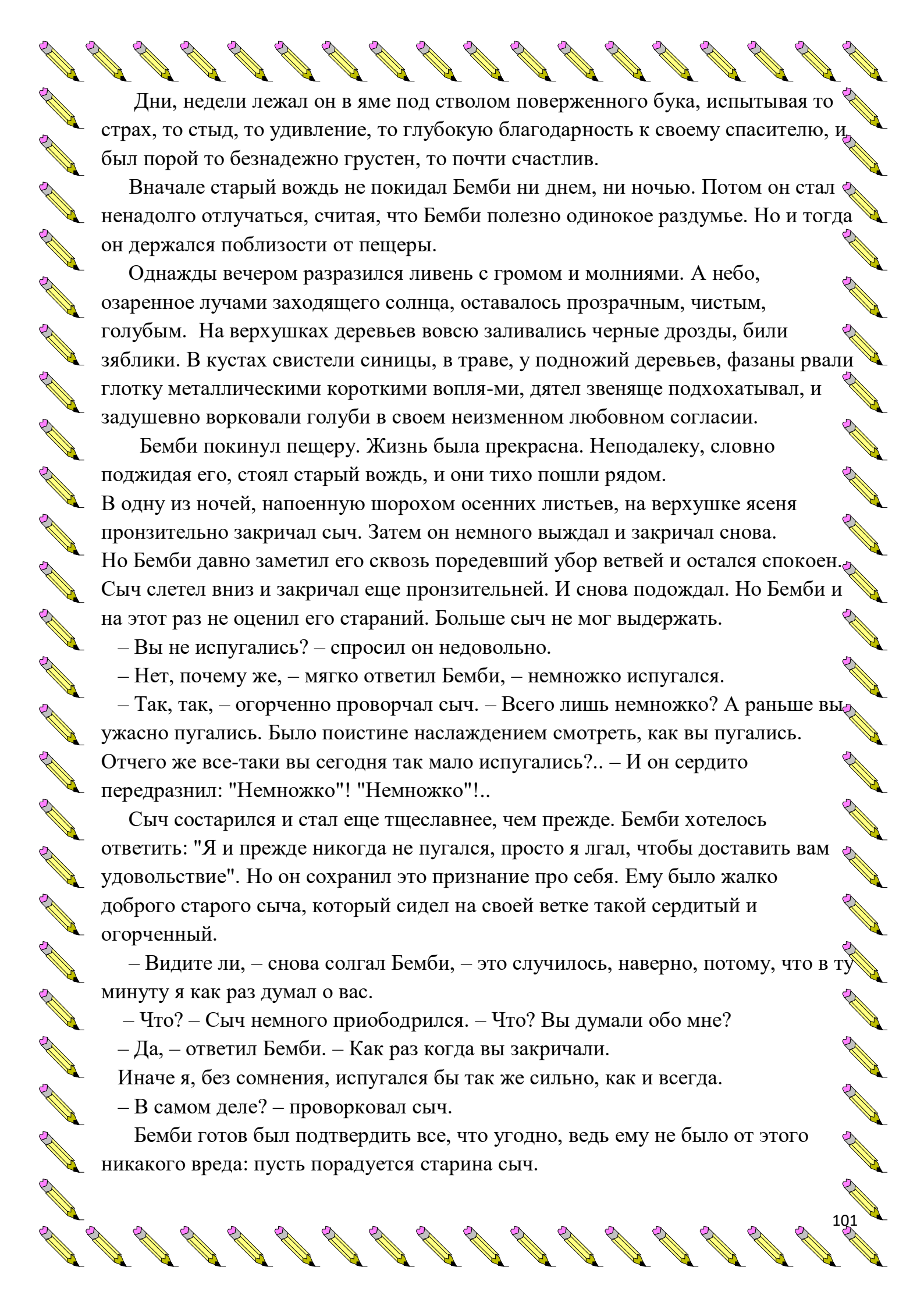
Яма, в которую упал Бемби, уходила под ствол бука, там она углублялась и расширялась наподобие пещеры. Боярышник и дрок сомкнулись над ее входом, укрыв Бемби от всего света.

– Здесь ты будешь в безопасности, – донесся сверху голос старого вождя.

Шли дни. Бемби лежал в теплом лоне земли, над головой – гнилая кора поверженного дерева. Он прислушивался к своей боли, которая вначале все росла и ширилась в его теле, затем словно сжалась, стянулась в малый очажок, все еще оставаясь острой, и вдруг начала быстро, день ото дня, слабеть, утихать.

Изредка Бемби выбирался наружу. Вначале он мог только стоять на своих ослабевших ногах, но вскоре отважился сделать два-три шатких, неверных шага. Теперь он мог добывать себе пищу. Бемби выбирал такие травы, на которые никогда бы не польстился прежде, даже в зимнюю бескормицу. Но сейчас они манили, притягивали его своим ароматом редкой, влекущей остроты. То, чем он прежде брезговал, что выплевывал, случайно прихватив вместе с хорошей, сладкой травой, казалось теперь удивительно вкусным, пряным яством. Некоторые стебли и травы и сейчас были противны ему по вкусу, но он заставлял себя есть их, чувствуя их целебную силу. И раны его быстро затягивались.

Бемби был почти здоров, но все еще не покидал яму. Лишь ночью выходил он немного размяться, а день проводил в своей надежной земляной постели. Только сейчас, когда боль отпустила его, Бемби впервые осознал, как бы наново пережил все, что произошло с ним, и великий ужас потряс его душу. Он выздоровел телом, но еще долго не мог вернуть себе свою прежнюю, несмятенную душу и потому не решался выйти в большой мир, зажечь прежней вольной жизнью.

Дни, недели лежал он в яме под стволом поверженного бука, испытывая то страх, то стыд, то удивление, то глубокую благодарность к своему спасителю, и был порой то безнадежно грустен, то почти счастлив.

Вначале старый вождь не покидал Бемби ни днем, ни ночью. Потом он стал ненадолго отлучаться, считая, что Бемби полезно одинокое раздумье. Но и тогда он держался поблизости от пещеры.

Однажды вечером разразился ливень с громом и молниями. А небо, озаренное лучами заходящего солнца, оставалось прозрачным, чистым, голубым. На верхушках деревьев всюду заливались черные дрозды, били зяблики. В кустах свистели синицы, в траве, у подножий деревьев, фазаны рвали глотку металлическими короткими вопля-ми, дятел звеняще подхохатывал, и задумчиво ворковали голуби в своем неизменном любовном согласии.

Бемби покинул пещеру. Жизнь была прекрасна. Неподалеку, словно поджидая его, стоял старый вождь, и они тихо пошли рядом.

В одну из ночей, напоенную шорохом осенних листьев, на верхушке ясеня пронзительно закричал сыч. Затем он немного выждал и закричал снова. Но Бемби давно заметил его сквозь поредевший убор ветвей и остался спокоен. Сыч слетел вниз и закричал еще пронзительней. И снова подождал. Но Бемби и на этот раз не оценил его стараний. Больше сыч не мог выдержать.

– Вы не испугались? – спросил он недовольно.

– Нет, почему же, – мягко ответил Бемби, – немножко испугался.

– Так, так, – огорченно проворчал сыч. – Всего лишь немножко? А раньше вы ужасно пугались. Было поистине наслаждением смотреть, как вы пугались. Отчего же все-таки вы сегодня так мало испугались?.. – И он сердито передразнил: "Немножко"! "Немножко"!..

Сыч состарился и стал еще тщеславнее, чем прежде. Бемби хотелось ответить: "Я и прежде никогда не пугался, просто я лгал, чтобы доставить вам удовольствие". Но он сохранил это признание про себя. Ему было жалко доброго старого сыча, который сидел на своей ветке такой сердитый и огорченный.

– Видите ли, – снова солгал Бемби, – это случилось, наверно, потому, что в ту минуту я как раз думал о вас.

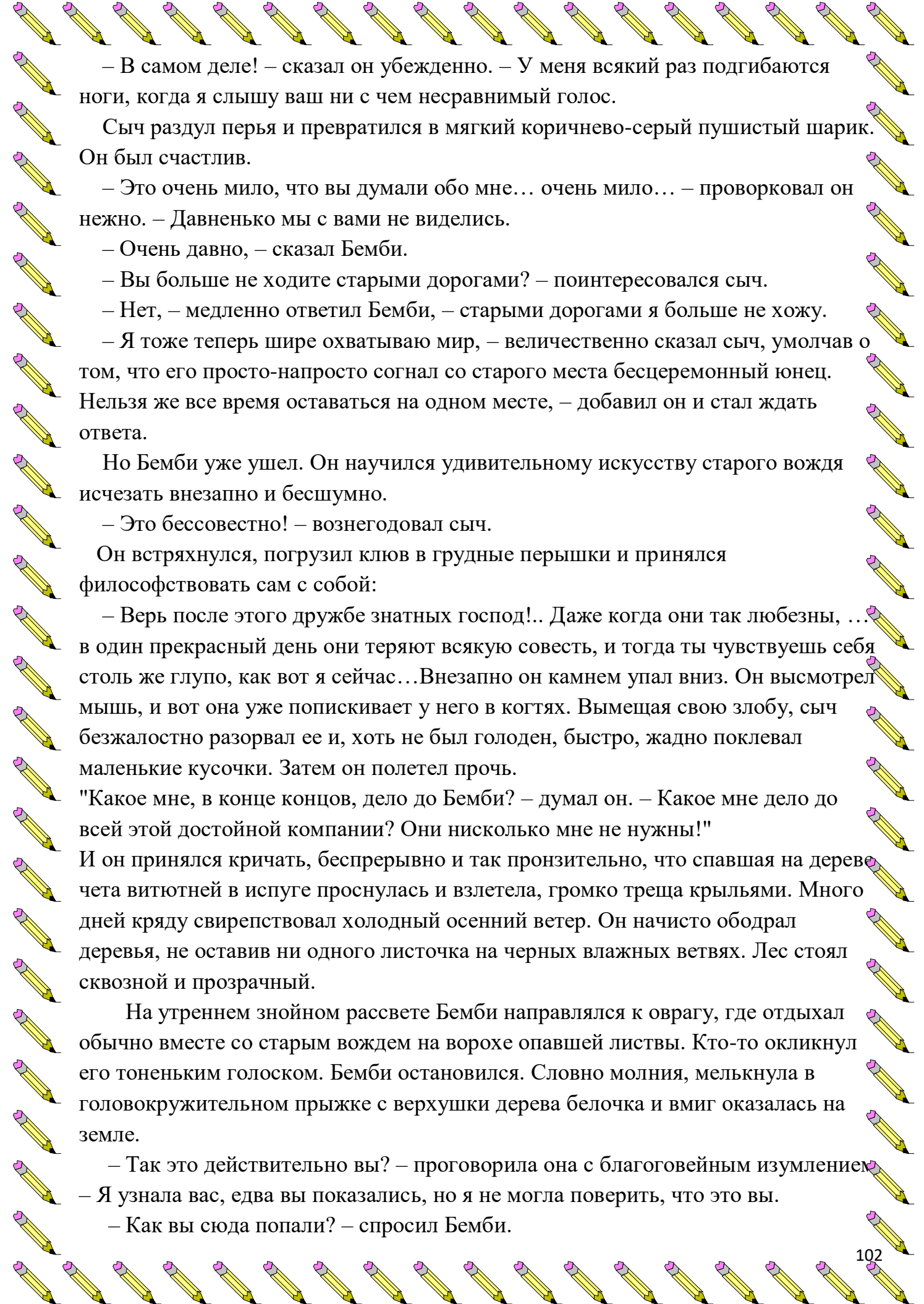
– Что? – Сыч немного приободрился. – Что? Вы думали обо мне?

– Да, – ответил Бемби. – Как раз когда вы закричали.

Иначе я, без сомнения, испугался бы так же сильно, как и всегда.

– В самом деле? – проворковал сыч.

Бемби готов был подтвердить все, что угодно, ведь ему не было от этого никакого вреда: пусть порадуется старина сыч.

A decorative border of yellow pencils with pink erasers surrounds the text.

– В самом деле! – сказал он убежденно. – У меня всякий раз подгибаются ноги, когда я слышу ваш ни с чем несравнимый голос.

Сыч раздул перья и превратился в мягкий коричнево-серый пушистый шарик. Он был счастлив.

– Это очень мило, что вы думали обо мне... очень мило... – проворковал он нежно. – Давненько мы с вами не виделись.

– Очень давно, – сказал Бемби.

– Вы больше не ходите старыми дорогами? – поинтересовался сыч.

– Нет, – медленно ответил Бемби, – старыми дорогами я больше не хожу.

– Я тоже теперь шире охватываю мир, – величественно сказал сыч, умолчав о том, что его просто-напросто согнал со старого места бесцеремонный юнец. Нельзя же все время оставаться на одном месте, – добавил он и стал ждать ответа.

Но Бемби уже ушел. Он научился удивительному искусству старого вождя исчезать внезапно и бесшумно.

– Это бессовестно! – вознегодовал сыч.

Он встряхнулся, погрузил клюв в грудные перышки и принялся философствовать сам с собой:

– Верь после этого дружбе знатных господ!.. Даже когда они так любезны, ... в один прекрасный день они теряют всякую совесть, и тогда ты чувствуешь себя столь же глупо, как вот я сейчас... Внезапно он камнем упал вниз. Он высмотрел мышь, и вот она уже попискивает у него в когтях. Вымещая свою злобу, сыч безжалостно разорвал ее и, хоть не был голоден, быстро, жадно поклевал маленькие кусочки. Затем он полетел прочь.

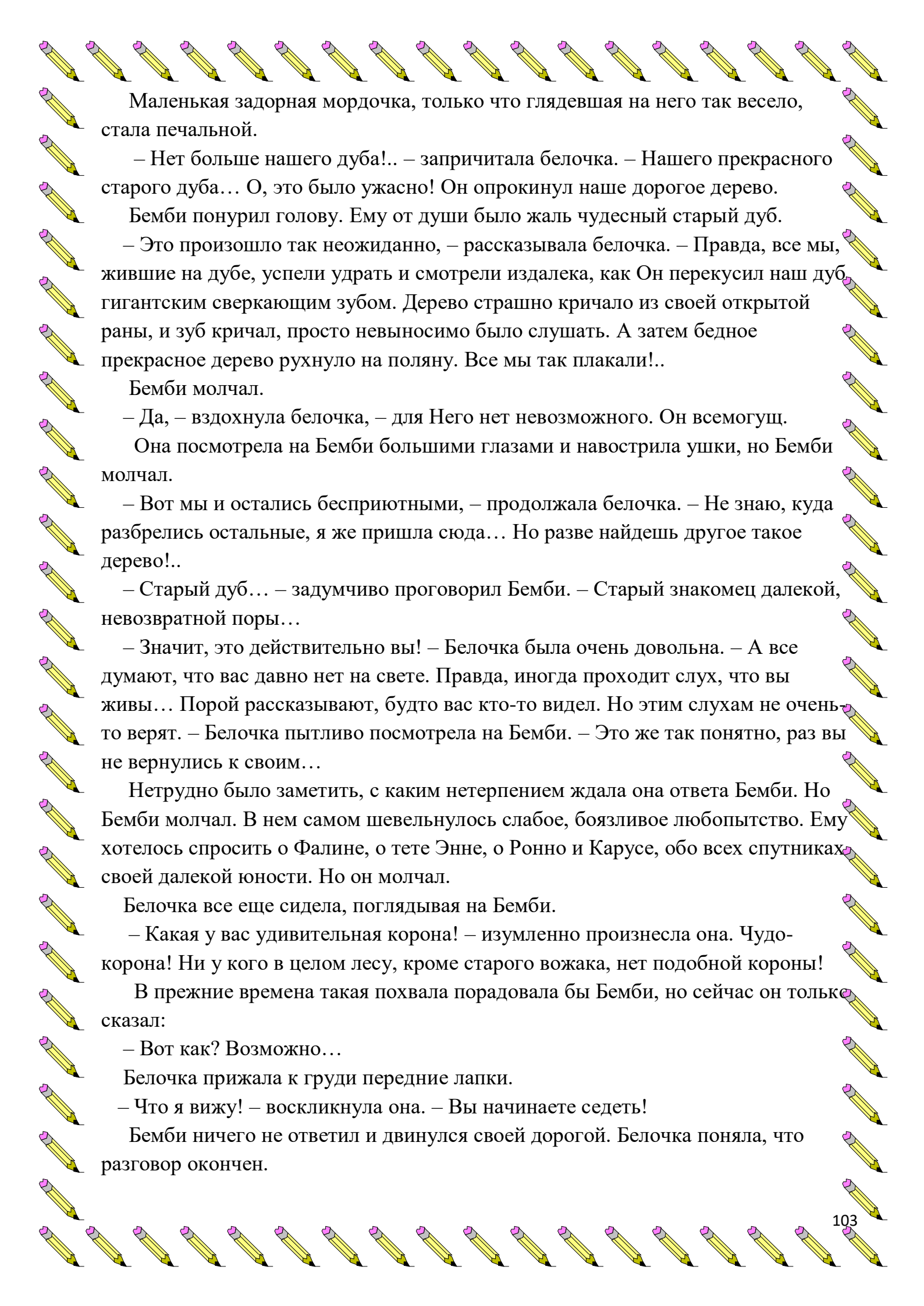
"Какое мне, в конце концов, дело до Бемби? – думал он. – Какое мне дело до всей этой достойной компании? Они нисколько мне не нужны!"

И он принялся кричать, непрерывно и так пронзительно, что спавшая на дереве чета витютней в испуге проснулась и взлетела, громко треща крыльями. Много дней кряду свирепствовал холодный осенний ветер. Он начисто ободрал деревья, не оставив ни одного листочка на черных влажных ветвях. Лес стоял сквозной и прозрачный.

На утреннем знойном рассвете Бемби направлялся к оврагу, где отдыхал обычно вместе со старым вождем на ворохе опавшей листвы. Кто-то окликнул его тоненьким голоском. Бемби остановился. Словно молния, мелькнула в головокружительном прыжке с верхушки дерева белочка и вмиг оказалась на земле.

– Так это действительно вы? – проговорила она с благоговейным изумлением. – Я узнала вас, едва вы показались, но я не могла поверить, что это вы.

– Как вы сюда попали? – спросил Бемби.

Маленькая задорная мордочка, только что глядевшая на него так весело, стала печальной.

– Нет больше нашего дуба!.. – запричитала белочка. – Нашего прекрасного старого дуба... О, это было ужасно! Он опрокинул наше дорогое дерево.

Бемби понурил голову. Ему от души было жаль чудесный старый дуб.

– Это произошло так неожиданно, – рассказывала белочка. – Правда, все мы, жившие на дубе, успели удрать и смотрели издали, как Он перекусил наш дуб гигантским сверкающим зубом. Дерево страшно кричало из своей открытой раны, и зуб кричал, просто невыносимо было слушать. А затем бедное прекрасное дерево рухнуло на поляну. Все мы так плакали!..

Бемби молчал.

– Да, – вздохнула белочка, – для Него нет невозможного. Он всемогущ.

Она посмотрела на Бемби большими глазами и наострила ушки, но Бемби молчал.

– Вот мы и остались бесприютными, – продолжала белочка. – Не знаю, куда разбрелись остальные, я же пришла сюда... Но разве найдешь другое такое дерево!..

– Старый дуб... – задумчиво проговорил Бемби. – Старый знакомец далекой, невозвратной поры...

– Значит, это действительно вы! – Белочка была очень довольна. – А все думают, что вас давно нет на свете. Правда, иногда проходит слух, что вы живы... Порой рассказывают, будто вас кто-то видел. Но этим слухам не очень-то верят. – Белочка пытливо посмотрела на Бемби. – Это же так понятно, раз вы не вернулись к своим...

Нетрудно было заметить, с каким нетерпением ждала она ответа Бемби. Но Бемби молчал. В нем самом шевельнулось слабое, боязливое любопытство. Ему хотелось спросить о Фалине, о тете Энне, о Ронно и Карусе, обо всех спутниках своей далекой юности. Но он молчал.

Белочка все еще сидела, поглядывая на Бемби.

– Какая у вас удивительная корона! – изумленно произнесла она. Чудо-корона! Ни у кого в целом лесу, кроме старого вожака, нет подобной короны!

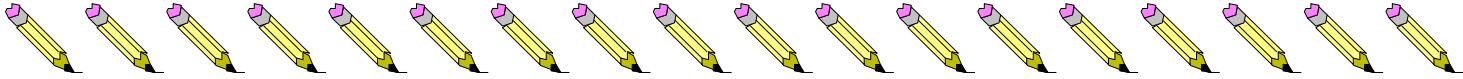
В прежние времена такая похвала порадовала бы Бемби, но сейчас он только сказал:

– Вот как? Возможно...

Белочка прижала к груди передние лапки.

– Что я вижу! – воскликнула она. – Вы начинаете сидеть!

Бемби ничего не ответил и двинулся своей дорогой. Белочка поняла, что разговор окончен.

– Доброе утро! – крикнула она вдогон Бемби. – Будьте здоровы! Вы меня так порадовали! Если я встречу наших общих знакомых, я расскажу им, что вы живы. Все будут очень рады!..

Бемби слышал ее слова, и что-то вновь шевельнулось в его сердце. Но он и тут ничего не сказал. Умению быть одному учил его старый вождь, когда Бемби был еще ребенком. Как-то раз, когда он горестно призывал свою мать, приблизился к нему старый вождь и сказал: "Ты что же, не можешь быть один? Стыдись!"

Бемби шел дальше...

Снега вновь укутали землю, и сонно затих лес под толстым белым покровом. Редко-редко слышался вороний карк, озабоченный таратор сороки, слабый, боязливый чирк синиц. Затем круто завернул мороз, и все умолкло, лишь звенел от стужи воздух.

Однажды утром тишину распорол собачий лай. Непрерывный, торопливый, взхлеб, лай быстро катился по лесу, звонкий, трескучий, сводящий с ума своей злобной настырностью.

В пещерке, перекрытой поверженным буком, Бемби чутко поднял голову и взглянул на лежащего подле старого вождя.

– Это нас не касается, – сказал старый.

Так лежали они в своей пещерке, прикрытой надежным буковым стволом. Высокие навалы снега защищали их от студеного сквозняка, густо сплетенные ветки кустарника, словно частая решетка, скрывали от чужих, острых глаз.

Лай все приближался, злой, задышливый, разгоряченный, – наверно, это была маленькая собака. Вскоре они услышали сквозь лай чью-то тихую, болезненную ворчбу. Бемби забеспокоился, но старый вождь снова сказал:

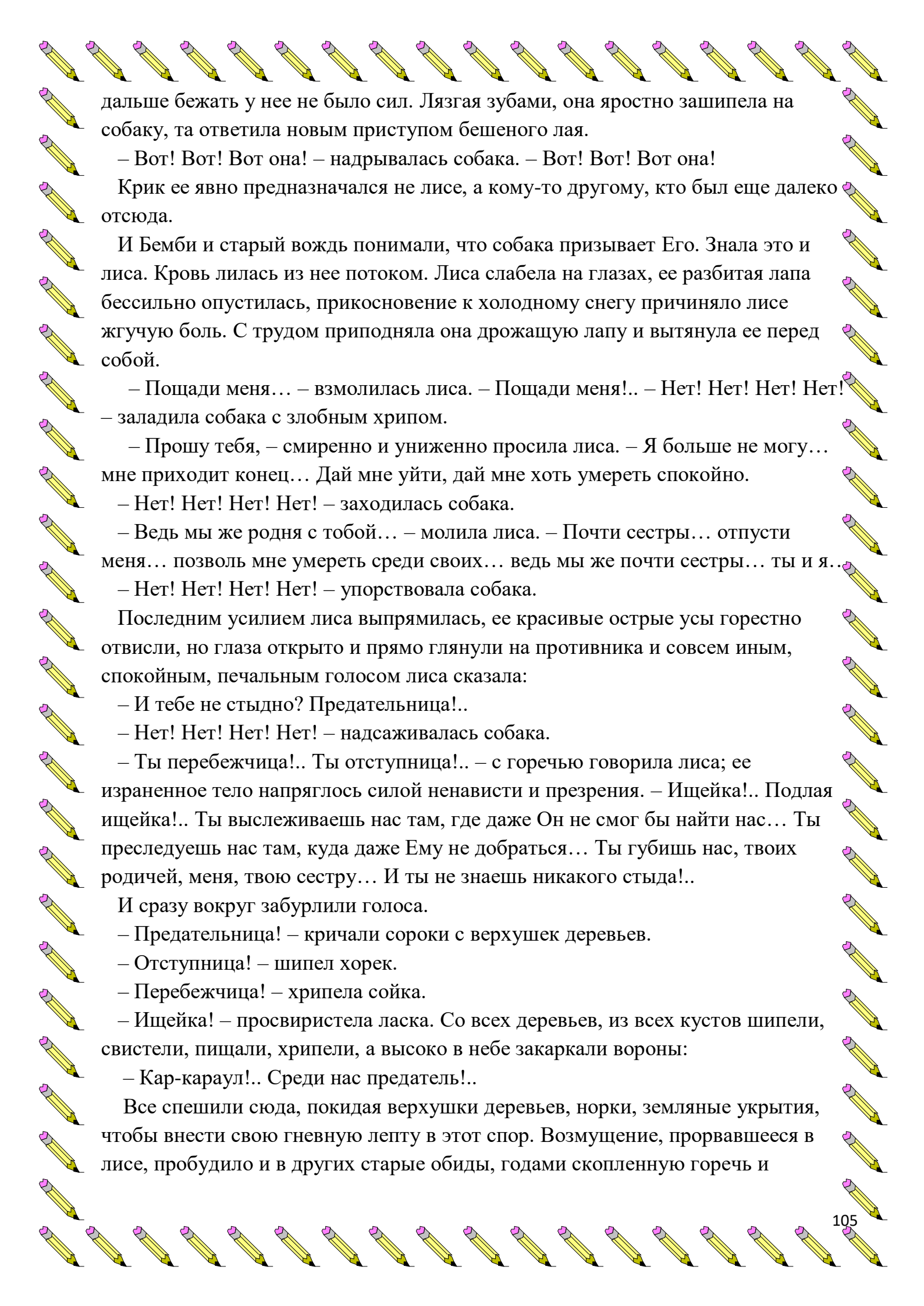
– Это нас не касается.

Они продолжали лежать, только чуть подвинулись к выходу. Теперь им стало видно, что происходит снаружи.

Хрустел валежник, с ветвей, задетых чьим-то невидимым бегом, опадал снег, и вот уже можно разглядеть бегущих.

Через сугробы и кусты, через пни, и толстые корни прыгала, ползла, продиралась старая лиса. А по пятам за ней гналась собака – невзрачный лохматый пес на коротких лапах.

У лисы была перебита передняя нога, на лопатке вырван мех. Она держала перебитую лапу на весу, перед собой, кровь хлестала из раны на груди. Лиса была вне себя от страха и злобы, от усталости и безнадежности. В какой-то миг она резко повернулась, ощерив зубы. Этот неожиданный маневр противника испугал собаку, она отскочила на несколько шагов. Лиса уселась на задние лапы,

дальше бежать у нее не было сил. Лязгая зубами, она яростно зашипела на собаку, та ответила новым приступом бешеного лая.

– Вот! Вот! Вот она! – надрывалась собака. – Вот! Вот! Вот она!

Крик ее явно предназначался не лисе, а кому-то другому, кто был еще далеко отсюда.

И Бемби и старый вождь понимали, что собака призывает Его. Знала это и лиса. Кровь лилась из нее потоком. Лиса слабела на глазах, ее разбитая лапа бессильно опустилась, прикосновение к холодному снегу причиняло лисе жгучую боль. С трудом приподняла она дрожащую лапу и вытянула ее перед собой.

– Пощади меня... – взмолилась лиса. – Пощади меня!.. – Нет! Нет! Нет! Нет! – заладила собака с злобным хрипом.

– Прошу тебя, – смиренно и униженно просила лиса. – Я больше не могу... мне приходит конец... Дай мне уйти, дай мне хоть умереть спокойно.

– Нет! Нет! Нет! Нет! – заходила собака.

– Ведь мы же родня с тобой... – молила лиса. – Почти сестры... отпусти меня... позволь мне умереть среди своих... ведь мы же почти сестры... ты и я...

– Нет! Нет! Нет! Нет! – упорствовала собака.

Последним усилием лиса выпрямилась, ее красивые острые усы горестно отвисли, но глаза открыто и прямо глянули на противника и совсем иным, спокойным, печальным голосом лиса сказала:

– И тебе не стыдно? Предательница!..

– Нет! Нет! Нет! Нет! – надсаживалась собака.

– Ты перебежчица!.. Ты отступница!.. – с горечью говорила лиса; ее израненное тело напряглось силой ненависти и презрения. – Ищейка!.. Подлая ищейка!.. Ты выслеживаешь нас там, где даже Он не смог бы найти нас... Ты преследуешь нас там, куда даже Ему не добраться... Ты губишь нас, твоих родичей, меня, твою сестру... И ты не знаешь никакого стыда!..

И сразу вокруг забурлили голоса.

– Предательница! – кричали сороки с верхушек деревьев.

– Отступница! – шипел хорек.

– Перебежчица! – хрипела сойка.

– Ищейка! – просвиристела ласка. Со всех деревьев, из всех кустов шипели, свистели, пищали, хрипели, а высоко в небе закаркали вороны:

– Кар-караул!.. Среди нас предатель!..

Все спешили сюда, покидая верхушки деревьев, норки, земляные укрытия, чтобы внести свою гневную лепту в этот спор. Возмущение, прорвавшееся в лисе, пробудило и в других старые обиды, годами скопленную горечь и

ненависть, а вид крови, пятнающий белизну снега, пьянил, убивая привычный страх. Собака злобно огляделась.

– Вы! – крикнула она. – Чего вы хотите? Что вы знаете? О чем говорите? Всё, всё принадлежит Ему! Я тоже принадлежу Ему. И я люблю Его, я молюсь на Него, я служу Ему! Вы что же, хотите восстать против Него, всемогущего, вы убогие! Знайте же, Он царит над всем и над всеми! Все, что есть у вас, – от Него! Все, что растет и дышит, – от Него! – Собака тряслась от возбуждения.

– Предательница!.. – прошипела лиса. – Гадина!

И тут собака вцепилась ей в глотку. Рыча, сопя, хрипя, катались они по снегу – мохнатый, пестрый, дико кружащийся ком. Вокруг летали клочья шерсти, взвихренный снег, брызги крови. Но через несколько мгновений ком распался, лиса так и осталась лежать на взрыхленном снегу. Вот она дернулась, вытянулась и умерла.

Собака для верности тряхнула ее еще раз, другой и бросила. Широко расставив короткие лапы, она закричала торжествующим голосом:

– Вот! Вот! Вот она здесь!..

Свидетели битвы в ужасе кинулись врассыпную.

– Мне страшно... – тихо сказал Бемби.

– Страшно ее убийство, – отозвался старый вождь. – Страшна их вера в то, что говорила собака. Они верят в Его всемогущество и проводят свою жизнь в вечном страхе. Они ненавидят Его, презирают себя... и безропотно принимают гибель от Его руки!..

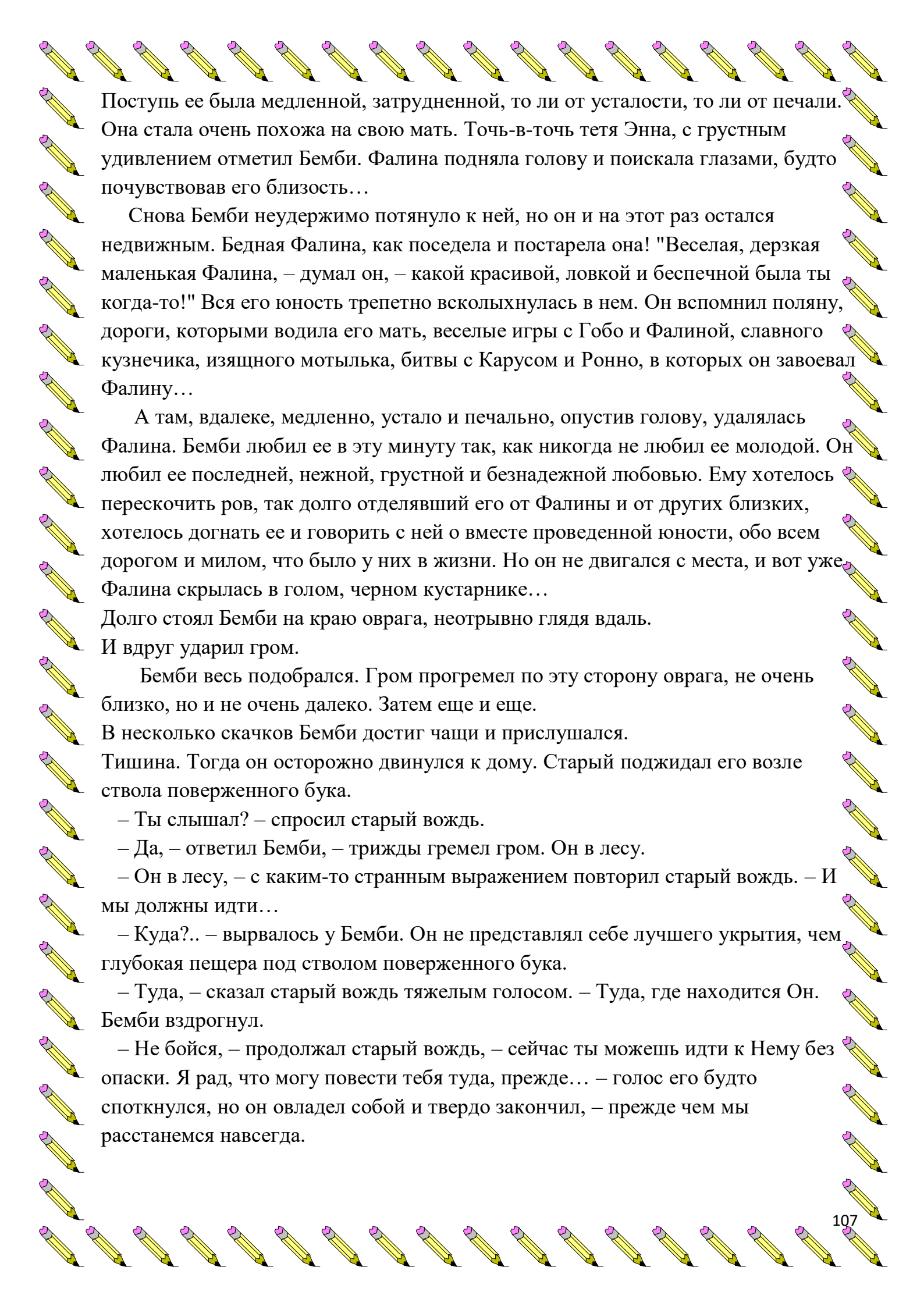
Холода внезапно кончились, в зиме словно наступил перерыв. Земля жадными глотками пила подтаявший снег и вскоре покрылась темными плешинами. Черные дрозды, правда, еще не пели, но, поднимаясь с земли, где отыскивали червяков, или, перелетая с дерева на дерево, они издавали долгие, радостные ноты, под стать весеннему пению. Послышался и хохоток дятла, разговорчивее стали вороны и сороки, безумолчно болтали между собой синицы, а фазаны, слетая с деревьев, на которых они зимовали, подолгу, как в добрую летнюю пору, оставались на земле, чтобы почистить перышки и приветствовать восход солнца металлическими надсадными воплями.

Однажды Бемби забрел дальше, чем обычно, и на утреннем рассвете добрался до пади оврага. На той стороне, где он некогда жил, мелькала чья-то красная шубка. Схоронившись в чапыжнике, Бемби стал наблюдать. Да, там действительно расхаживал кто-то из его племени и, выискивая свободные от снега местечки, лакомился молодой, едва пробившейся травкой.

Бемби хотел уже повернуть назад, как вдруг узнал Фалину. Первым его движением было броситься к ней, но он остался стоять, словно ноги его приросли к земле. Сердце его горячо билось. Он так давно не видел Фалину!

Поступь ее была медленной, затрудненной, то ли от усталости, то ли от печали. Она стала очень похожа на свою мать. Точь-в-точь тетя Энна, с грустным удивлением отметил Бемби. Фалина подняла голову и поискала глазами, будто почувствовав его близость...

Снова Бемби неудержимо потянуло к ней, но он и на этот раз остался недвижимым. Бедная Фалина, как поседела и постарела она! "Веселая, дерзкая маленькая Фалина, – думал он, – какой красивой, ловкой и беспечной была ты когда-то!" Вся его юность трепетно всколыхнулась в нем. Он вспомнил поляну, дороги, которыми водила его мать, веселые игры с Гобо и Фалиной, славного кузнечика, изящного мотылька, битвы с Карусом и Ронно, в которых он завоевал Фалину...

А там, вдалеке, медленно, устало и печально, опустив голову, удалялась Фалина. Бемби любил ее в эту минуту так, как никогда не любил ее молодой. Он любил ее последней, нежной, грустной и безнадежной любовью. Ему хотелось перескочить ров, так долго отделявший его от Фалины и от других близких, хотелось догнать ее и говорить с ней о вместе проведенной юности, обо всем дорогим и милым, что было у них в жизни. Но он не двигался с места, и вот уже Фалина скрылась в голом, черном кустарнике...

Долго стоял Бемби на краю оврага, неотрывно глядя вдаль.

И вдруг ударил гром.

Бемби весь подобрался. Гром прогремел по эту сторону оврага, не очень близко, но и не очень далеко. Затем еще и еще.

В несколько скачков Бемби достиг чащи и прислушался.

Тишина. Тогда он осторожно двинулся к дому. Старый поджидал его возле ствола поверженного бука.

– Ты слышал? – спросил старый вождь.

– Да, – ответил Бемби, – трижды гремел гром. Он в лесу.

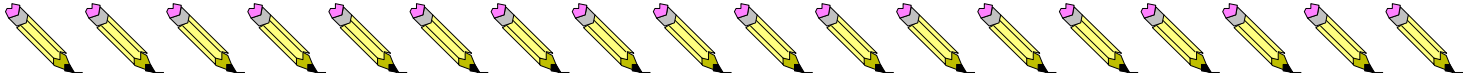
– Он в лесу, – с каким-то странным выражением повторил старый вождь. – И мы должны идти...

– Куда?.. – вырвалось у Бемби. Он не представлял себе лучшего укрытия, чем глубокая пещера под стволом поверженного бука.

– Туда, – сказал старый вождь тяжелым голосом. – Туда, где находится Он.

Бемби вздрогнул.

– Не бойся, – продолжал старый вождь, – сейчас ты можешь идти к Нему без опаски. Я рад, что могу повести тебя туда, прежде... – голос его будто споткнулся, но он овладел собой и твердо закончил, – прежде чем мы расстанемся навсегда.

И тут Бемби, словно впервые увидел, как одряхлел старый вождь. Голова его стала белее снега, лицо исхудало, в прекрасных больших глазах погас глубокий блеск, они приобрели усталый, зеленоватый оттенок.

Они отошли совсем недалеко от своего убежища, когда в ноздри им ударил знакомый едкий запах – вечная угроза, вечный ужас.

Бемби остановился, но старый вождь шел дальше, навстречу запаху, и Бемби нерешительно последовал за ним. Все более тяжелыми волнами набегал этот возбуждающий, раздражающий запах. Он заглушил уже все остальные запахи леса, он закладывал нос и глотку, так что нельзя было продохнуть. Неборимый позыв к бегству засосал под сердцем у Бемби, голова затуманилась, все жилы напряглись, и, не надеясь на себя, Бемби теснее прижался к старому вождю. Но тот безостановочно шел вперед. – Здесь! – сказал старый вождь и ступил в сторону.

В поломанном кустарнике, на взрыхленном снегу, навзничь простерся Он. Страх, перед которым меркли все иные когда-либо испытанные страхи, охватил Бемби. Давно подавляемое стремление к бегству рванулось наружу стремительным скачком.

– Стой! – услышал он грозный оклик, оглянулся и увидел, что старый вождь спокойно стоит подле Него, по-прежнему простертого на земле.

Вне себя от изумления, Бемби замер, затем, охваченный безграничным любопытством и ожиданием чего-то необыкновенного, медленно приблизился к старому вождю.

Он лежал, обратив к небу бледное, голое лицо, Его шляпа валялась поодаль на снегу, и Бемби, не имевший понятия о том, что такое шляпа, решил, что Его страшная голова раскололась надвое. На обнаженной шее браконьера зияла рана, напоминавшая маленький красный рот. Кровь еще стекала из раны в темную жижу подтаявшего снега.

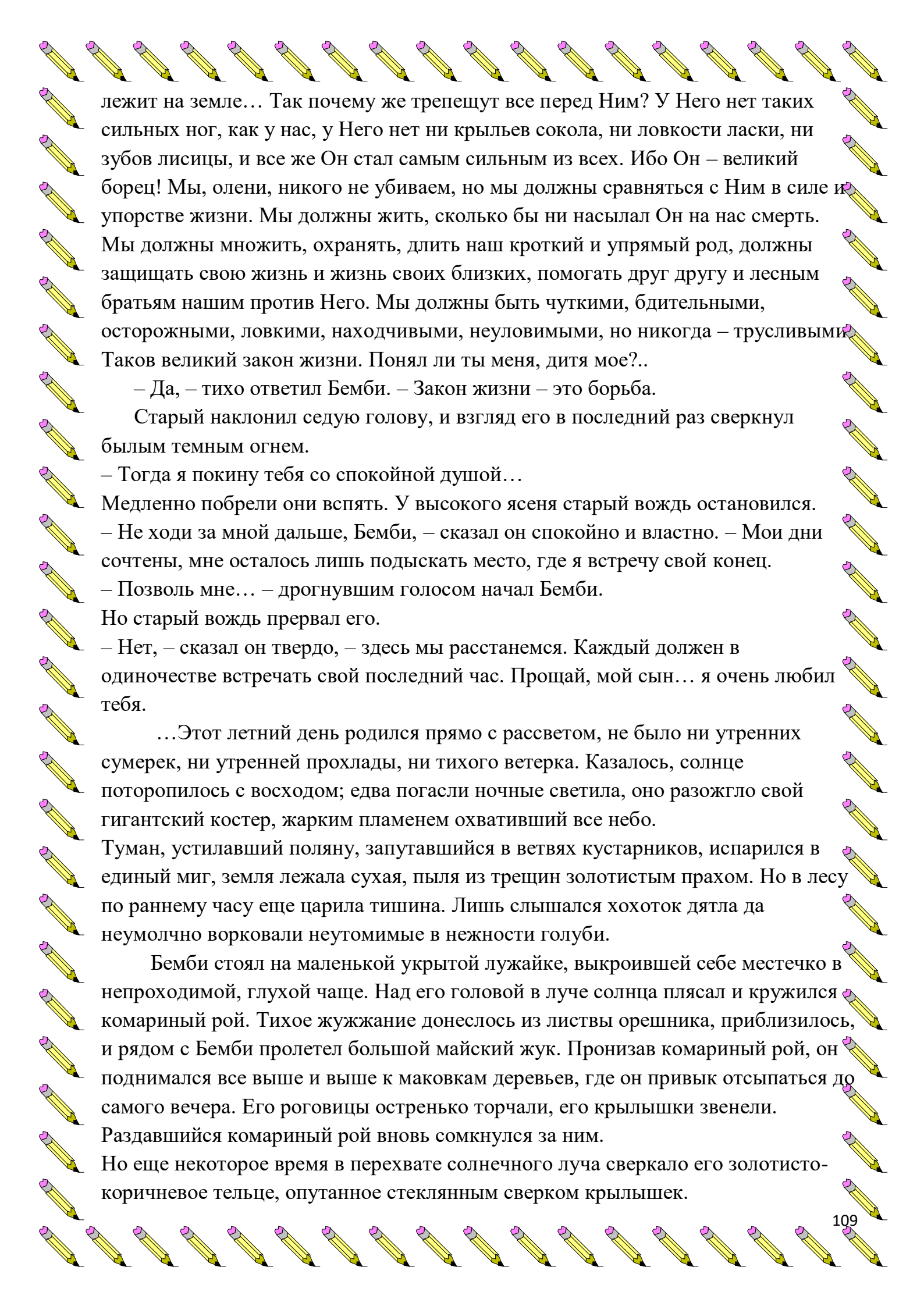
– Вот мы стоим здесь, – тихо сказал старый вождь, – стоим рядом с Ним... Где же его хваленое всемогущество?

Бемби смотрел на лежавшего, чьи стан, чьи члены, чья кожа казались ему загадочными и неуязвимыми, смотрел на Его потухшие глаза, и не понимал ничего.

– Бемби, – сказал старый вождь, – помнишь ли ты, что говорил о Нем Гобо, что говорила собака и чему слепо верят все обитатели леса?.. Помнишь ли ты?

– Да... – чуть слышно прошептал Бемби.

– Теперь ты видишь, Бемби, – продолжал старый вождь, – видишь собственными глазами, что Он вовсе не всемогущ, как утверждают лесные братья. Он такой же, как и все мы. Он знает и страх, и нужду, и страдание, и смерть. Грозный и неустрашимый идет Он против нас, и Он же, бездыханный,

лежит на земле... Так почему же трепещут все перед Ним? У Него нет таких сильных ног, как у нас, у Него нет ни крыльев сокола, ни ловкости ласки, ни зубов лисицы, и все же Он стал самым сильным из всех. Ибо Он – великий борец! Мы, олени, никого не убиваем, но мы должны сравняться с Ним в силе и упорстве жизни. Мы должны жить, сколько бы ни насылал Он на нас смерть. Мы должны множить, охранять, длить наш кроткий и упрямый род, должны защищать свою жизнь и жизнь своих близких, помогать друг другу и лесным братьям нашим против Него. Мы должны быть чуткими, бдительными, осторожными, ловкими, находчивыми, неуловимыми, но никогда – трусливыми. Таков великий закон жизни. Понял ли ты меня, дитя мое?..

– Да, – тихо ответил Бемби. – Закон жизни – это борьба.

Старый склонил седую голову, и взгляд его в последний раз сверкнул былым темным огнем.

– Тогда я покину тебя со спокойной душой...

Медленно побрели они вспять. У высокого ясеня старый вождь остановился.

– Не ходи за мной дальше, Бемби, – сказал он спокойно и властно. – Мои дни сочтены, мне осталось лишь подыскать место, где я встречу свой конец.

– Позволь мне... – дрогнувшим голосом начал Бемби.

Но старый вождь прервал его.

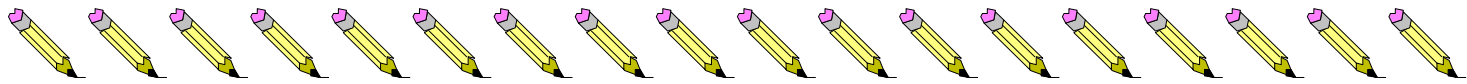
– Нет, – сказал он твердо, – здесь мы расстанемся. Каждый должен в одиночестве встречать свой последний час. Прощай, мой сын... я очень любил тебя.

...Этот летний день родился прямо с рассветом, не было ни утренних сумерек, ни утренней прохлады, ни тихого ветерка. Казалось, солнце поторопилось с восходом; едва погасли ночные светила, оно разожгло свой гигантский костер, жарким пламенем охвативший все небо.

Туман, устилавший поляну, запутавшийся в ветвях кустарников, испарился в единый миг, земля лежала сухая, пыля из трещин золотистым прахом. Но в лесу по раннему часу еще царила тишина. Лишь слышался хохоток дятла да неумолчно ворковали неумолимые в нежности голуби.

Бемби стоял на маленькой укрытой лужайке, выкроившей себе местечко в непроходимой, глухой чаще. Над его головой в луче солнца плясал и кружился комариный рой. Тихое жужжание донеслось из листвы орешника, приблизилось, и рядом с Бемби пролетел большой майский жук. Пронизав комариный рой, он поднимался все выше и выше к маковкам деревьев, где он привык отсыпаться до самого вечера. Его роговицы остренько торчали, его крылышки звенели. Раздавшийся комариный рой вновь сомкнулся за ним.

Но еще некоторое время в перехвате солнечного луча сверкало его золотисто-коричневое тельце, опутанное стеклянным сверком крылышек.

Проводив взглядом майского жука, Бемби двинулся дальше.

– Вы знаете, кто это? – взволнованно гудели комары, роясь почти над самой его короной.

– Это старый вождь, – говорили одни. А другие добавляли:

– Все его родичи давно умерли, а он все живет и живет.

– Сколько же ему лет? – любопытствовал крошечный комарик.

– Это трудно сказать, – ответил взрослый комар. – Олени живут долго, чуть не целый век. Возможно, они тридцать, сорок раз видят солнце... Наша жизнь тоже длится немало, но мы видим день лишь однажды или дважды.

– А старый вождь? – спросил комарик.

– Он пережил всех своих. Вероятно, он стар, как мир... Он столько видел, столько испытал, что это невозможно представить себе.

"Комариные песни, – подумал Бемби, – комариные сказки".

Нежный, боязливый клич достиг его уха.

Бемби прислушался и пошел напролом сквозь густую заросль, совсем тихо, совсем беззвучно, – это давно уже стало его привычкой.

Снова прозвучал зов, настойчивый, жалостный, в два голоса, и эти голоса напомнили Бемби его былой, детский голос.

– Мама!.. Мама!..

На прогалинке, тесно прижавшись друг к дружке, стояли два малыша в красных шубках, брат и сестра, покинутые и унылые.

– Мама!.. Мама!..

Еще не замер их горестный крик, когда перед ними предстал Бемби.

Робко уставились малыши на пришельца.

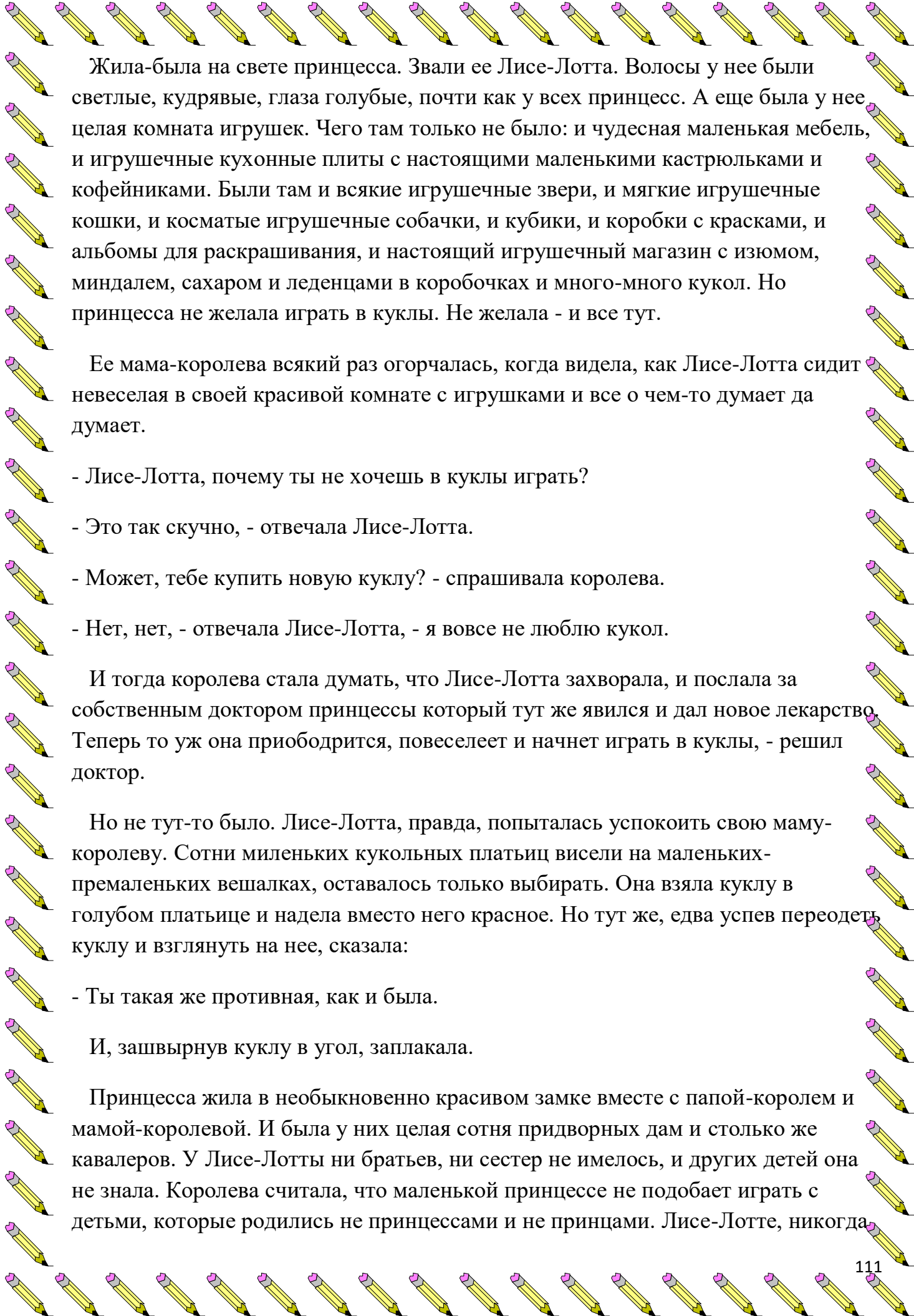
– У матери нет сейчас времени для вас, – строго сказал Бемби. – Он заглянул в глаза маленькому: – Ты что же, не можешь быть один? Стыдись! Малыш и его сестренка испуганно молчали. Бемби повернулся и исчез в заросли орешника.

"Малыш нравится мне, – думал он с нежностью, бесшумно скользя сквозь рослые травы, кустарник и бурелом. – Мы еще встретимся с ним, когда он подрастет... И маленькая тоже очень мила. Она похожа на Фалину, когда та была девочкой..."

Он шел все дальше и дальше, пока сумеречная глубина леса не поглотила его.

А. Линдгрэн «Принцесса, не желающая играть в куклы»

(пер. со швед. Е. Соловьевой)

Жила-была на свете принцесса. Звали ее Лисе-Лотта. Волосы у нее были светлые, кудрявые, глаза голубые, почти как у всех принцесс. А еще была у нее целая комната игрушек. Чего там только не было: и чудесная маленькая мебель, и игрушечные кухонные плиты с настоящими маленькими кастрюльками и кофейниками. Были там и всякие игрушечные звери, и мягкие игрушечные кошки, и косматые игрушечные собачки, и кубики, и коробки с красками, и альбомы для раскрашивания, и настоящий игрушечный магазин с изюмом, миндалем, сахаром и леденцами в коробочках и много-много кукол. Но принцесса не желала играть в куклы. Не желала - и все тут.

Ее мама-королева всякий раз огорчалась, когда видела, как Лисе-Лотта сидит невеселая в своей красивой комнате с игрушками и все о чем-то думает да думает.

- Лисе-Лотта, почему ты не хочешь в куклы играть?

- Это так скучно, - отвечала Лисе-Лотта.

- Может, тебе купить новую куклу? - спрашивала королева.

- Нет, нет, - отвечала Лисе-Лотта, - я вовсе не люблю кукол.

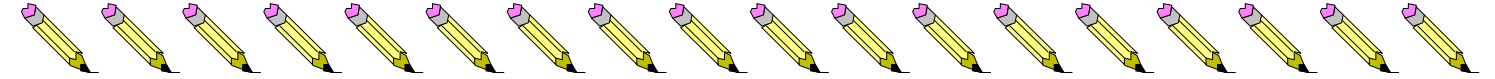
И тогда королева стала думать, что Лисе-Лотта захворала, и послала за собственным доктором принцессы который тут же явился и дал новое лекарство. Теперь то уж она приободрится, повеселеет и начнет играть в куклы, - решил доктор.

Но не тут-то было. Лисе-Лотта, правда, попыталась успокоить свою маму-королеву. Сотни миленьких кукольных платьиц висели на маленьких-премаленьких вешалках, оставалось только выбирать. Она взяла куклу в голубом платьице и надела вместо него красное. Но тут же, едва успев переодеть куклу и взглянуть на нее, сказала:

- Ты такая же противная, как и была.

И, зашвырнув куклу в угол, заплакала.

Принцесса жила в необыкновенно красивом замке вместе с папой-королем и мамой-королевой. И была у них целая сотня придворных дам и столько же кавалеров. У Лисе-Лотты ни братьев, ни сестер не имелось, и других детей она не знала. Королева считала, что маленькой принцессе не подобает играть с детьми, которые родились не принцессами и не принцами. Лисе-Лотте, никогда

не выдавшей других детей, казалось, что на свете есть одни только взрослые, а маленькая она одна. Если иногда какая-нибудь из придворных дам пыталась поиграть с Лисе-Лоттой, девочка замыкалась, потому что считала это нелепым, садилась на стул и молчала.

Замок располагался посреди большого сада, а вокруг тянулась высокая каменная стена. Заросшая колючими розами, она все равно оставалась высокой каменной стеной, так что не выглянешь на волю и не узнаешь, что за этой стеной находится. Правда, в той стене были чудесные ворота с высокими решетками, которые открывались и закрывались всякий раз, когда король выезжал в своей золоченой, запряженной шестеркой белых лошадей карете. Но у ворот всегда несли службу королевские солдаты, и Лисе-Лотта не хотела туда ходить: она была немножко застенчива.

В самой глубине сада находилась маленькая-премаленькая решетчатая калитка. Ни одного солдата возле нее на страже не стояло, калитка была заперта, а ключ висел рядом на крючке. Принцесса часто гуляла у этой калитки и смотрела на волю.

Но однажды случилось нечто удивительное. Подойдя к решетке, принцесса увидела, что за ней стоит человечек ничуть не больше ее самой. Это была просто-напросто маленькая девочка, точь-в-точь такая же маленькая, как и сама принцесса, только платье на этой девочке было не шелковое, как на Лисе-Лотте, а ситцевое, в скромную клеточку. Девочку звали Майей.

- Почему ты такая маленькая? - спросила Лисе-Лотта.

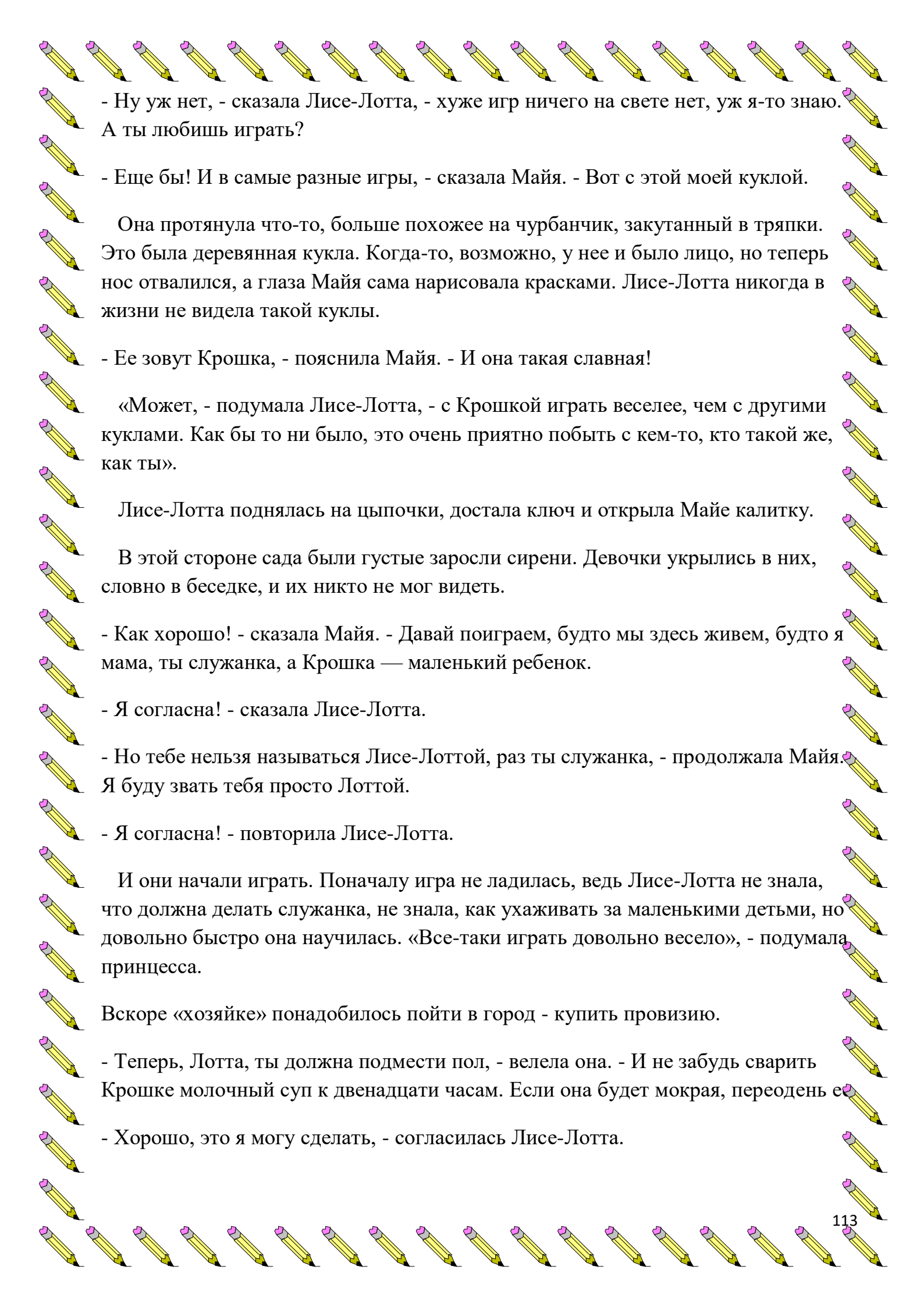
- Не меньше, чем ты, - ответила Майя.

- Так-то оно так, - сказала Лисе-Лотта, - но мне казалось, что я - единственная на свете такая малышка.

- Мы с тобой, пожалуй, одинаковые, - сказала Майя. - Тебе бы нужно повидать моего братца у нас дома, он - вот такой малюсенький.

И Майя показала руками, какой именно он величины. Лисе-Лотта осталась весьма довольна. Подумать только, на свете есть люди, такие же маленькие, как она сама. А может, найдутся и еще меньше.

- Открой мне калитку, и мы сможем поиграть, - предложила Майя.

- Ну уж нет, - сказала Лисе-Лотта, - хуже игр ничего на свете нет, уж я-то знаю. А ты любишь играть?

- Еще бы! И в самые разные игры, - сказала Майя. - Вот с этой моей куклой.

Она протянула что-то, больше похожее на чурбанчик, закутанный в тряпки. Это была деревянная кукла. Когда-то, возможно, у нее и было лицо, но теперь нос отвалился, а глаза Майя сама нарисовала красками. Лисе-Лотта никогда в жизни не видела такой куклы.

- Ее зовут Крошка, - пояснила Майя. - И она такая славная!

«Может, - подумала Лисе-Лотта, - с Крошкой играть веселее, чем с другими куклами. Как бы то ни было, это очень приятно побыть с кем-то, кто такой же, как ты».

Лисе-Лотта поднялась на цыпочки, достала ключ и открыла Майе калитку.

В этой стороне сада были густые заросли сирени. Девочки укрылись в них, словно в беседке, и их никто не мог видеть.

- Как хорошо! - сказала Майя. - Давай поиграем, будто мы здесь живем, будто я мама, ты служанка, а Крошка — маленький ребенок.

- Я согласна! - сказала Лисе-Лотта.

- Но тебе нельзя называться Лисе-Лоттой, раз ты служанка, - продолжала Майя. Я буду звать тебя просто Лоттой.

- Я согласна! - повторила Лисе-Лотта.

И они начали играть. Поначалу игра не ладилась, ведь Лисе-Лотта не знала, что должна делать служанка, не знала, как ухаживать за маленькими детьми, но довольно быстро она научилась. «Все-таки играть довольно весело», - подумала принцесса.

Вскоре «хозяйке» понадобилось пойти в город - купить провизию.

- Теперь, Лотта, ты должна подмести пол, - велела она. - И не забудь сварить Крошке молочный суп к двенадцати часам. Если она будет мокрая, переодень ее.

- Хорошо, это я могу сделать, - согласилась Лисе-Лотта.

- Нет, ты не так говоришь, - сказала Майя. - Ты должна отвечать: «Слушаюсь, госпожа».

- Слушаюсь, госпожа, - повторила Лотта.

И тогда «госпожа» отправилась в «город», а Лотта подмела пол веником из ветвей, которые она наломала, и Крошка поела молочный суп; Лисе-Лотта очень за ней ухаживала. Вскоре «хозяйка» вернулась домой, принесла «сахар», «шпинат» и прекрасную «телятину». Лисе-Лотта видела, конечно, что «сахар» - это просто песок, «шпинат» - листья сирени, «телятина» же - обыкновенная дощечка. Но уж очень приятно было думать, что они взаправдашние. И до чего весело! Щеки принцессы порозовели, глаза сияли.

Потом «хозяйка» с Лоттой взяли малину и отжимали ее через красивый платочек принцессы, малиновый сок стекал по ее розовому платьицу, и принцесса никогда еще так не веселилась.

Зато, какой переполох поднялся в замке. Придворные дамы и кавалеры повсюду искали принцессу, а королева плакала от горя. Наконец она сама отправилась на поиски и отыскала Лисе-Лотту в глубине сада за густыми зарослями.

- Дорогое мое дитя, - еще не придя в себя, закричала королева, - так поступать не годится!

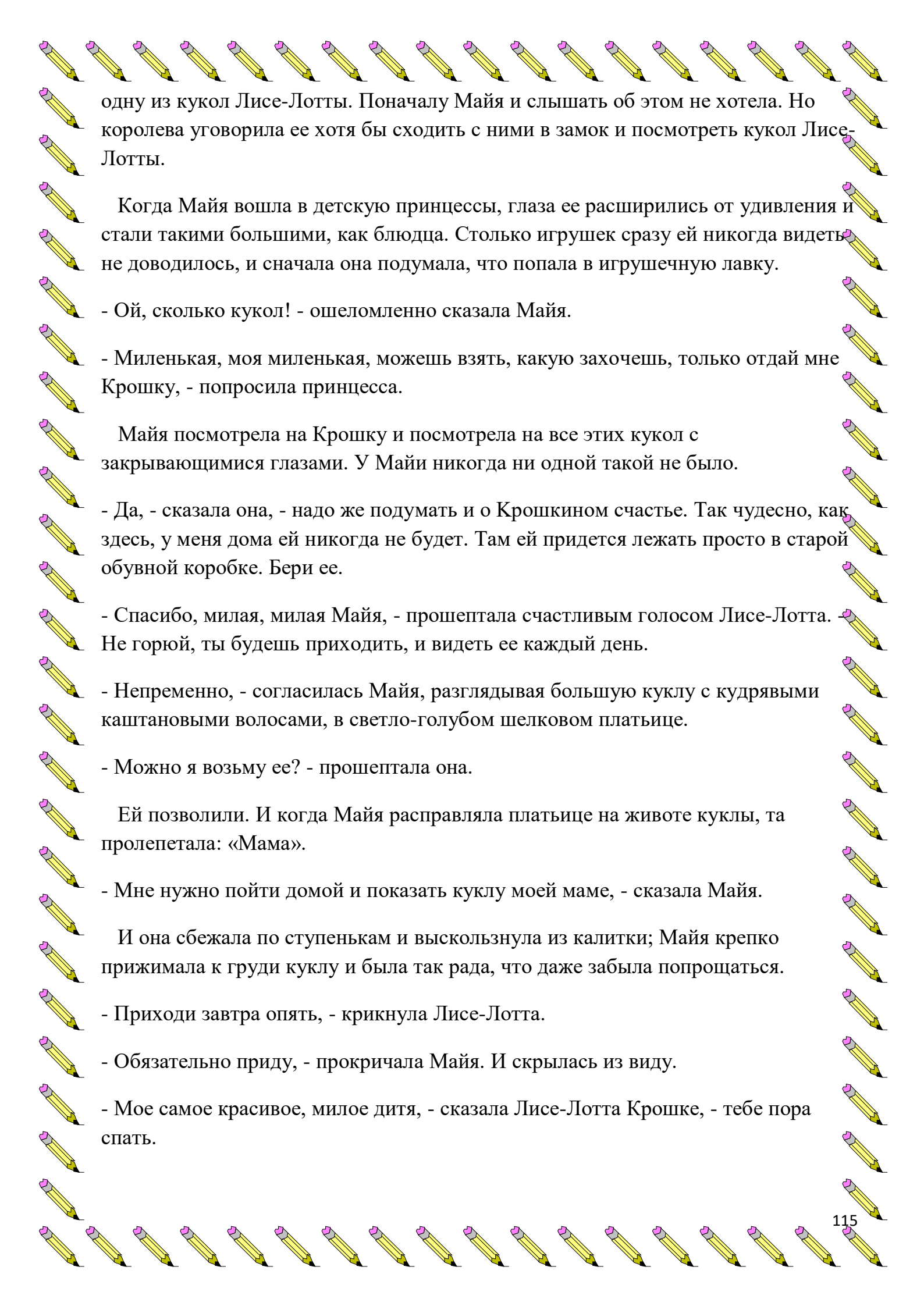
Но тут заплакала Лисе-Лотта.

- Ах, мама, не мешай нам, уходи, ведь мы играем, - попросила она.

Королева увидела «сыр», «шпинат», «жаркое из телятины» и Крошку... И сразу поняла, кто научил Лисе-Лотту играть и почему щеки у принцессы порозовели... Королева была достаточно умна и тут же предложила Майе приходить к ним каждый день и играть с принцессой. Можете представить себе, как обрадовались девочки. Они взялись за руки и закружились на месте.

- Но мама, почему ты никогда не дарила мне такой куклы, как Крошка, с которой можно играть? - любопытствовала Лисе-Лотта.

Королева смогла лишь ответить, что никогда не видела подобной куклы в тех дорогих лавках, где обычно покупала игрушки для принцессы. Теперь же, во всяком случае, Лисе-Лотте страшно захотелось иметь у себя такую куклу, как Крошка, и вот королева спросила, не хочет ли Майя поменяться и взять взамен

одну из кукол Лисе-Лотты. Поначалу Майя и слышать об этом не хотела. Но королева уговорила ее хотя бы сходить с ними в замок и посмотреть кукол Лисе-Лотты.

Когда Майя вошла в детскую принцессы, глаза ее расширились от удивления и стали такими большими, как блюдца. Столько игрушек сразу ей никогда видеть не доводилось, и сначала она подумала, что попала в игрушечную лавку.

- Ой, сколько кукол! - ошеломленно сказала Майя.

- Миленькая, моя миленькая, можешь взять, какую захочешь, только отдай мне Крошку, - попросила принцесса.

Майя посмотрела на Крошку и посмотрела на все этих кукол с закрывающимися глазами. У Майи никогда ни одной такой не было.

- Да, - сказала она, - надо же подумать и о Крошкином счастье. Так чудесно, как здесь, у меня дома ей никогда не будет. Там ей придется лежать просто в старой обувной коробке. Бери ее.

- Спасибо, милая, милая Майя, - прошептала счастливым голосом Лисе-Лотта. Не горюй, ты будешь приходить, и видеть ее каждый день.

- Непременно, - согласилась Майя, разглядывая большую куклу с кудрявыми каштановыми волосами, в светло-голубом шелковом платье.

- Можно я возьму ее? - прошептала она.

Ей позволили. И когда Майя расправляла платье на животе куклы, та пролепетала: «Мама».

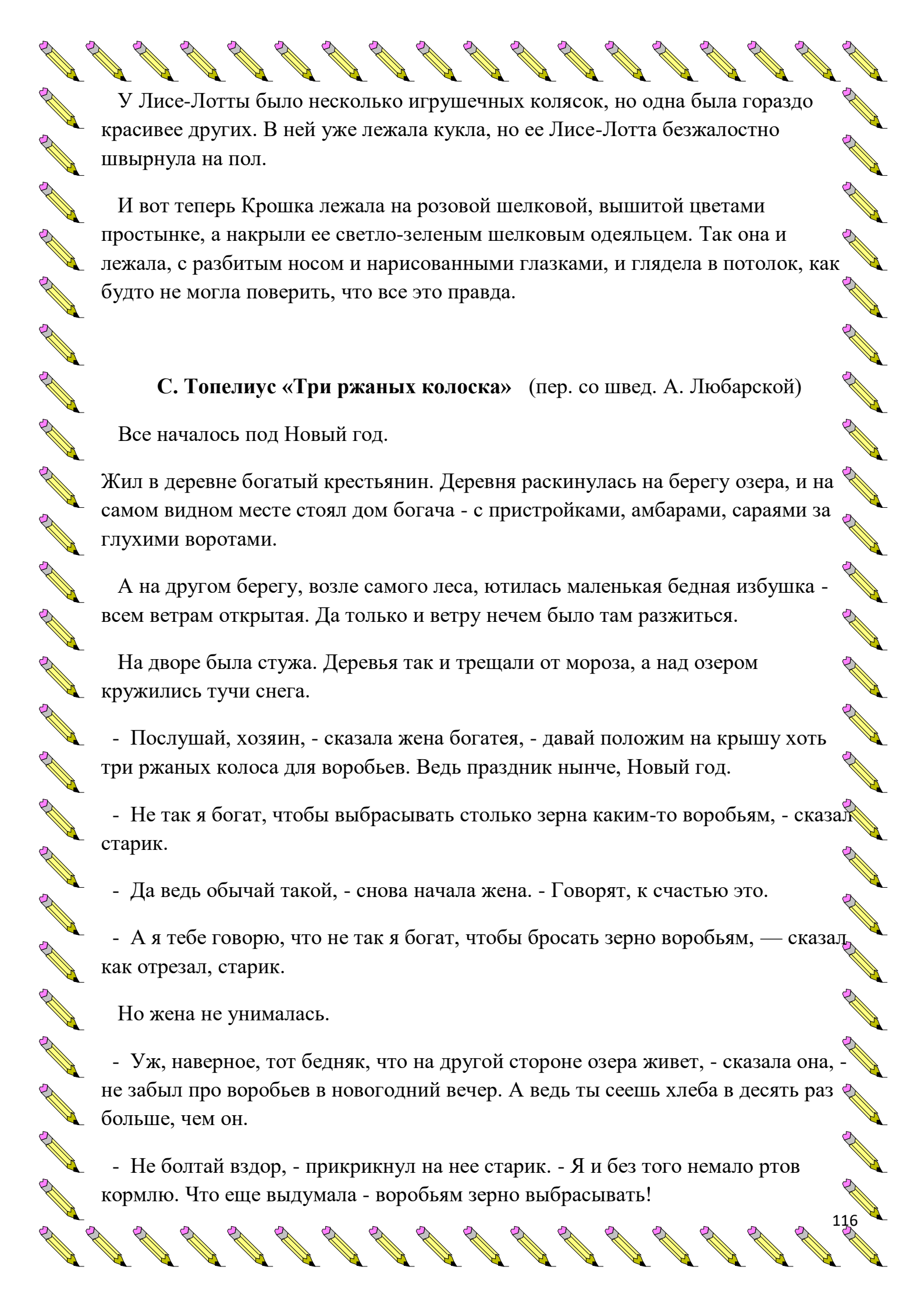
- Мне нужно пойти домой и показать куклу моей маме, - сказала Майя.

И она сбежала по ступенькам и выскользнула из калитки; Майя крепко прижимала к груди куклу и была так рада, что даже забыла попрощаться.

- Приходи завтра опять, - крикнула Лисе-Лотта.

- Обязательно приду, - прокричала Майя. И скрылась из виду.

- Мое самое красивое, милое дитя, - сказала Лисе-Лотта Крошке, - тебе пора спать.

У Лисе-Лотты было несколько игрушечных колясок, но одна была гораздо красивее других. В ней уже лежала кукла, но ее Лисе-Лотта безжалостно швырнула на пол.

И вот теперь Крошка лежала на розовой шелковой, вышитой цветами простынке, а накрыли ее светло-зеленым шелковым одеяльцем. Так она и лежала, с разбитым носом и нарисованными глазками, и глядела в потолок, как будто не могла поверить, что все это правда.

С. Топелиус «Три ржаных колоска» (пер. со швед. А. Любарской)

Все началось под Новый год.

Жил в деревне богатый крестьянин. Деревня раскинулась на берегу озера, и на самом видном месте стоял дом богача - с пристройками, амбарами, сараями за глухими воротами.

А на другом берегу, возле самого леса, ютилась маленькая бедная избушка - всем ветрам открытая. Да только и ветру нечем было там разжиться.

На дворе была стужа. Деревья так и трещали от мороза, а над озером кружились тучи снега.

- Послушай, хозяин, - сказала жена богатея, - давай положим на крышу хоть три ржаных колоса для воробьев. Ведь праздник нынче, Новый год.

- Не так я богат, чтобы выбрасывать столько зерна каким-то воробьям, - сказал старик.

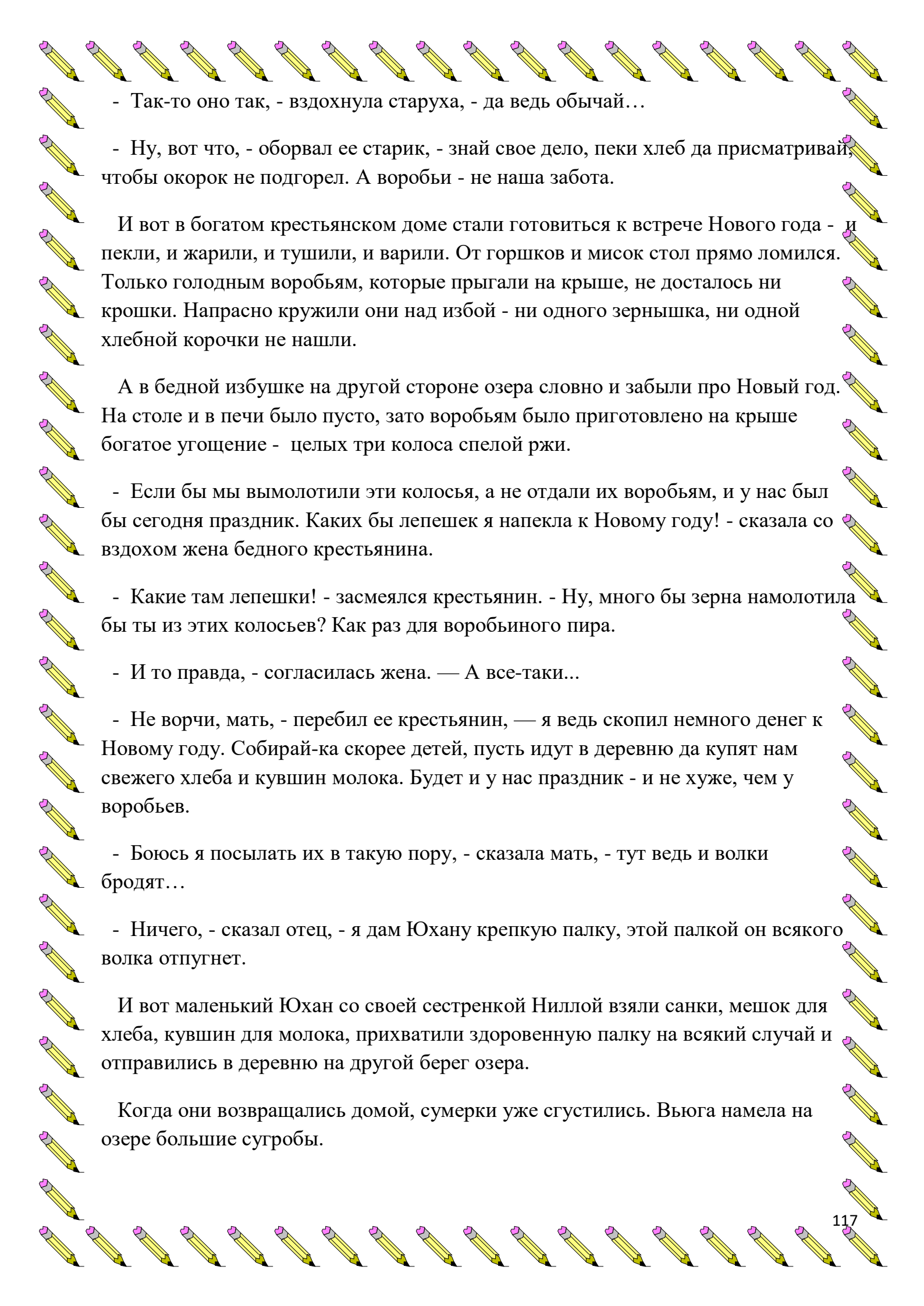
- Да ведь обычай такой, - снова начала жена. - Говорят, к счастью это.

- А я тебе говорю, что не так я богат, чтобы бросать зерно воробьям, — сказал, как отрезал, старик.

Но жена не унималась.

- Уж, наверное, тот бедняк, что на другой стороне озера живет, - сказала она, - не забыл про воробьев в новогодний вечер. А ведь ты сеешь хлеба в десять раз больше, чем он.

- Не болтай вздор, - прикрикнул на нее старик. - Я и без того немало ртов кормлю. Что еще выдумала - воробьям зерно выбрасывать!

- Так-то оно так, - вздохнула старуха, - да ведь обычай...

- Ну, вот что, - оборвал ее старик, - знай свое дело, пеки хлеб да присматривай, чтобы окорок не подгорел. А воробьи - не наша забота.

И вот в богатом крестьянском доме стали готовиться к встрече Нового года - и пекли, и жарили, и тушили, и варили. От горшков и мисок стол прямо ломился. Только голодным воробьям, которые прыгали на крыше, не досталось ни крошки. Напрасно кружили они над избой - ни одного зернышка, ни одной хлебной корочки не нашли.

А в бедной избушке на другой стороне озера словно и забыли про Новый год. На столе и в печи было пусто, зато воробьям было приготовлено на крыше богатое угощение - целых три колоса спелой ржи.

- Если бы мы вымолотили эти колосья, а не отдали их воробьям, и у нас был бы сегодня праздник. Каких бы лепешек я напекла к Новому году! - сказала со вздохом жена бедного крестьянина.

- Какие там лепешки! - засмеялся крестьянин. - Ну, много бы зерна намолотила бы ты из этих колосьев? Как раз для воробьиного пира.

- И то правда, - согласилась жена. — А все-таки...

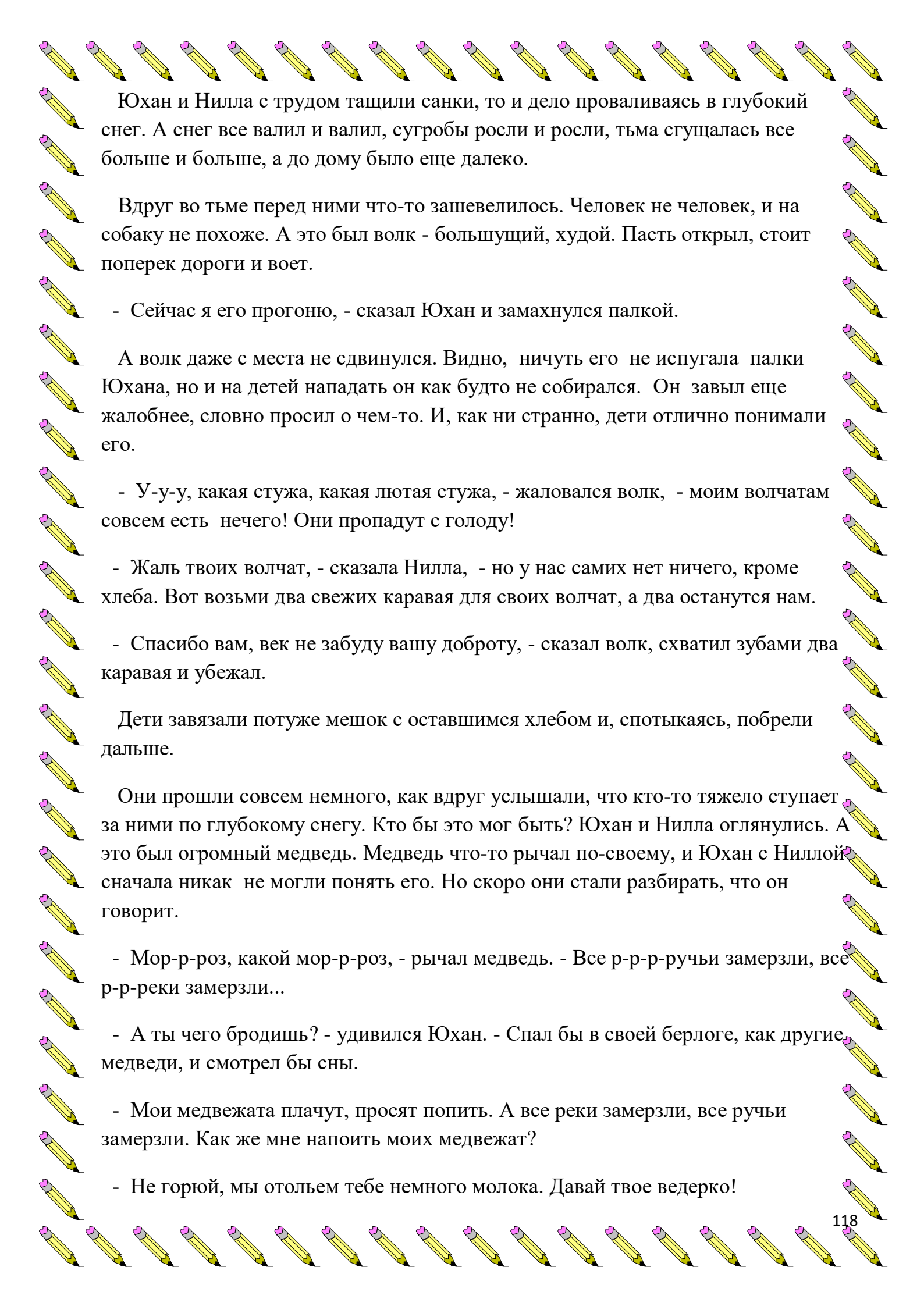
- Не ворчи, мать, - перебил ее крестьянин, — я ведь скопил немного денег к Новому году. Собирай-ка скорее детей, пусть идут в деревню да купят нам свежего хлеба и кувшин молока. Будет и у нас праздник - и не хуже, чем у воробьев.

- Боюсь я посылать их в такую пору, - сказала мать, - тут ведь и волки бродят...

- Ничего, - сказал отец, - я дам Юхану крепкую палку, этой палкой он всякого волка отпугнет.

И вот маленький Юхан со своей сестренкой Ниллой взяли санки, мешок для хлеба, кувшин для молока, прихватили здоровенную палку на всякий случай и отправились в деревню на другой берег озера.

Когда они возвращались домой, сумерки уже сгустились. Вьюга намела на озере большие сугробы.

Юхан и Нилла с трудом тащили санки, то и дело проваливаясь в глубокий снег. А снег все валил и валил, сугробы росли и росли, тьма сгущалась все больше и больше, а до дому было еще далеко.

Вдруг во тьме перед ними что-то зашевелилось. Человек не человек, и на собаку не похоже. А это был волк - большущий, худой. Пасть открыл, стоит поперек дороги и воет.

- Сейчас я его прогоню, - сказал Юхан и замахнулся палкой.

А волк даже с места не сдвинулся. Видно, ничуть его не испугала палка Юхана, но и на детей нападать он как будто не собирался. Он завыл еще жалобнее, словно просил о чем-то. И, как ни странно, дети отлично понимали его.

- У-у-у, какая стужа, какая лютая стужа, - жаловался волк, - моим волчатам совсем есть нечего! Они пропадут с голоду!

- Жаль твоих волчат, - сказала Нилла, - но у нас самих нет ничего, кроме хлеба. Вот возьми два свежих караваев для своих волчат, а два останутся нам.

- Спасибо вам, век не забуду вашу доброту, - сказал волк, схватил зубами два караваев и убежал.

Дети завязали потуже мешок с оставшимся хлебом и, спотыкаясь, побрели дальше.

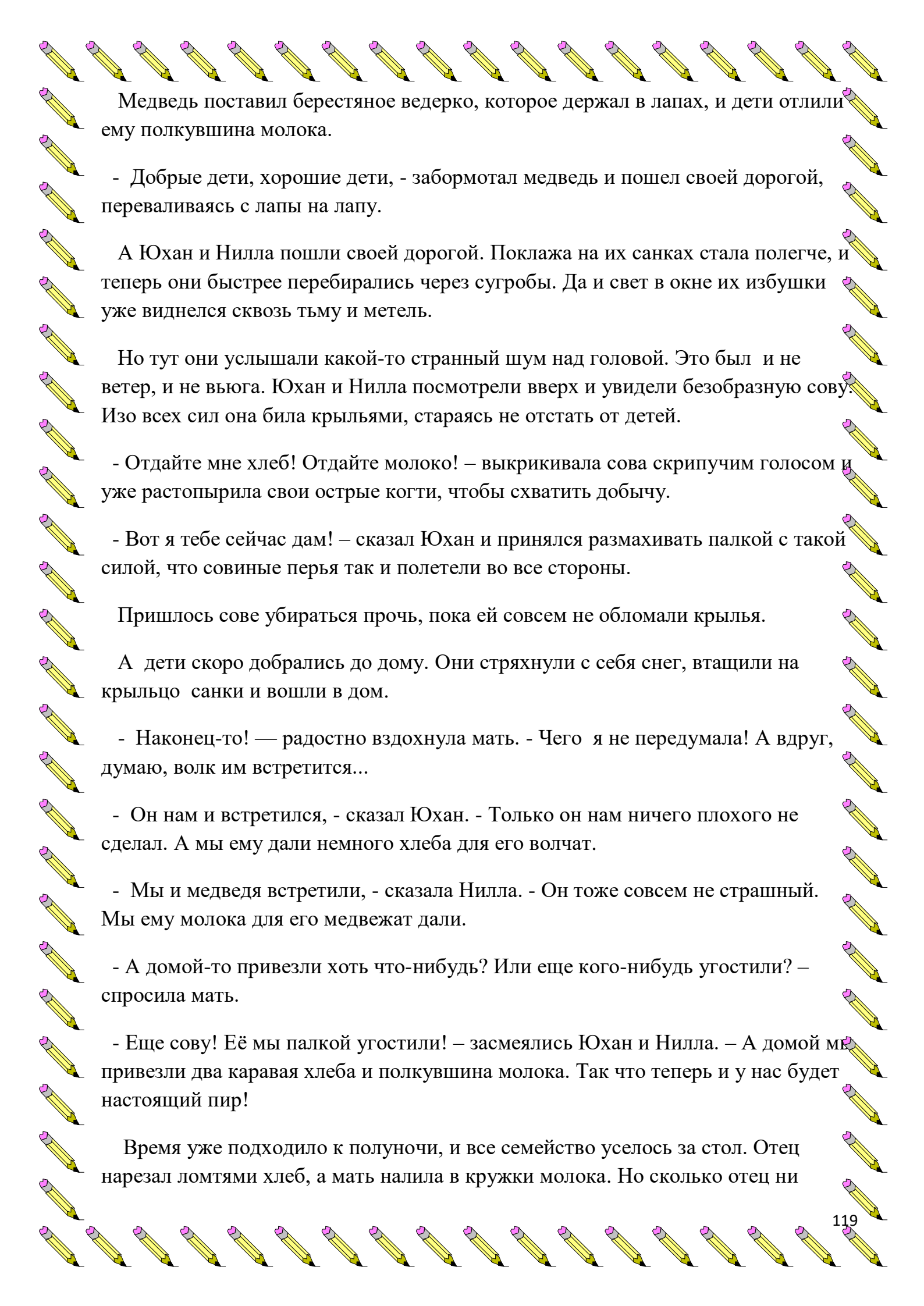
Они прошли совсем немного, как вдруг услышали, что кто-то тяжело ступает за ними по глубокому снегу. Кто бы это мог быть? Юхан и Нилла оглянулись. А это был огромный медведь. Медведь что-то рычал по-своему, и Юхан с Ниллой сначала никак не могли понять его. Но скоро они стали разбирать, что он говорит.

- Мор-р-роз, какой мор-р-роз, - рычал медведь. - Все р-р-р-ручьи замерзли, все р-р-реки замерзли...

- А ты чего бродишь? - удивился Юхан. - Спал бы в своей берлоге, как другие медведи, и смотрел бы сны.

- Мои медвежата плачут, просят попить. А все реки замерзли, все ручьи замерзли. Как же мне напоить моих медвежат?

- Не горюй, мы отольем тебе немного молока. Давай твоё ведро!

Медведь поставил берестяное ведро, которое держал в лапах, и дети отлили ему полкувшина молока.

- Добрые дети, хорошие дети, - забормотал медведь и пошел своей дорогой, переваливаясь с лапы на лапу.

А Юхан и Нилла пошли своей дорогой. Поклажа на их санках стала полегче, и теперь они быстрее перебирались через сугробы. Да и свет в окне их избушки уже виднелся сквозь тьму и метель.

Но тут они услышали какой-то странный шум над головой. Это был и не ветер, и не вьюга. Юхан и Нилла посмотрели вверх и увидели безобразную сову. Из всех сил она била крыльями, стараясь не отстать от детей.

- Отдайте мне хлеб! Отдайте молоко! – выкрикивала сова скрипучим голосом и уже растопырила свои острые когти, чтобы схватить добычу.

- Вот я тебе сейчас дам! – сказал Юхан и принялся размахивать палкой с такой силой, что совиные перья так и полетели во все стороны.

Пришлось сове убираться прочь, пока ей совсем не обломали крылья.

А дети скоро добрались до дому. Они стряхнули с себя снег, втащили на крыльцо санки и вошли в дом.

- Наконец-то! — радостно вздохнула мать. - Чего я не передумала! А вдруг, думаю, волк им встретится...

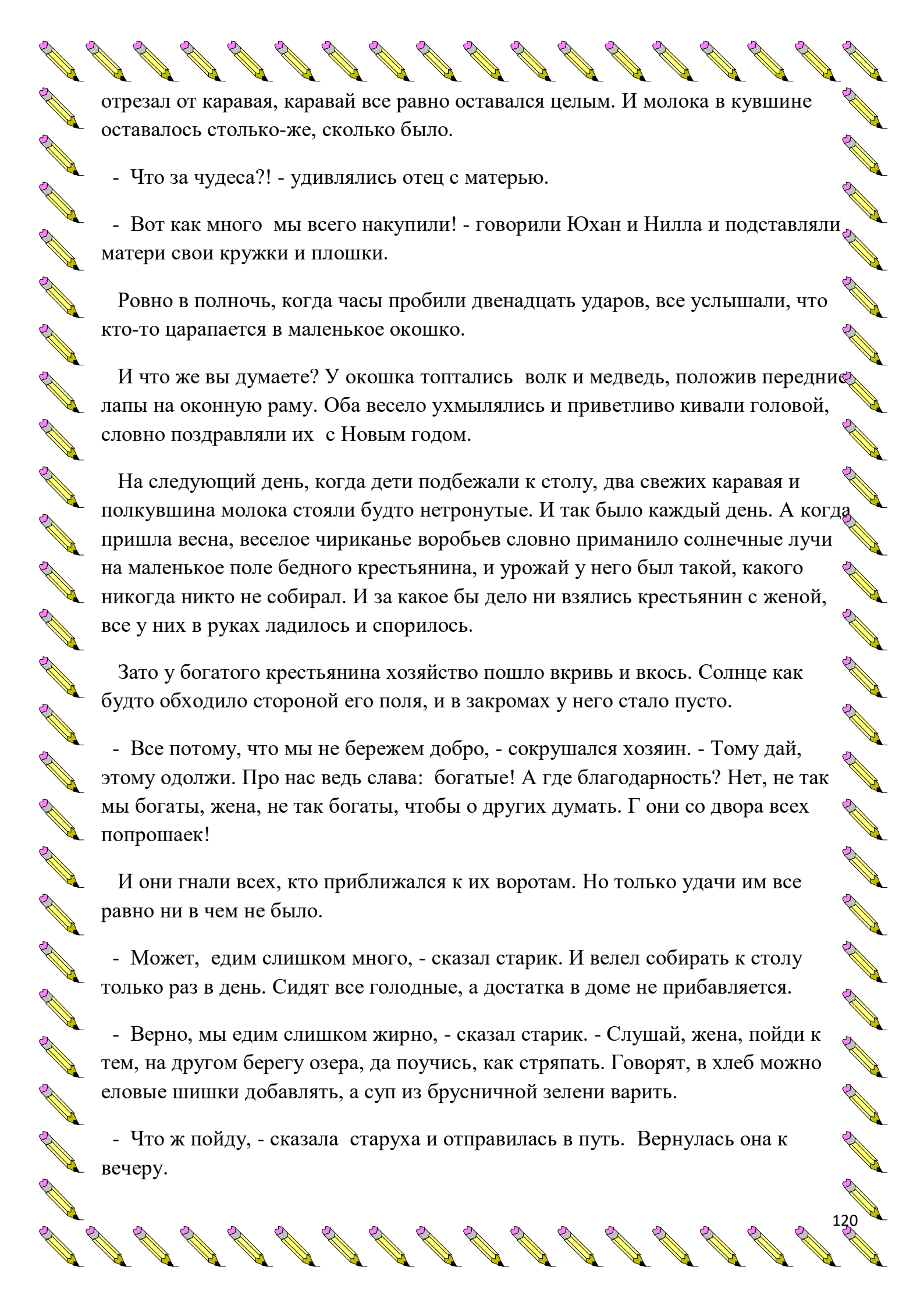
- Он нам и встретился, - сказал Юхан. - Только он нам ничего плохого не сделал. А мы ему дали немного хлеба для его волчат.

- Мы и медведя встретили, - сказала Нилла. - Он тоже совсем не страшный. Мы ему молока для его медвежат дали.

- А домой-то привезли хоть что-нибудь? Или еще кого-нибудь угостили? – спросила мать.

- Еще сову! Её мы палкой угостили! – засмеялись Юхан и Нилла. – А домой мы привезли два каравай хлеба и полкувшина молока. Так что теперь и у нас будет настоящий пир!

Время уже подходило к полуночи, и все семейство уселось за стол. Отец нарезал ломтями хлеб, а мать налила в кружки молока. Но сколько отец ни

отрезал от каравая, каравай все равно оставался целым. И молока в кувшине оставалось столько-же, сколько было.

- Что за чудеса?! - удивлялись отец с матерью.

- Вот как много мы всего накупили! - говорили Юхан и Нилла и подставляли матери свои кружки и плошки.

Ровно в полночь, когда часы пробили двенадцать ударов, все услышали, что кто-то царапается в маленькое окошко.

И что же вы думаете? У окошка топтались волк и медведь, положив передние лапы на оконную раму. Оба весело ухмылялись и приветливо кивали головой, словно поздравляли их с Новым годом.

На следующий день, когда дети подбежали к столу, два свежих каравая и полкувшина молока стояли будто нетронутые. И так было каждый день. А когда пришла весна, веселое чириканье воробьев словно приманило солнечные лучи на маленькое поле бедного крестьянина, и урожай у него был такой, какого никогда никто не собирал. И за какое бы дело ни взялись крестьянин с женой, все у них в руках ладилось и спорилось.

Зато у богатого крестьянина хозяйство пошло вкривь и вкось. Солнце как будто обходило стороной его поля, и в закромах у него стало пусто.

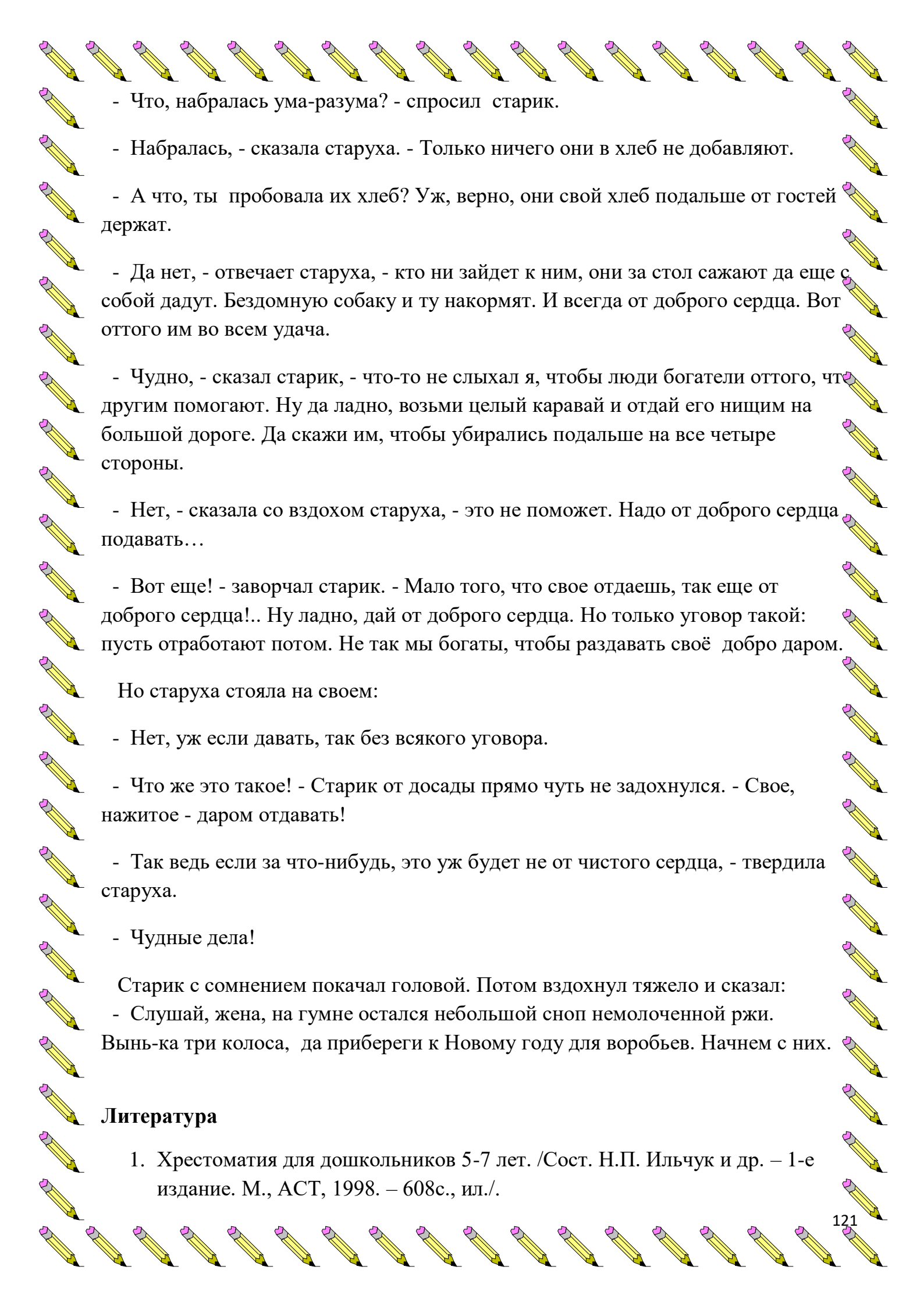
- Все потому, что мы не бережем добро, - сокрушался хозяин. - Тому дай, этому одолжи. Про нас ведь слава: богатые! А где благодарность? Нет, не так мы богаты, жена, не так богаты, чтобы о других думать. Г они со двора всех попрошаек!

И они гнали всех, кто приближался к их воротам. Но только удачи им все равно ни в чем не было.

- Может, едим слишком много, - сказал старик. И велел собирать к столу только раз в день. Сидят все голодные, а достатка в доме не прибавляется.

- Верно, мы едим слишком жирно, - сказал старик. - Слушай, жена, пойдись к тем, на другом берегу озера, да поучись, как стряпать. Говорят, в хлеб можно словые шишки добавлять, а суп из брусничной зелени варить.

- Что ж пойду, - сказала старуха и отправилась в путь. Вернулась она к вечеру.

- Что, набралась ума-разума? - спросил старик.

- Набралась, - сказала старуха. - Только ничего они в хлеб не добавляют.

- А что, ты пробовала их хлеб? Уж, верно, они свой хлеб подальше от гостей держат.

- Да нет, - отвечает старуха, - кто ни пойдет к ним, они за стол сажают да еще с собой дадут. Бездомную собаку и ту накормят. И всегда от доброго сердца. Вот оттого им во всем удача.

- Чудно, - сказал старик, - что-то не слышал я, чтобы люди богатели оттого, что другим помогают. Ну да ладно, возьми целый каравай и отдай его нищим на большой дороге. Да скажи им, чтобы убирались подальше на все четыре стороны.

- Нет, - сказала со вздохом старуха, - это не поможет. Надо от доброго сердца подавать...

- Вот еще! - заворчал старик. - Мало того, что свое отдаешь, так еще от доброго сердца!.. Ну ладно, дай от доброго сердца. Но только уговор такой: пусть отработают потом. Не так мы богаты, чтобы раздавать своё добро даром.

Но старуха стояла на своем:

- Нет, уж если давать, так без всякого уговора.

- Что же это такое! - Старик от досады прямо чуть не задохнулся. - Свое, нажитое - даром отдавать!

- Так ведь если за что-нибудь, это уж будет не от чистого сердца, - твердила старуха.

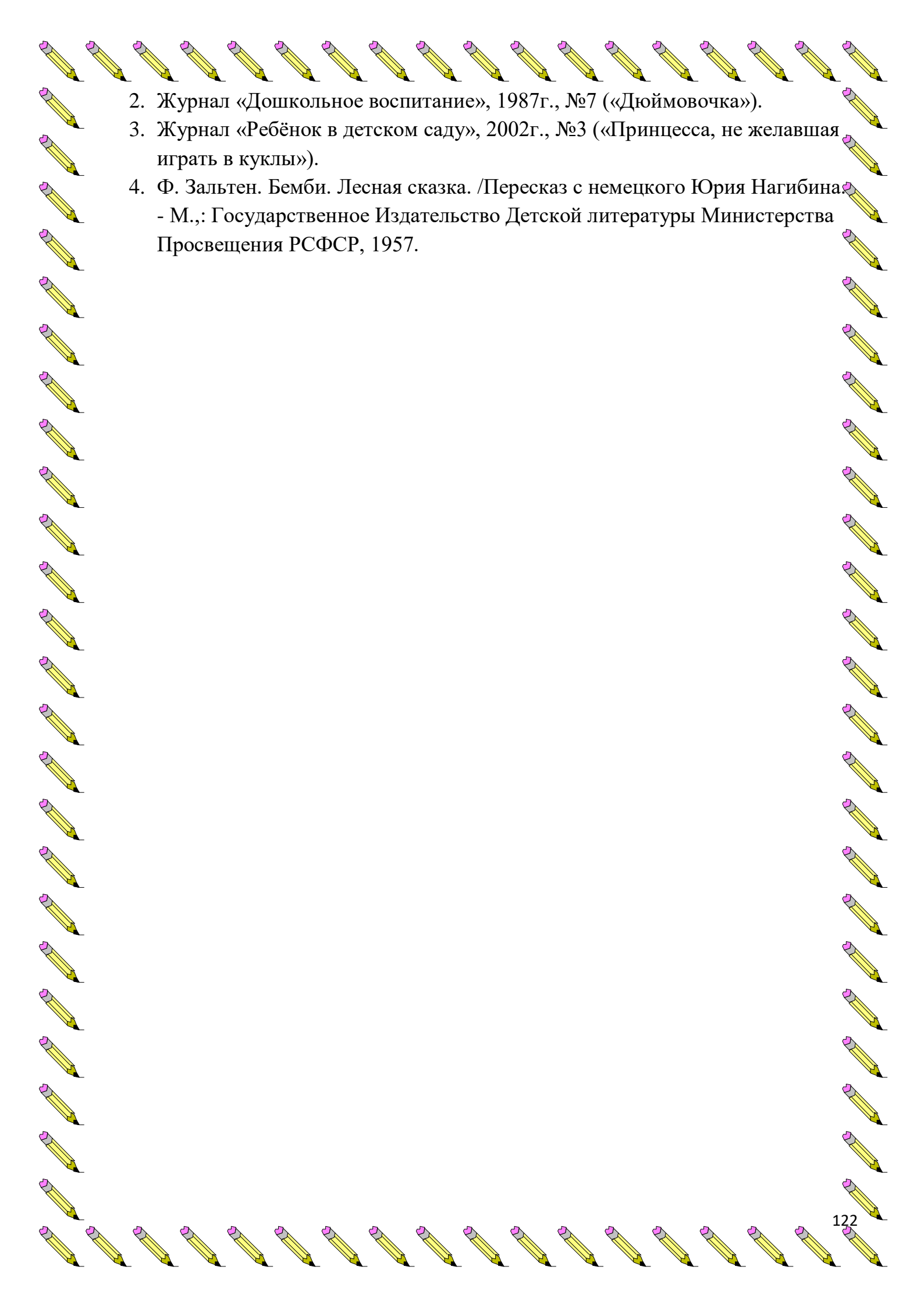
- Чудные дела!

Старик с сомнением покачал головой. Потом вздохнул тяжело и сказал:

- Слушай, жена, на гумне остался небольшой сноп немолоченной ржи. Вынь-ка три колоса, да прибереги к Новому году для воробьев. Начнем с них.

Литература

1. Хрестоматия для дошкольников 5-7 лет. /Сост. Н.П. Ильчук и др. – 1-е издание. М., АСТ, 1998. – 608с., ил./.

-
2. Журнал «Дошкольное воспитание», 1987г., №7 («Дюймовочка»).
 3. Журнал «Ребёнок в детском саду», 2002г., №3 («Принцесса, не желавшая играть в куклы»).
 4. Ф. Зальтен. Бемби. Лесная сказка. /Пересказ с немецкого Юрия Нагибина - М.,: Государственное Издательство Детской литературы Министерства Просвещения РСФСР, 1957.